

СВЯТОША

ИМПЕРИЯ ХРАМОВ

Я умер и попал. Но не в рай, а в тело молодого послушника... Отмаливать грехи? Нет, обучаться вырезать нечисть и насаждать доброе и светлое божественной магией. И старым добрым глоком. Монастырь больше похож на военную академию, а мои новые братья вовсе не святые.

Империей и церковью правит император. За власть и бизнес грызутся аристократы и международные коалиции. А за стенами храмов прячется зло страшнее исчадий бездны. И угроза исходит не только от тварей, которые совсем обнаглели, но и от тех, кто ищет сильную кровь среди бастардов высокородных родителей.

Глава 1

— Илья, очнись!

Меня трясло. Боже, никогда не было такого тяжелого похмелья. Нет, это не моё тело дрожало, а чьи-то цепкие руки впились в плечи и встряхивали с монотонной частотой. Что за скотина меня будит?

Мужской голос, хоть и называл меня по имени, был мне незнаком. Но незнакомец так и продолжал бубнить «Илья, очнись» и трясти. От очередного рывка хрустнуло в шее и я открыл глаза.

Весь мой обзор занимала обеспокоенная рожа. Немногим меня старше, но жизнью потрепан мужик конкретно. Глубокие морщины на лбу и в углах серых глаз, висящие щеки, неумело выбрит. И короткий ежик русых волос.

Точно рожа совершенно незнакомая. Я не настолько стар и забывчив, всего-то за сороковник пару лет назад перевалило. Даже после того шумного юбилея не было так мучительно. Или это было не пару лет назад...

— Илья, слава всеблагим! Очнулся! — радостно возвопил он тут же, заставив меня болезненно поморщиться.

Головная боль вынудила сосредоточиться. За маячащей передо мной незнакомой рожей виднелись верхушки деревьев. А над ними светлеющее предрассветное небо. Как я оказался на улице? В парке или, не дай бог, в лесу?

Я поднялся так резко, что мужик не успел отпрянуть и мы столкнулись лбами. В башке загудело, словно ударили в набат. Или мне это не кажется? Сознание все ещё плыло и я списал этот звук на остаточные галлюцинации после... А вот после чего, надо подумать.

Мужик начал суетиться, помогая мне подняться на ноги, а я пытался вспомнить. Что произошло ночью? Был клуб, встреча в дружеской атмосфере, потом я решил немного расслабиться. Ничего необычного, пара напитков, наблюдение за публикой.

Девушка! Там была девушка... Чёрт, как же трудно вспомнить. Её образ расплывался среди мерцающих огней, движущихся в танце силуэтов, дыма и музыки. Неужели меня опоили? Нет, невозможно, место было надёжное и проверенное.

— Давай, давай, поднимайся скорее, — торопил меня тем временем незнакомец, подтягивая к себе за руку. — До подъёма совсем немного времени, когда братья проснутся, тебе уже надо быть в обители.

Стоп. Что? От непонимания происходящего я застыл, из-за чего рухнул обратно на траву. Какие братья, какая обитель? Я что, мать их, в монастыре?

По спине пробежали мурашки. Мелкие ледяные твари впились в позвоночник,

парализуя.

Очень неприятно, когда часть жизни напрочь выпадает из памяти. Но ещё неприятнее, когда ты очухиваешься в неизвестном месте, понятия не имея, как сюда попал. Точно чем-то накачали.

Кто? Зачем? Почему я жив? И какого хрена я делаю в монастыре? Это что ещё за идиотские происки врагов — отправить меня на постриг? Я даже схватился за голову, но бритости там не обнаружил. Ух, зарос, пора стричься.

Мужик свои попытки поднять меня не оставил и снова вцепился в мои плечи, дёрнув на себя. А я смог рассмотреть, что на нём и правда подобие монашеской рясы. Одевание, больше похожее на огромный холщовый мешок. Бесформенный и неопределённого тёмного цвета.

Пора заканчивать этот цирк.

— Ты кто вообще? — я еле разлепил ссохшиеся губы.

Лицо монаха испуганно сморщилось, а губы зашевелились. Но я не слышал, что он ответил. Потому что мой голос не был моим. Я мог, теоретически, всю ночь орать песни и охрипнуть. Но помолодеть на двадцать с лишним лет и вернуться в прекрасное время ломки голоса не мог.

— Да какого хрена происходит? — почти проорал я проверочную фразу и мурашки превратились в холодный пот.

Вдобавок мне в лицо уткнулась потная ладонь, а мужик завращал глазами и стал опасно озираться. А вот это ты зря, не надо мне затыкать рот.

Рефлексы сработали неожиданно быстро и чётко. Перехват за запястье, вывернуть, ребром второй руки резкий удар по шее, завалить на землю и отскочить.

Кажется, я охренел даже больше, чем он. Силы в руках было ощутимо больше. Но при этом движения были не самые умелые. Словно не было мышечной памяти, сработал чисто мозг, как на первых тренировках... Да что за?

— Илья, ты что делаешь? — пробубнил монах в землю и начал отплевываться.

Я отступил ещё на пару шагов и огляделся. На лес не очень похоже, как и на парк, впрочем. Что-то среднее. Слишком ухоженный для леса и слишком беспорядочный для парка. Лиственные деревья, плотная посадка, буйная зелень, не вековые, но достаточно высокие, чтобы не видеть, что за ними.

И очень тихо. А значит я всё-таки где-то в области. Ни единого звука города. Городские жители привыкают к этому белому шуму, но я всегда его слышал. Шелест шин, визг тормозов, глухое урчание двигателей, далекие гудки, сигналки, перестук трамваев. Всегда есть какие-то звуки.

— Илья... — мужик поднялся и отряхивался, смотря на меня с обидой.

Как-то он очень уверенно ко мне обращается. Так разговаривают только с хорошо знакомыми людьми. Но я его вижу в первый раз в жизни. При этом он не притворяется. Читать людей — одно из моих главных достоинств, которое не раз спасало жизнь.

В голове тут же стрельнуло и промелькнул проклятый женский силуэт. Девушка, была девушка...

— Пойдём, нам уже пора возвращаться, — махнул мне монах и шустро прошмыгнул между деревьев.

Я поспешил следом, на ходу размышляя. Ну, по-крайней мере, я старался это сделать. Состояние у меня было не очень то к такому располагающее. Мысли о том, что же произошло сегодня ночью, вытесняли мысли о том, где я.

Ладно, сначала нужно выбраться. Потом уже вспоминать, как я сюда попал. Я всё больше склонялся к выводу, что меня конкретно так накачали. Бутером под завязку и вполне возможно, что я при этом и новыми знакомствами обзавёлся в лице мелькающего передо мной монаха.

Сучары, кто бы это ни был, они ответят. Я бы мог подумать на шутки друзей, но они не стали бы использовать опасные вещества. Да и знали моё жёсткое к ним отношение.

— Эй! — я понял, что потерял из виду невзрачную рясу.

Гадкое время суток. Я почти ни хрена не видел в сумерках, в темноте и то проще было ориентироваться. Но только я об этом подумал, как понял, что вижу я тоже гораздо лучше. Просто деревья часто стоят, да ещё и какой-то высокий кустарник на пути.

И явно что-то не то с координацией. Сначала я погрешил на отходняк, но в голове уже прояснилось, да и общее состояние улучшилось. Свежий прохладный воздух привел в себя окончательно.

Ароматы леса воспринимались так ясно, будто я впервые оказался вне царства бетона, пыли и выхлопных газов. Даже запах прелых листьев под ногами ощущался, словно я в них носом уткнулся.

Ничего себе приходы. Меня, похоже, зарядили целым коктейлем. Вот чёрт, надеюсь, не заставили подписать какие-нибудь документы. Типа отписать всё имущество секте. Вдруг этот монах с его братьями как раз из этой степи.

Но хрен им, притворюсь вдохновлённым, сбегу и сразу на освидетельствование. И всех своих охрененно дорогих адвокатов им в задницу. Да кто такой идиотский план мог придумать...

Настроение моё улучшилось, тем более что сектант вернулся за мной и со скорбным лицом пошёл рядом. Значит, подыграю. Неизвестно, в доле этот мужик или нет, но в любом случае из секты просто так не отпускают.

Мои догадки про область подтвердились, когда мы через пятнадцать минут вышли к так называемой обители. Высоченная побеленная стена и небольшая низкая дверь в ней. Из аутентичных криво сбитых разномастных досок.

Мужик, ещё раз оглядевшись, приоткрыл её ровно настолько, чтобы мог протиснуться такой тощей экземпляр, как он, и исчез внутри.

Я схватился за край, чтобы открыть дверь пошире. Всё таки тушку я себе накачал и наел неслабую. И тут я замер снова.

Пока мы пробирались сквозь не то лес, не то лесопарк, посветлело ещё. И теперь света было достаточно, чтобы разглядеть свои руки. И они тоже не были моими. Пусть голос тоже можно было объяснить побочным эффектом. Но не это.

Широкие ладони, длинные пальцы, гладкая кожа, да даже форма ногтей изменилась. И, самое главное, никакого шрама. Он достался мне ещё в детстве, я случайно наступил на хвост собаке. Настоящему медведю, помеси кавказца и мамонта. Он разодрал мне руку и эта отметина осталась со мной на всю жизнь.

Вывод... Такой себе. Я свихнулся, я в трипе, я сплю. Потому что это не моё тело. Теперь никаких сомнений и отговорок. Координацию, реакции и даже изменение голоса ещё можно объяснить.

Почему же всё кажется таким реальным? Даже чешется нос и натёрло ногу, то ли носок неправильно надет, то ли обувь не по размеру. Плохо, Ильях, очень плохо.

— Ну ты где там? — высунулся из-за двери монах, вопросительно подняв брови.

Я прищурился на него, пытаюсь вспомнить. Пять чувств. Только так можно проверить. Пахнет, ещё как. От мужика, причём, тоже. Жареным луком и салом.

Вижу я лучше, чем когда сделал операцию на глаза. Слышу. Шелестели листья на ветру, какая-то пичуга вдалеке прощebetала первую утреннюю песню. Кто-то еле слышно копошился в траве у стены.

С физическими ощущениями тоже всё в норме. Остается вкус. Я наклонился, сорвал сочную травинку и обстоятельно пожевал, засунув её в рот.

Мне кабздец. Это реальность.

— Надень капюшон, да поглубже, — сообщил мне мужик, нахмурившись. — У тебя глаза всё ещё светятся. Никто не должен этого увидеть, так что не поднимай взгляд и не смотри ни на кого. Через час должно пройти.

Меня замутило, окончательно подтверждая, что я не сплю. Только наяву возникает такое явное желание блевануть. Отлично, у меня глаза светятся. Мне хотелось не поверить этому блаженному, но тот опять был слишком серьёзен.

Всё нутро мне говорило лишь одно. Это правда.

Только после его слов я наконец посмотрел, во что одет я сам. Брюки и рубаша с капюшоном в таком же деревенском стиле, как у сектанта. И в тех же оттенках грязи. Грубые ручные швы, что-то холщовое. На ногах тоже нечто. Не такой должна быть обувь ручной работы. Не в этом веке.

— Илья? — выжидающе спросил мужик.

Да чтоб тебя, дай сообразить. Вообще мозг у меня быстро работает, да и подстраиваться под обстоятельства, какими бы безумными они не были, я умею. Недаром переговорщиком был. Про таких, как я, говорят, что природный талант.

Но вашу ж мать... В таком дерьме я ещё не оказывался.

— Погодь, — я поднял руку и внутренне содрогнулся от прозвучавшего чужого голоса.

Как можно очнуться не в своём теле? Надо вспомнить, что произошло. И я вспомнил. От этого меня пошатнуло, благо хоть стена оказалась рядом. Мне пришлось опереться на неё обеими руками и глубоко дышать.

Потому что выходило, что я умер. Красиво, просто гениально всё было обставлено. Девушка в беде, мой триггер, о котором знали немногие. И как она меня развела! Не отказывала, но и не соглашалась. Испуганно жалась ко мне своим восхитительным телом.

Озарение за озарением било по голове и лишь стойка с упором в мощную стену позволила мне устоять на ногах. Разговоры, шутки, намёки, прогулка по пустынным улицам. Белые ночи в Питере и я, как мальчишка, смеялся и держал её за руку, пока она шла босиком по каменной ограде набережной.

Чёрт, я ведь почти влюбился. В эту улыбку, чёртиков в глазах и длиннющие ноги, вышагивающие на цыпочках между тротуаром и водной гладью. А потом я отвёз её к себе и не успел даже показать свою берлогу, как почувствовал вкус сладких губ.

А потом она откинула голову, подставляя свою шею для поцелуя, подняла руки, освобождая волосы от собранной в пучок прически. В её изящных пальчиках сверкнула сталь.

Один точный удар прямо в сердце. Она прикусила губу и бесята в её глазах стали совсем безумными. Этот взгляд и шикарная грудь, которую я успел освободить из плена блузки. Всё, что я увидел в последний миг своей жизни. Прекрасное зрелище.

Кажется, я успел восхититься ею, идеальной убийцей, попавшей сразу в цель. И тем, кто

это придумал.

Никакой агонии и медленного мучительного затухания. Насмотрелся я в жизни на продолжительную смерть... У меня всё было быстро — сдавило, накатила жар и тут же наступила темнота. А потом этот мужик.

Получается, я умер и за свои грехи попал в... Чистилище? Отмаливать грехи в небесном или подземном монастыре? Пока ни на рай, ни на ад это не похоже. Эх, не был я верующим, хоть и был крещёным, как большинство из поколения девяностых.

Но после такого и табуретка уверует. Понять бы ещё во что.

Мой, хм, провожатый терпеливо ждал, пока я отдышусь. Уж не знаю, что мы делали в лесу, а теперь я уверен, что это настоящий лес. Моё плохое самочувствие он явно оправдывал тем, что там произошло.

Но есть неувязка в том, что он разговаривает со мной, как со старым знакомым. Если я попал в чистилище, то точно должен быть сначала ликбез, а не вот это всё.

— Илья, прошу, — всё-таки не выдержал монах. — Нам нельзя попадаться на глаза братьям. Я должен был уехать ещё вчера. Если нас увидят...

— Я в порядке, идём, — кивнул я уверенно и отлип от спасительной стены.

Как обычно — будем действовать по обстоятельствам. Я вспомнил о его просьбе и с удовольствием натянул капюшон почти что на нос, уперев взгляд себе под ноги. Если про глаза правда, то стоит учесть. Жаль только, что так по сторонам не поглядишь.

Я услышал облегченный вздох и увидел жест рукой — следовать за ним. Под ногами был мелкий кирпичный гравий, мы шли по узкой дорожке. Вокруг всё та же зелёная травка.

Минут пять быстрой ходьбы, подъем по пяти каменным ступеням, лязг двери и старый дощатый пол. Дерево под ногами было тёмное, промасленное и скрипучее. Ни звука, ни следа цивилизации. Вот это не очень радует.

Мой спутник встал и я по движению его подола понял, что он снова осматривается. Чем бы мы не занимались, это было что-то незаконное.

Чёрт, да куда я попал?

Капюшон сильно ограничивал обзор, но мы явно находились в протяжённом коридоре. И, судя по освещению, справа были окна. Слабый утренний свет проникал сквозь них, рисуя на стене слева светлые пятна. Бойницы. Или просто узкие вытянутые окна.

А судя по тому, что поддувало оттуда холодным воздухом, без остекления.

— Запомни, — послышался его шепот, — Никому не доверяй. И старайся ни с кем не разговаривать. Губерния наша отдалённая, это нам на руку. Будут смеяться и обзывать деревенщиной, считай повезло. Не привлекай внимания. Ты понял, Илья?

Я кивнул. Ничего я не понял. Кроме того, что слово «губерния» ещё больше усугубило моё настроение. Точно долбанное средневековье. Ещё и с какими-то шпионскими играми.

— Я дал тебе всё, что смог, — в голосе потрёпанного жизнью и мной монаха прозвучала грусть. — И мне придётся вернуться, а тебе остаться. Никому не доверяй, — повторил он. — А на пробуждении...

— Брат Еврипий! — чужой голос пронесся по коридору, в самом начале которого мы остановились.

Источник голоса был далеко и не мог нас слышать, как и мы его приближение. Я чуть было не забыл про указание держать голову низко. Шарканье подошв и в обзоре появился подол ещё одной рясы.

— Доброго утра, брат Михаил. И да хранят вас всеблагие, — смиренным тоном сказал

мой монах.

— Да хранят нас вечно Создатель, Великая мать и Вечная, — похожим тоном ответил другой.

— Все мы в руках Вечной, — судя по изменению тональности, мой монах умудрённо кивал.

Мне безумно хотелось посмотреть на нашего собеседника. Лишь по голосу определить намерения и настроение человека очень сложно. Тем более, когда слабо понимаешь, о чём речь. Всеблагие, создатель, мать и ещё один персонаж. Точно ничего общего с известными мне религиями.

Но в голосе подошедшего к нам скользило что-то... Мерзкое и ехидное. Злорадное удовлетворение и нетерпеливость. Его эти приветственные фразы точно раздражали.

— Все мы в её руках, брат, — голос второго дрожал от нетерпения. — Да простят мне боги, но что вы делали в такой неурочный час вне обители?

— Брат Михаил, могу я вам довериться? — монах воистину мастерски сыграл сдержанное уважение.

— Конечно, брат. Мы же в святилище. Да простят меня боги, в главном святилище, в сердце столицы. Где ещё, как не тут, вы можете довериться?

Второй тоже был не промах. Покровительство, граничащее со снисхождением. Прекрасно. Тут всё же живут приземленные люди. Я уж испугался, что попал в логово фанатичных святош.

— Юный адепт, как вы сами знаете, брат, впервые в таком великом месте. И немного растерялся. Я искренне надеюсь, что вы простите нам небольшое нарушение.

— Все мы равны перед всеблагими... — последовал задумчивый ответ. — Но что же юный адепт не скажет за себя? Юноша, правила вежливости говорят о том, что нужно смотреть в глаза при разговоре. Подними же свою голову.

Вот это подстава... Но я, уже проклиная все эти препирания и непонимание, как выжить в мире нужника в виде дыры и репы на завтрак, забылся. Совсем чуть-чуть, просто отвёл взгляд в сторону, желая избежать внимания.

И заметил вид, открывающийся из окна. Там, за пышными кронами окружающего леса, был город. Это точно не лес. И я не в страдающем средневековье.

В рассветной дымке, как мираж, в небеса устремились небоскрёбы. Десятки и десятки высокотехнологичных зданий разнообразных форм и высоты. Даже поражающие воображение Токио и Нью-Йорк, в которых мне удалось побывать, не сравнятся с этим видом.

Колоссы, острые и с плавными линиями, тонкие и массивные — их количество совершенно выбивало из реальности. Из новой реальности и известной мне. Мне показалось, что я вижу призрачные мосты на невероятной высоте, соединяющие эти громады.

Солнце поднялось над горизонтом и стекло гигантов ослепило меня тысячью скачущих разноцветных бликов. Такого в нашем мире точно не было...

Глава 2

Вид меня шокировал больше всего остального. Чужое тело, монастырь, братья, адепты, светящиеся глаза, губернии — всё это ушло даже не на второй план, а просто провалилось в пропасть недоумения.

Контраст был чрезмерно большим. Все мои фантазии о нужниках и прочей ереси

вышибло из головы. Глаза слепило до слёз от невозможного вида. Я, стараясь не двигаться, переводил взгляд с грубо отесанного камня оконного проема на сверкающие вдали небоскрёбы.

Тут что-то совсем не так.

В поле зрения, как в насмешку, попала характерная кривая грядка под окном. На воткнутых прямо в землю кривых палках были натянуты дряхлые веревки, обозначающие границы местного земледелия. Внутри периметра кучно колосилась ботва, вероятно морковки. Уж больно кучерявая и жизнерадостная.

А за ней, добивая общую картину, паслась тощая коза. Доходяга флегматично что-то жевала, посматривая одним прищуренным глазом на огород. Но даже не дергалась в его сторону. Явно воспитанная скотинка.

Всё это, на фоне миража небоскребов, пролетело в моём мозгу, как полный сюр.

Может, я не умер, а брежу? Но нюхать монахов я не стал, лишь отвёл взгляд и вернул положение головы в пол, помня о наказе не смотреть в глаза. Раз уж сам велел, сам и выкручивайся пока.

— Брат Михаил, пусть поведение адепта и может быть простительно, на первый раз, но у нас тоже следуют кодексу. Поэтому я, как его наставник, осмелился наложить временный обет молчания. Так что не требуйте от него невозможного, прошу.

Хорош, зараза. Я еле удержался от одобрительного взгляда и уважительного хмыканья. Молчание в моём случае точно золото. Пока я не разберусь, в какую дичь я попал, лучше помалкивать. А когда на это есть официальное разрешение, то вообще прекрасно.

— Что за каменный век, брат? — в голосе собеседника было слышно искреннее удивление. — Ваша приверженность древним обычаям слишком дотошна. Мало того, что адепт одет как неотёсанный крестьянин, так вы его ещё и обетами обложили.

— Смирение и скромность... — начал нудеть мой монах.

— Удел ордена аскетов, — резко оборвал его другой. — Ваш подопечный теперь в столице и ему придется соответствовать современному миру, а не вашим уездным обычаям, которые... Впрочем, простите мою несдержанность, брат. Я тоже взволнован пополнением наших рядов. Не стану оспаривать ваше право наложить обет, но ограничим его до послеобеденного сбора новопривывших адептов.

— Как скажете, брат Михаил.

Шорох одеяний и наступившая тишина заставили меня немного напрячься. Словесная баталия явно закончилась победой невидимого мне Миши. Пусть язвительный тон его слов мне и не понравился, но сам смысл пришёлся по душе.

Ходить в мешке из под картошки тоже не особо хотелось. Особенно в той обители стекла и бетона, что я мельком увидел. Мои мысли подтвердила и депрессивная коза за окном, согласно проблеяв.

— Давайте оставим наши споры, — неожиданно примирительно сказал местный. — Пусть адепт возвращается в спальни, а мы с вами поможем братьям с подготовкой к утренней службе.

Я почувствовал легкий хлопок по спине, направляющий меня в другой конец коридора. И пошёл на автомате. Молчать до обеда, не смотреть в глаза ещё час... Не самые комфортные условия для разведки на местности, которая не знакома.

Монахи за спиной тихо обсуждали какие-то дела божественные. Как бы я медленно не плёлся, услышал я мало. Но успел понять, что тут много прибывших адептов как из

губерний, так и местных. И пока они, в том числе и я, осваиваются в столице, где мы и находимся.

Пополнение, так сказал второй. Звучит довольно странно, как и в общем их речь.

Был у меня один знакомый батюшка, молодой парень, немногим за тридцать. Словословить они все мастера, образование такое. Но вот манера общения совсем иная. Впрочем, эти упоминали богов, а значит аналоги приводить бессмысленно.

Адепты так и вовсе что-то жреческое, то есть однозначно языческое. Разберёмся. И как выбраться из этого пристанища ряс, коз и морковки, тоже. Пока на меня обетов не накинули посложнее молчания.

Я добрался до очередной скрипучей двери и, отворив её, попал в другой коридор, на этот раз тёмный. Бормотание стихло, и я вслушался, пытаюсь понять, куда мне идти.

Справа раздавались далёкие и приглушенные звуки. И речь. Значит пойдём налево, где тихо. Я передвигался короткими участками, замирая и слушая. Глаза постепенно привыкли и я смог разглядеть редкие двери.

Откуда проникает слабый свет, мне понять так и не удалось. Чертовщина какая-то, словно сами стены слегка светятся. Хотя, если учесть небоскрёбы на монастырских «задворках», возможно даже в этих старых стенах не обошлось без современных технологий.

В итоге я решился дергать за массивные деревянные ручки. Усилий я прилагал немного, исключительно проверить. Вдруг где попадет незапертая дверь и она откроется легко. Такая мне и попалась.

Привела меня она в глухой внутренний сад. Так, садик. Не более десятка метров по одной стороне, высокие стены без окон, несколько деревьев и кустов, не шибко бодрых при таких условиях.

Но по центру этого двора находился небольшой фонтан и я, завидев идеально ровную водную гладь, устремился к ней. Если мне нужно дождаться момента, когда перестанут светиться мои глаза, я должен хотя бы это увидеть.

— Твою же мать...

Зрелище вынудило меня вздрогнуть. Глаза на незнакомой молодой роже действительно сияли двумя тлеющими угольками. И я находился точно не в помолодевшей версии себя.

Отражение смазливой и лохматой башки пацана лет восемнадцати пошло рябью от моего тяжелого вздоха. Да уж, Ильюша, из такой ситуёвины мы ещё не выбирались.

Я сел прямо на землю, прислонившись спиной к холодному камню. Лицом к единственному входу, он же выход. На мир загробный это было похоже всё меньше. Бесплотным духом я себя не ощущал. Мало того, хотелось жрать.

Небо продолжало светлеть, в кустах что-то бегало, по деревьям порхали мелкие птицы и чирикали. В животе начало урчать всё чаще и настойчивее. Только я задумался о причине отсутствия каких-либо звуков мегаполиса, как дверь приоткрылась и в неё стал протискиваться детина. По какой-то причине и к моему счастью, делал он это задом.

Я быстро и бесшумно перекатился за укрытие фонтаном. Одновременно взглянув в отражение. Глаза стали нормальными, пугающие демонические огни из них пропали. Часа точно ещё не прошло. Интересно, это хорошо или плохо?

— Кто здесь? — услышал я настороженный шёпот.

Неужели заметил? Вот зараза, я был уверен, что проделал всё незаметно. Правда хрен знает на что я надеялся. Спрятаться в таком пространстве в принципе было невозможно.

Пришлось выглянуть из-за фонтана и приветственно поднять руку.

Здоровяк был уже на полпути ко мне и сейчас застыл, вытянув голову и выпучив глаза. Судя по его неморгающему внимательному взгляду, это не он меня застукал, а я его. Ну и возраст его был недалеко от моего нынешнего. Не смотря на внушительный размер.

— Ой, извини, что помешал, — вдруг смутился он и даже порозовел. — Не привык я ещё к такому количеству народа. Ты тоже вчера приехал?

Его добродушие контрастировало с внешностью так же, как та коза с небоскрёбами. Косая сажень в надутых под грубой рубахой плечах и наетая пухлость. Вот этот экземпляр точно из деревенских.

— Тебя как величают? Ой, извини.

Парень кабанчиком ломанулся ко мне с протянутой рукой. Если бы не этот жест и улыбка во все тридцать два, я уже начал бы выкорчёвывать дерево для защиты. Пока он подошёл, я поднялся и к своему удивлению, оказался ненамного ниже.

— Я — Карл, — детина аккуратно пожал мою руку и выжидающе уставился.

Пришлось, следуя наложенному обету, жестами объяснять, что говорить я не могу. И извиняюще разводил руками.

— Ой, извини, — в который раз повторил он, опять смутился и сочувственно взглянул. — Ты этот, да? Ущербный?

Я нахмурился и уверенно замотал головой, чем вызвал ещё большее смятение у парня.

— Ой, извини. Нельзя так вас называть, вот я дубина, — для наглядности он шибанул себя по лбу и сморщился, то ли от удара, то ли вспоминая. — Альтернативный? Нет, снова я всё перепутал. С ограниченными возможностями?

Кто тут альтернативный, стало понятно даже притихшим пичугам. Настала моя очередь бить себя по лбу, вздыхать и озираться, тыкая пальцем в стены. Спустя ещё пару нелепых идей, в основном связанных с моей инвалидностью, Карла таки осенило.

— Обет? Вот ведь не повезло тебе. Сразу по приезду и не поговорить даже. Столько вопросов... Ой, извини. Я болтливый сильно, есть такое.

Я отмахивался и радовался. Надо держаться этого болтуна, кладёшь информацию, пусть возможно и не самой достоверной. По мере его торопливого монолога становилось понятно, что здоровяк точно из глубинки.

— Я просто по одежке вижу, что ты тоже из наших, — он сделал такой широкий взмах рукой, показывая откуда, что охватил всю планету, не меньше. — Не из городских, в общем. Нам вместе держаться надо, тут все колючие, как тот репей. Нет, если я тебе мешаю, ты так и скажи, я не обижусь. Ой, извини. В общем, покажи.

Святая наивность! Подарок местных богов, не иначе. Я как мог успокаивал уже было расстоившегося здоровяка. Меня так и подмывало послать к чертям обет и расспросить его. Но с его простодушностью станет меня сдать.

Поэтому я делал как можно более дружелюбное выражение лица, кивал, мотал и отмахивался, слушая его сбивчивую речь. Когда Карл перешел на шёпот, с опаской оглядываясь, я понял, что сейчас услышу что-то действительно полезное.

— Ты слышал, что говорят? — он дождался, пока я помотаю головой. — Тут сам великий магистр! А ещё говорят, ну это точно неправда, что император будет на обряде посвящения. Представляешь? Император сам будет принимать клятву верности у нас! Ерунда же, да?

Я лишь задумчиво пожал плечами, прикусывая губу, чтобы не завалить его вопросами. Магистр, император, столица, хай-тек и коза с морковкой — да где я? Что, сука, происходит

в этом мире?

— Вот и я не верю, — по-своему воспринял он моё выражение лица. — Эти издеваются, благородные. Можно подумать, мы их хуже. Да, пусть и не признанные, но мы тоже одарённые. И вообще, — вдруг обиженно насупился Карл, — мы тут все равны. Будь он хоть сыном князя, нечего ему прежде пробуждения выделяться. Может и пустышкой оказаться. Ой, извини, — совсем загрустил он, заметив моё охренившую рожу. — Негоже так про будущих братьев.

Лячь, теперь точно нужна пояснительная бригада. Благородные, одарённые, князья, посвящение и пробуждение. Чует моя задница, она же интуиция, бригадир из Карла не очень. А вопросов слишком много. Я засуетился, шаря в поисках карманов. Тут должны быть мобильники и поисковик. Мне нужна информация, и как можно быстрее.

— Чой-то потерял? — встревожился Карл и принялся озираться, пригибаясь к земле.

Я хлопнул его по плечу, останавливая. Карманов на моей незамысловатой одежке не нашлось, как и их содержимого. Только на груди, на кожаном шнуре, висел необычный амулет. Треугольник с ещё двумя внутри. Я принялся его разглядывать и услышал благоговейное бормотание:

— Да хранят нас всеблагие.

Здоровяк достал такой же амулет из под своей рубахи и сжал его в кулаке. Вот он, значит какой, символ веры...

БАМ! Удар в колокол бахнул по ушам так громко, словно мы находились рядом с ним. Птицы с деревьев упорхнули в небо, возмущенно вереща. Карл поспешно спрятал амулет обратно и махнул рукой.

— Пойдем, негоже на трапезу опаздывать. Засмеют опять, — выдал он мудрость и прошмыгнул к двери.

Для таких габаритов парень обладал невероятной шустростью. Я еле поспевал за ним, хорошо хоть потерять из виду такого великана было непросто.

Мы вернулись в коридор, где стало гораздо светлее. И снова источник света мне найти не удалось. Почти пробежали по нему, пересекли двор по-просторнее, поднялись на второй этаж по наружной лестнице и там, минуя ещё несколько коридоров и общих помещений, вышли в трапезную. То есть столовую.

Не боясь больше смотреть по сторонам, я этой возможностью воспользовался. С глазами всё нормально, да и я, судя по всему, находился тут всего лишь одну ночь. Карл умудрялся одновременно и бежать, и рассказывать всё подряд, перескакивая с одной тему на другую.

Все «новенькие» прибыли в обитель, как он назвал это место, вчера в течение дня. Кто-то землей, кто-то водой, а кто-то по воздуху. То есть поездами, кораблями и самолётами будущих братьев свозили сюда, в столицу.

То, с каким восторгом Карл описывал свою поездку на поезде, выдавало в нём даже не деревенщину, а пещерного человека. Ну, либо он отлично притворялся. Мне же этот монах сказал прикидываться поленом, возможно я тут не один такой.

С одной стороны, уж больно филигранно амбал отыгрывал наивность. Сущий природный талант, для таких то лет. Да и толку со мной говорить, если я в ответ лишь молчу? Может быть и проверка.

Заболтать, отвлечь внимание, рассредоточить. Вполне себе рабочий подход, в определённых случаях срабатывает. Я на автомате прокручивал в голове все варианты. Но

пока проблем не видел.

Мне нужно лишь молчать и, по-возможности, делать морду кирпичом. Сыграем угрюмого деревенщину. Мелкие ошибки будут простительны. Пока я молчу. Время у меня до обеда, а потом посмотрим.

— А ещё говорят, что тут город подземный есть. — рассказывал очередную не то байку, не то свои фантазии Карл. — И там такое водится...

Ну да, крокодилы в канализации. Хотя хрен их знает, возможно и такое. По некоторым его словам мне уже стало казаться, что тут вообще магия какая-то. Но толком не разобрать. Ни где я, в какой конкретно столице и чего. Ни кто я, как и остальные адепты, братья и ещё и магистр.

Обстановка, по мере нашего продвижения по обители, к современной не стремилась. Всё тот же грубо отесанный камень, местами проступающий неровный кирпич и старое дерево на полу.

Всё изменилось, когда мы зашли в столовую. Огромный зал встретил гулом голосов, звоном посуды и вкуснейшими запахами. И тут то я и понял, что мой обет молчания — единственное, что позволит мне не спалиться.

Выматерился бы я от души.

Окна занимали всего лишь одну стену, но уходили высоко вверх, заливая помещение первыми лучами солнца. Арочные своды далёкого потолка устремлялись к центру, к большому стеклянному куполу.

А внизу, всё на том же темном деревянном полу, были расставлены длинные столы. На вид однозначно современные, как и ряды стульев. Как и белоснежная посуда, столовые приборы и хрустальные стаканы. Ну а сверкающий на солнце хром раздаточной стойки и характерные изогнутые прилавки с едой довершали картину.

Как и то, что больше половины из трёх десятков присутствующих были одеты в нормальную человеческую одежду, известную мне. В основном, правда, в чёрные рубашки и брюки, но я заметил на одном парне настоящие джинсы. Родные, можно сказать.

Почти все тут были одного возраста. То есть теперь моего, считай что подросткового. Пока я старался одновременно не отставать от Карла и незаметно разглядывать обстановку, упустил я лишь одно.

Слух буквально разрезал смех. Нежный, переливчатый и высокий. Женский. Его обладательница нашлась в дальнем углу, в компании ещё двух девушек. Это точно не монастырь...

Разглядывать их в открытую я поостерегся, тем более никто особого внимания на женскую компанию не обращал. Все уставились на нас и смешки слышались уже с разных сторон.

Ну ещё бы, мы с моим внезапным провожатым, смотрелись крепостными, пришедшими к барину бить челом. Или что они там делали. В общем, не хватало теребить шапку в мозолистых грязных руках, для полноты образа.

Мне такое внимание неудобств не доставило. Кем я только не прикидывался, поддерживая разнообразные легенды. И бомжом, и миллионером. А вот здоровяк от стыда вжал голову в плечи и сгорбился, стараясь стать незаметнее.

Пока меня такая ситуация полностью устраивала, поэтому подбадривать Карла я не стал. Сначала выясню что тут к чему, потом уже расставлять по местам буду. Подростков, да уж. Самая лютая аудитория, без шуток. Тормозов у них почти нет. А вот дурости, которую

они смелостью считают, хоть отбавляй.

У раздачи никого не было, так что мять булки в очереди не пришлось. Карл подошёл первым, получил поднос и ухнул новую для меня фразу в благодарность за пищу:

— Да хранят всеблагие императора.

Значит, благодетель этого заведения тот самый император. На уют место тоже не сильно похоже, а похоже... Увидев суровую морду мужика, сунувшего мне в руки идентичный и по форме и по содержанию поднос, меня посетила единственная логичная мысль.

Цепкий взгляд, жилистый, осанка, короткая стрижка — всё говорило мне, что передо мной военный. Вояк, как действующих, так и бывших, я вычислял на раз, ошибиться было практически невозможно.

Военно-монашеский орден с женщинами? Ещё и императорский. Ещё и с детьми князей. Всё это под соусом средневековья в виде оазиса среди мегаполиса. Дичь.

Бедняга Карл решил уйти и забиться в самый дальний угол. Я шёл за ним и разглядывал вязкую кашу в миске. Порция была немаленькая, на что живот заурчал с пущей охотой.

Для лучшей работы мозга нужно хорошенько подкрепиться. Смешки прекратились, но я поймал пару презрительных взглядов. И несколько оценивающих. Остальные предпочли отвернуться и заняться приемом пищи.

Только из-за спины донеслось одинокое и тихое:

— Деревня...

Я даже оборачиваться не стал, этот писклявый голосок я запомнил. Парнишка, боящийся кидать такие фразочки в глаза, к тому же и слегка шепелявил.

Мы наконец дошли до места, которое устроило неожиданно стеснительного амбала и только поставили подносы на стол, как снаружи отчетливо раздались выстрелы и крик.

Глава 3

Звуки были знакомы мне очень хорошо. Прицельная стрельба и матерок инструктора. Ну, может и не матерок, расслышать толком слова я не смог. А вот тон да. И в этом звучном вопле звучала и оценка способностей стрелка, и команда пойти куда подальше.

Быстрый взгляд исподтишка и ноль реакции окружающих. Только пара человек лениво обернулись в сторону окон. А вот у Карла загорелись глаза. В смысле интересом.

— Быстрее бы уже начать обучение! — доверительно прокомментировал происходящее парень, наклонившись ко мне. — Я точно стану защитником. С моей то фигурой. Вся искра в мощь пошла. Поздно меня искатели то нашли, вот уж матушка печалилась. Но не думаю, что она нарочно, ерунда это, что говорят.

Информации из Карла лилось больше, чем я мог переварить за такое короткое время. Чёрт, да это как китайский учить на слух. Вроде и говорит, а что — хрен пойми.

Даже если его и подослали, то источник из него неслабый. Я пока ни одного вопроса не задал, а он мне вывалил столько. Осталось найти ещё хотя бы двоих и тогда уже стоит доверять данным.

— Если боги дадут, то выслужусь и выправлю себе титул, хоть ненаследный, но всё ж, — продолжал мечтать здоровяк. — Вот бы оружие получить хорошее, добротное. Как думаешь, что получу? Ну да, ты прав конечно, топор, что мне ещё с такими ручищами.

От мимики начало болеть лицо, непривычно много пришлось изображать реакции. Я тоскливо посмотрел на остывающую кашу и Карл заметил.

— Ой, извини, — в сотый раз озвучил он любимую фразу и заткнулся, взявшись за ложку.

Пока мы ели, помещение наполнялось всё новыми и новыми адептами. В основном, одетыми прилично и по местной моде, чёрные рубашки и брюки. Таких, как мы, было немного.

Девушек же тоже прибывало, но гораздо меньше парней. Одеты они были идентично, никаких юбок, оголяющих колени и прочие девичьи прелести. В большинстве своём они кучковались отдельно от мужской части, но глазами стреляли.

Мобильных телефонов я не заметил ни у кого, что немного расстраивало. Лишь немного, ведь если это военизированное место, то отсутствие гаджетов вполне логично. Но по той же логике, должна быть возможность ими пользоваться в определённое время.

С другой стороны, слишком свободная форма одежды для военной академии. Хотя, если мы новобранцы... Ладно, и с этим разберёмся, намотаем на жиденькие усы.

Мы доели молча и, синхронно поднявшись, двинулись относить подносы с грязной посудой на специально отведённое для них место. Прошли мы недалеко.

— Эй, деревня! — раздался сбоку громкий голос и разнесся по помещению.

Остановить Карла я не успел. Детина повторил свою попытку уменьшиться в размерах, сжался и обернулся на оклик. Да что с ним такое?

Видел я перекачанных, от которых толку не было. Но этот точно на здоровом корме и естественном труде таким большим вырос. Такие как Карл, руками арматуру сгибают и не напрягаются.

Значит, опасность не в физической силе. Чего может бояться этот мамонт? Власть, понятное дело, не только сила даёт. Ещё и знания. Что могут знать эти дети настолько уникального? Остается происхождение.

— Забыли эти забрать, — с усмешкой сообщил нам хозяин голоса.

Компания небольшая, всего четверо лбов, все уступают нам в размерах. Мне, конечно, не так повезло с «фигурой», как Карлу, но и доходягой я не был. Тоже явно деревенское питание и свежий воздух помогли.

Заводила жестом показывал на их подносы, нетерпеливо поднимая брови. А вот главарь сидел рядом, с равнодушным видом. Выдавали его с виду незаметные взгляды соседей по завтраку. Они все наблюдали за его реакцией и пытались подражать его позе.

Вырубить его и другие отвалятся сами. Неравные силы для физического противостояния. Так бы и я сделал, даже не нарушив обета молчания, но местные правила явно были не настолько простые.

Переговорить варианта тоже не было. Мне оставалось только наблюдать за тем, как Карл растерянно озирается, словно ища помощи у остальных. В этот момент все, как по команде смотрели куда угодно, но не в нашу сторону.

Здоровяк сделал неуверенный шаг в сторону их стола и я решился.

Перехватил поднос одной рукой так, чтобы в случае чего воспользоваться им, как оружием. Поднос не пластиковый, металлический и достаточно тяжелый, так что отработает эффективно.

Другой рукой я схватил Карла за шкуру. Это движение вынудило его остановиться и повернуться ко мне, выйдя из под действия гипноза мелких ублюдков.

Завладев его вниманием, я многозначительно нахмурился и помотал головой. Завершил своё молчаливое выражение мнения кивком в сторону стоек для грязной посуды. Здоровяк

понял меня правильно, чуть расслабился и двинулся по прежнему курсу.

— Вы куда собрались? — подскочил гвардеец, пока заводила от неожиданности раскрыл рот и онемел. — Вам было велено забрать. Умом не вышли, деревенщины?

Продолжая подталкивать Карла в нужную сторону, я оценивал обстановку. Возможная подмога далеко, места в столовой было много и рассаживались все такими же небольшими компаниями, подальше друг от друга.

Этим четверым надо было ещё встать и подойти, преодолев метров пять. Двоим перед этим перепрыгнуть стол. Успею среагировать. Действуют они неуклюже, на хоть как-то подготовленных бойцов не похожи, ни по движениям, ни по позам.

Вспомнив отражение своей молодой смазливой рожи, я сдержал вздох и сощурился на ближайшего ко мне противника. Судя по тому, как он вздрогнул и застыл, сработало. Не совсем ещё инстинкты гормонами отбило.

А вот главного мой взгляд не остановил. На его лице заиграли желваки, ноздри начали раздуваться от гнева. Парень даже не посмотрел, что его свита осталась на месте и шагнул к нам.

— Стоять, — сквозь зубы проговорил он.

Мне пришлось толкать здоровяка ещё активнее, уже локтём, потому что он снова беспрекословно послушался приказа. Хрен с ним, с бедолагой, хочет выслуживаться, дело его. Но тут и меня за компанию приплетут.

Я вспомнил фразу Карла про «равенство». Понятное дело, что все равны, но некоторые равнее. Всегда и везде так было, да и это место на восторжествовавший идеализм не похоже.

Но это, плюс логичное существование устава или его подобия, давало мне надежду на уверенность в запрете драк. А значит, дело дальше провокаций не пойдёт. Эх, вломить бы ему разок...

Так мы и двигались какое-то время. Я пятился, сохраняя дистанцию и толкая Карла. Парень наступал с грозным видом, мрачней с каждой секундой. В зале, до этого момента наполненном гулом голосов и звоном посуды, наступила тишина.

— Ты, тупой ублюдок, хоть знаешь, кто я? — перешёл на персональные оскорбления он. — Моя семья...

— Никакого значения не имеет, — прозвучал спокойный голос сбоку и мы все повернулись к его источнику.

Вот этот мужик точно был опасен. Тело, как натянутая пружина. И стальной взгляд профессионала. И если остальных он осмотрел равнодушно, то на мне задержался подольше. А увидев хват подноса, так и вовсе еле заметно усмехнулся.

— Адепт, к настоятелю, докладывать о недостойном поведении. Проверю, — принялся он раздавать приказы, начав с высокомерного пацана. — Вы, — он задумался на секунду, обратившись к троице прихлебателей, — на кухню, помогать с грязной посудой. А вы двое, за мной.

— Да, брат, — печальным хором выдали будущие посудомойщики и зашевелились.

Их предводитель, поморщившись, рванул было к выходу.

— Ничего не забыл, адепт? — остановил этот порыв брат, указывая на стол.

По недовольной роже парня проскользнула гримаса злости, но он взял себя в руки и забрал свой поднос резким движением. Тарелка и ложка подскочили, жалобно тренькнув. В этот же момент, словно по сигналу, возобновились и другие звуки.

Столовая ожила, вернувшись к своим делам. Я услышал несколько разочарованных

вздохов. Бесплатное развлечение прекратилось, так и не успев толком начаться. Но, судя по количеству возмущенных рож, цирковой сезон только начался.

Разогнавший нас мужик тем временем внимательно осмотрел зал, подмечая все реакции. И, хмыкнув, тоже направился к одной из дверей. Нам пришлось поторопиться донести несчастные подносы и нагонять его уже в коридоре.

— Адепт Карл, — представился здоровяк, кланяясь на ходу. — Благодарю вас, брат...

— Глеб, — тот бросил на меня быстрый взгляд. — А ты?

— У него это, обет молчания, — пришёл мне на помощь Карл и зачем-то объяснил. —

Не говорит он, в общем.

— Понятно. Ты откуда такой тут, Карл? — наш спаситель оценил моего знакомого влёт и по-доброму улыбнулся.

— Ну я оттуда, — в ответ последовал широкий взмах рукой, румянец и пояснения: — Из Бессарабии значит. Из Белецких мы, у самой границы село наше, под самым боком у мадяров живём, значит.

— Издалека тебя принесло в столицу, адепт, — удивился мужик. — Да и не чернявый ты, парень, для тех мест.

— Ну так батя из благородных был, неместных... — Карл снова смутился. — В него я пошёл. Двадцать лет назад праздник великий справляли. Много там было, и столичных, и регент даже самолично, значит. Матушка говорит, что не помнит. Но точно не династийных кровей я. А искра сильная дюже, вот искатели меня, значит, прямо в Санкт-Петербург и отправили. Сказали такую дурищу, силищу то есть, в императорский орден токмо. Этот, уникам, сказали.

Точно уникам, не поспоришь. Такое ощущение, что кроме него, в их селе, были только коровы да мать. Здоровенный лоб, а миролюбивый, как щенок.

Пока брат Глеб кивал, выслушивая историю, я рассматривал его нашивку. Единственный знак отличия, встреченный мной. Рубашка у мужика тоже была чёрная, но плотная, больше похожая на форму.

На груди у него красовался тот же символ, что и на амулете — три вложенных треугольника. Они располагались на щите в форме перевернутой капли, а под тонкими линиями фигур — скрещённые мечи.

Мужик заметил мой интерес и воспринял это по-своему:

— Тоже в защитники хочешь?

Не зная, каким жестом ответить, чтобы не подписаться молчаливо на что-либо, я неопределённо пожал плечами. Но тут охотно вмешался болтун:

— Я точно защитником стану! Мне так и искатели сразу сказали.

— Ну, — усмехнулся Глеб, оценивая габариты Карла. — Похоже на правду. Но на всё воля богов, так что ты до ритуала пробуждения особо не надейся, чтобы потом не расстраиваться. Вдруг хранителем станешь.

Мужик хохотнул своей шутке, а вот здоровяк испугался такой перспективы. Я же переваривал информацию. Защитники, искатели и хранители. Смахивает на структуру. Организация, получается, императорский орден. А Санкт-Петербург — столица.

А вот второе упоминание искры вкупе с одарёнными заставило задуматься. В голове никак не хотел укладываться единственный логичный вывод — магия. Но никаких необычных ощущений, кроме излишней бодрости и свежести я не чувствовал. От утреннего плохого самочувствия не осталось и следа.

Значит, следуя правилу простых обозначений — ритуал пробуждения это и делает. Пробуждает магию. Интересные пироги с котятками получаются...

— Вы нас тоже накажете? — прервал мои мысли Карл, грустно вздохнув. — Конюшни чистить отправите?

— Какие конюшни? — расхохотался Глеб. — Мы в центре столицы, парень, тут на запряжённых каретах только туристы разъезжают. Нда, нелегко тебе будет освоиться. А ты, молчун, тоже из Бессарабии?

Я мотнул головой на автомате, но внутри всё сжалось. Вот зараза, и из какой отдалённой губернии я?

— Ладно, адепты, — отмахнулся мужик, не продолжая меня расспрашивать. — Отправить бы вас по хозяйству помогать, пока все не прибыли, но в таком виде и там достанут. Экономят на вашей братии, уж простите. Признанным сразу выдают одежду нормальную, остальные же дожидаются результата пробуждения. Скупердяи, — проворчал он. — Переживут, вот и получают. Тьфу.

Стоп, что переживут? Мне, в общем-то и до этого слово «ритуал» не понравилось, а выходит, что ещё не факт, что переживу? Я чуть не запнулся, но вовремя собрался. Карл на эту оговорку никак не отреагировал.

— Вы чего вообще в общую столовую то со всеми в одно время пошли, умники? Дождались бы ритуала, а там все уже на одно, хм, лицо, — Глеб с сомнением посмотрел на здоровяка. — Не все, но шансов больше.

— Извините, брат Глеб.

— Отставить! Так, эту дурь из твоей башки выбьют. Как бы туда ещё полезного на замену запихать...

Мужик задумался, а я изо всех сил стал действовать по принципу тернового куста. То есть усиленно внушать ему мысль о том, чтобы отправить нас в какой-нибудь храм знаний. Библиотеку хотя бы.

Видимо я так мощно буравил взглядом его короткостриженный затылок, что он обернулся. Я уже начал верить в магию и свои суперспособности, но Глеб выдал совсем другое:

— Пойдёте в коровник. Почистить кормилиц и порядок в стойлах навести справитесь и без посторонней помощи, раз деревенские. А туда признанные точно не сунутся.

Твою же мать, брат... Вот чего в жизни делать не приходилось, так это заведовать живым хозяйством. Хотя и не доить отправили, но как этих самых коров чистят, я не знал. Да и какие коровы, если мы в центре города?

Карл сменил грусть на радость, а я изо всех сил сохранял равнодушный вид. Мужик же, оценив реакцию, вновь рассмеялся:

— Нет, ну вы во всё поверите, что вам скажут? Где им тут пастись? Да и что бы на такое соседство сказали благородные? И без того жалуются на скучный интерьер и огород.

Дать бы подзатыльник за такие шуточки. Я уже представлял себя с лопатой, выгребаящим продукты жизнедеятельности этих кормилиц. Сколько гадят скотины такого размера, я мог лишь догадываться.

— Ладно, раз уж забрал вас на свою голову, при мне побудете, — наконец решил Глеб. — Ты, молчун, и без указаний справишься, а ты — молчи, покуда не спросят прямо. Вопросов не задавать, вперёд меня не лезть. Ходите тенью, чтобы я про вас вообще забыл. Всё понятно?

Мы дружно кивнули и вздохнули. Я с облегчением, Карл опять печально. Его настроение, так же, как и язык, вертелось подобно флюгеру на ветру.

Мужик в ответ посмотрел с большой долей скепсиса, но свои предположения оставил при себе, только добавил серьёзно:

— Если вызовут, останетесь сами по себе. Среди дня редко поднимают по тревоге, но бывает. Всё чаще в последнее время. В катакомбах так и вовсе Вечная знает что творится...

— А... — тут же встрепенулся Карл, но осёкся под суровым взглядом. — Понял, никаких вопросов.

С одной стороны шастать за этим мужиком, особенно и при условии молчать, было безопасно. Но вопросов становилось всё больше. Как и желания вырубить обоих и сбежать. Знать бы ещё, что ждёт меня снаружи.

Мы поднялись по узкой лестнице и оказались на открытой галерее третьего этажа, выходящей на большую площадку. Там, на присыпанной песком земле, шла тренировка. Не на деревянных мечях с коровами.

Боевой полигон выглядел так же, как и в моём мире. Лабиринт из каркасов с натянутой рабицей с окошками, некоторые укрытия собраны из кирпичей, есть возвышения и огороженные «песочницы» для прицельного бросания гранат.

По территории были расставлены мишени и мерцание электронных счётчиков теплом отдалось в груди. Хоть какая-то понятная и привычная картина. Напрягало меня только одно. Мы шли по верху, но под линию огня попасть могли спокойно.

А ребята, бегающие внизу, стреляли боевыми. Этот звук, как и лязг мишеней при попадании, я тоже перепутать не мог.

Галерея же проходила по всему периметру, кроме нас ходили и другие люди. Кто-то из них поглядывал вниз, но большинство даже не обращали внимания на угрозу. Как и Глеб, который остановился и облокотился на перила, разглядывая бегающих бойцов.

Чувство опасности прямо таки взвыло внутри, не вынеся вопиющее нарушение техники безопасности. Интуиция сработала за долю секунды до произошедшего.

Один из упакованных в темную амуницию ребят внизу вдруг поскользнулся. Мне показалось, что падает он медленно и тягуче. Вот сверкнул солнечный блик на защитных очках. Вот корпус начал поворачиваться, чтобы упасть на спину.

Вот дуло, в полёте разворачивающееся в нашу сторону. Вот песчаная пыль поднимается дымкой в воздух от удара. А вот палец, по-прежнему лежащий на спуске. Парень дёрнулся и прозвучал выстрел.

Я кинулся к Глебу, взревев раненным медведем. Понимал, что не успею, но рефлекс сработал быстрее, чем я всё это увидел. Сбоку промелькнули расширенные от испуга глаза Карла, а я летел. Слишком медленно.

Глава 4

Говорят, бывает такое, что время застывает. Херня это всё. Застывают люди, по-разному реагируя на происходящее. И в такой момент не жизнь проносится перед глазами, а одно матерное слово, и то не всегда до конца.

Я лишь заранее увидел ближайшего к нам бойца. Его неудачное движение, неправильно поставленную ногу. Именно по положению стопы я и понял, что он рухнет и на какой бок. Даже не успел подумать, что за дебилы тут тренируются.

Но время и правда словно чуть медленнее текло. Либо мозг воспринимал всё быстрее и

тело работало за гранью возможностей. Потому что и произошедшее дальше я разглядел в деталях.

Глеб не шелохнулся, просто недобро сощурился. И перед его лицом вспыхнула красная пелена, от которой и отскочила пуля, сверкнув на солнце.

Мужик воспринял только мой рывок, сумел повернуться вполоборота и выставить руку, сжатую в кулак. На него я и налетел, из меня вышибло весь воздух и отбросило в сторону.

Пока я хрипел, валяясь на полу, Глеб смотрел на меня с искренним недоумением. Только что пальцем у виска не покрутил.

— Ты чего творишь то? — спросил он, не приближаясь.

Что за хрень остановила пулю, я не понял. Похоже на силовое поле, но о таких технологиях я не слышал. Вероятно, только я и не слышал. Хотя Карл тоже стоял, вылупившись на меня.

Пока подобравшийся и готовый к атаке мужик не решил окончательно, что я на него напал, надо объясниться. Удар в грудь меня немного успокоил, так что обет нарушать я не стал. А хотелось.

Жестами ему показал выстрелы и разлетающиеся мозги.

— Ты совсем дикий что ли? — недоверчиво ответил он на мою пантомиму. — Тут барьер, это же боевой полигон! Никогда магических барьеров не видел?

Я честно замотал головой, охреневая. Вот оно и прозвучало. Чётко и ясно. Долбанная магия. Ильюха, ты точно встрял.

Давно, будучи юным и впечатлительным мечтателем, я увлекался научной фантастикой. Наувлекался так, что однажды мне приснился взрыв звезды и гибель солнечной системы. А я был в первых рядах зрителей. Страшно стало так, что чуть кирпичный завод не построил.

Вот примерно такое чувство я испытал в миг понимания. И уже собирался сойти с ума, но Глеб, плюнув на пол, обернулся обратно и начал орать.

— Ты, кусок козьего дерьма! Дебилоид на выпасе! Какого хрена ты творишь, отрыжка бездны? ИМЯ!

— Семён! Посвящённый в защитники второй ступени! — бодро отрапортовали снизу, хоть и слегка дрожащим голосом.

— Из тебя даже защитника мамкиной юбки не получится, недоумок! — продолжал лютовать мужик, багровея. — Палец нахрен оторву! И в задницу обратно засуну твою, где ему и место, а не поблизости от спусковой скобы! Вон отсюда! Обратно на первую ступень учиться!

— Есть обратно, — последовал уже не такой бодрый ответ и шмыгание носом.

— Ничего не забыл?! — не унимался Глеб, нависая над перилами.

Мне показалось, что он сейчас нырнёт туда рыбкой. Своими руками оторвать конечности и выполнить таки угрозу.

— Спасибо, брат... И да хранят всеблагие императора, — голос парнишки совсем притих.

— Ну а ты чего разлэгся, блаженный? — обернулся разгоряченный воинствующий монах и переключился на меня.

Мой рот абсолютно против воли расплылся в улыбке, так что его обвинение в мой адрес можно было понять. Мужик прямо таки спас мой разум от потери смысла. Но привычная манера «науки» вернула меня в реальность.

Хрен с ней, с магией, разберусь. Те же технологии, прочитал инструкцию, провёл

эксперименты, получил серию с удачным исходом — работает.

Главное, что есть такие простые и родные вещи. Раздолбаи и их командиры. Даже жаль, что нельзя задать ему главный вопрос, что происходит. И получить, пусть и матерный, но понятный ответ.

— Брат Глеб! — в нашу сторону неслось что-то несуразное.

Ростом полтора метра, с талией примерно такого же объёма. Лысина немолодого мужичка, иначе его назвать нельзя было, сияла так, будто её полировали всю ночь. Идеально отпаренный пиджак не сходиллся на его пузе, поэтому трепыхался от бега рваными парусами. Так же трепыхались и щеки с пухлыми губами.

Колобок запыхался, пока добрался до нас, хоть и начал притормаживать почти сразу. Я, сообразив, что всё ещё валяюсь на полу, наконец поднялся. Отряхиваться в таком одеянии смысла не было. Как бы оно вообще от моих усилий не развалилось.

— Брат Глеб, — натужно просипел мужичок. — Прошу вас в бесчисленный раз, перестаньте оскорблять детей божьих.

— Этот благородный потомок богов может себе яйца отстрелить, — невозмутимо ответил Глеб. — Вот за это его папочка с мамочкой вас точно по головке не погладят, настоятель. Был наследным, бах, и стал ненаследным. Вернёте сына в непригодном для размножения состоянии. Кто же нам новое пополнение настругает?

— Не перегибайте. Можно же как то вежливее с благородными... — не сдавался пухляш.

— Все мы тут благородные. Не тем пальцем деланные, который этот недоумок со спуска не научился убирать. Не так ли нас учит писание? И произошли они от самих богов, и покуда их кровь течёт в жилах, будут силы для борьбы...

— Ах, хватит, — настоятель не сдержал раздражения и перебил. — И я сам писание наизусть вам прочесть могу. Только вы, брат, забываете, что живём мы в современном мире и по современным правилам.

— А вот этого я не забываю, — голос мужика заметно похолодел и сам он выпрямился. — Почти каждый день вижу эти правила и этот мир. А когда вы в последний раз спускались в катакомбы?

— Дела мои не позволяют такие походы, брат. Да и защитник вы, а не я.

— Вот и они должны ими стать, — Глеб кивнул в сторону двора, где возобновилась тренировка. — При этом выжить. А уже потом, будь на это воля богов, продолжить род или иным образом послужить империи.

То, как он сделал ударение на воле богов и как поджал губы при этом настоятель этой богадельни, сказало мне многое. Не хотелось делать поспешные выводы, но тут явно есть среди благородных те, кто ещё благороднее.

Ещё и божественного происхождения. Действительно это так или нет, неважно. Раз тут по городам и сёлам собирают бастардов, а как я понял именно их и называют непризнанными, то верят в это все.

Вряд ли называют так из вежливости. Значит есть признанные, а есть законнорожденные детки. Искатели, вероятно, тем и занимаются — ищут незаконнорождённых, щедро раскиданных по всей империи.

Надеюсь, Российской. В конце концов Санкт-Петербург остался собой, а не стал Нью-Янцзином или прочим нью. Да и рожи вполне себе славянские, даже у этого скромняги из Бессарабии.

А вот обязательная служба в своеобразной армии уже интереснее. Обитель ордена или воинская часть, всего лишь название. Хотя по отсутствию строгости, такое даже к захолустной академии не отнести.

— Вы, брат, безусловно всё правильно говорите, — примирительно поднял руки колобок и сложил их в молитвенном жесте. — Только прошу, не трогайте вы больше княжича Ростовского. Вот зачем вы его ко мне отослали? Его отец...

— Я отослал к вам адепта, а не княжича. Нет тут отпрысков князей, графов да баронов. Есть адепты и посвящённые. Так что я тоже вас попрошу. Обойдёмся без титулов и фамилий, как и положено по кодексу ордена. А разбираться со светлейшим князем — как раз ваша работа.

Кто же такой этот брат, что даже настоятель старается с ним договориться? Мужик мне нравился всё больше. И то, как он стоял на своём, и как не церемонился, когда можно было.

Ну хоть сословная история чуть прояснилась. Дворянство или аристократия. Вдруг и я бастард князя? Конечно, раскатал губу, именно в таких лохмотьях благородные детки и ходят.

Аристократические изыски прервались самым банальным и неуместным в таких декорациях и беседах звуком. Негромкой трелью мобильного телефона. К нему прибавилась характерная вибрация.

Настоятель укоризненно смотрел на Глеба, пока тот доставал самый желаемый для меня предмет — смартфон. Самый настоящий, сенсорный и тонкий. Я успел увидеть на экране имя — Берёзка.

— Служебный, — отмахнулся от колобка наш брат и ответил. — Слушаю. Да. Нет. Принято.

Мой чуткий слух уловил женский голос, торопливо что-то говорящий, прежде чем разговор был завершён. Кем бы ни была эта Берёзка, голосок у неё приятный.

— Прошу меня простить, вызывают, — с нескрываемым удовольствием сообщил Глеб открывшему было рот настоятелю и махнул нам. — За мной.

Мы с Карлом, уже успев почувствовать себя мебелью, переглянулись, но послушались. Пухляш проводил нас до того неприятным сальным взглядом, что я еле удержался от того, чтобы поежиться.

Прошли мы до конца галереи вдоль одной стены и спустились по похожей узкой лестнице. Карл так и вовсе протискивался, соскребая меловую шпукатурку, пока не догадался развернуть корпус. За спуском последовала череда разнообразных помещений, похожих на места для отдыха.

Редкие встречные здоровались короткими кивками. Никаких поклонов, что пытался поначалу исполнять здоровяк. Учился он, к моему приятному удивлению, быстро, тоже перейдя на кивки.

Лабиринт, повороты которого я задолбался запоминать, закончился спуском ещё ниже, в подвал. Под зданием был настоящий бункер. Не удивлюсь, если тут есть своя ветка метро или подземный ход вовне. А то и целая сеть.

Упакованный в бетон широкий коридор с невысоким потолком уходил куда-то в темноту. Свет, а тут наконец были обычные лампы, зажигался по мере нашего продвижения. Во тьме лишь слабо горели мелкие красные огоньки, обозначая двери.

В нос ударил запах сырости и застоялой воды, а под ногами зашуршала крошка. Ещё и лампа над нашей головой моргнула, на пару секунд оставив только зловещие красные точки.

Мы прошли несколько дверей, расположенных на приличном расстоянии друг от друга. Массивные и металлические, все в ржавых заклёпках и подтёках. Возле очередной такой мужик остановился, окинул нас оценивающим взглядом и, неудовлетворённо вздохнув, тихонько постучался.

Не успел он второй раз прикоснуться к поверхности, как в двери что-то взвизгнуло, щёлкнуло и она приоткрылась с протяжным скрипом. Лампа над нами снова моргнула и Глеб скрылся внутри.

Я вгляделся в темноту, подталкивая Карла вперёд. Не нравился мне этот бесконечный коридор. Звук наших шагов он проглатывал как бездонная глотка, сбивая с толку слух. Так и зашёл задом, нашаривая ручку, которой не было. Дверь так же громогласно сама поползла на место, а я обернулся.

Мы находились в берлоге компьютерщиков. Была у нас такая священная комната. Не дай бог тронешь что или наступишь не туда. Или чихнешь ненароком. Этот народ пугливый и очень трепетный.

Вот и здесь всё помещение было заставлено техникой. Дальняя сторона так же уходила в тень, но скрип двери всё же нашёл где-то там отклик, уткнувшись в стену. Стеллажи с разнообразным оборудованием, от количества и вида которого разбегались глаза.

Но, прежде чем рассматривать чудеса местной техники, я увидел местного ботаника. Точнее ботаничку. Девушка, миниатюрная, бледная и с красными от усталости глазами, восседала в крутящемся кресле. Стену перед ней занимали ряды мониторов.

На столе снизу с десятков клавиатур. Может и больше, остальное терялось под ворохом бумаг, проводов и ещё чёрт знает чего. На единственном чистом участке стояла огромная розовая чашка с ручкой в виде фламинго.

— А это кто? — нежным голоском поинтересовалась она, скользнув по нам изучающим взглядом.

У женщин есть такое. Молниеносная оценка и миллион выводов. Как правило ни один из них не был правильным. Но она хоть не усмехнулась нашему виду, даже виду не подала, что что-то не так.

Я же жадно посмотрел на мониторы. Камеры наблюдения, городские. Переулки, склады, какие-то промышленные кварталы. На одном была карта города, и по рекам и каналам я убедился — Питер. Немного другой...

Раза в два так побольше. Причем разросся он не только на север и юг, но и в залив. Ещё пара островов на месте гавани, и немаленьких.

— На экскурсию вот привёл, — насмешливо ответил Глеб, заметив как я уставился на карту. — Неместные, как сама видишь. Этот, мелкий, Карл. Второй молчун. Что у тебя?

«Мелкий» тут же умудрился своей тушей задеть стеллаж и с него что-то упало и закатилось в угол к мониторам. Девушка поморщилась, неохотно поднялась и залезла под стол.

— Извините, — пробормотал Карл и было ломанулся помогать.

— Стоять и не двигаться. Дышать по команде, — остановил его порыв защитник. — Дыши. Но бесшумно.

Королева этого электронного царства тем временем выбралась, сдувая пыль с круглого металлического шара. Она покрутила его перед лицом, рассматривая, понюхала, нажала пальцем и бросила Глебу.

— Не взвелься, счастливики, — девушка отвернулась к мерцающим изображениям,

даже не проверив поймал ли кто-нибудь шар.

Глеб поймал и выражение его лица в этот момент таким спокойным не было. Мужик осуждающе глянул на девушку, затем на здоровяка. Ну и на меня для профилактики. И очень аккуратно положил шар в открытый кейс с подобными устройствами. Закрыл распахнутую крышку и только после этого шумно выдохнул:

— Аня, ну нельзя же так...

— Ай, — отмахнулась она и ткнула в один из мониторов. — Вот, опять у ганзейцев, забери их Вечная. Видишь, что творят?

Он приблизился и я за ним следом. Карл застыл статуей, но вытянул шею. На экране вроде ничего сверхъестественного не происходило. Переулок, зажатый кирпичными стенами. Мусорные баки, разломанные паллеты, пара луж.

Двое молодых парней тащили ящик, по форме напоминающий гроб. Третий шёл следом, озираясь. Воруют что-то? Неужели защитники это просто местная полиция, отлавливающая местную шпану?

Девушка яростно заколотила изящными пальцами по клавиатуре и картинка приблизилась. Камера взяла в захват одного из носильщиков, следуя за ним. На пол экрана попала татуировка на шее. Змея обвивала её три раза и головой упиралась под ухо.

Под новый поток клацания кнопок камера сместилась на ящик. На нём были стандартные клейма о грузе, но показывала девушка не это. По бокам находились отверстия, с палец, может чуть больше. И в одном из них торчал изогнутый чёрный коготь. Он вылез дальше, прокрутился и исчез.

— Пятый уже! — торжествующе заявила она и провернулась в кресле. — Видел?

Контрабанда животных? Тут защитники дикой природы собрались? Но Глеб нахмурился и постучал ногтями по столу, размышляя.

— Видел, — подтвердил он. — Отправляй вверх, пусть соберут команду.

— Но я же тебя...

— Я знаю, что твой любимчик, милая. Но один я не справлюсь, сама видела. Пятеро, а сколько ещё? Кусок сладкий, но как бы мне об него зубы не обломать.

Девушка суксилась, но через миг схватила другую клавиатуру и застрочила уже на ней, периодически замирая, фыркая и неразборчиво бормоча. Её два высоких хвоста при этом забавно дёргались в такт движений. Резинки, удерживающие волосы, тоже были ядерно-розовые.

Свет стал тусклее, на мониторах возникли помехи, а основание здания слегка дрогнуло. На голову посыпалась штукатурка, а девчонка возмутилась:

— Да что за бардак опять? Эта развалина не выдерживает простейшую нагрузку, а инквизиторы ещё жалуются на устаревшее оборудование. А с чем я имею дело? — она потрясла клавиатуру, показывая её как доказательство и оттуда посыпались крошки.

— Я напомню настоятелю о твоей просьбе, — мстительно пообещал Глеб. — Готовятся к ритуалу побуждения, в этом году много новичков.

— Да я вижу, — фыркнула она и взглянула на меня. — Даже до нашего подземелья добрались. Чего ты уставился?

Огрызалась она беззлобно, скорее на автомате. Наши компьютерщики так же себя вели, на всякий случай и превентивно. Чтобы лишний раз к ним не совались. Так что я ей улыбнулся и переключился на экраны.

Ящик уже затаскивали в подвал, дверь в который, подобно старым складским, была

почти горизонтальной. Опять моргнул свет, на этот раз мониторы погасли на пару секунд.

— Я прямо сейчас и пойду к настоятелю, — опередил мужик гневную тираду и осторожно попятился.

Я отступил вместе с ним, по-прежнему дыша ему в затылок и один глазом поглядывая на ожившие экраны. Крайние были с несколькими панорамами города. Стрелка, Петропавловка, Дворцовая площадь. Храмы, стоящие на месте церквей, которые я помнил, на наши похожи не были.

Что-то античное, без крестов, с треугольными крышами, посаженными на колонны. Низкий купол храма Петропавловской крепости вместе с новым архитектурным стилем делал храм почти копией римского Пантеона.

Рассмотреть детали не удалось, Глеб оттеснил меня к выходу, заодно отдав приказ и Карлу:

— Втягивай живот и жопу, руками не двигай и на выход бочком.

Сельский богатырь ни капли не обиделся, в точности выполнив инструкции и выйдя наружу без новых происшествий. В обратный путь мы двинулись медленнее.

И, когда проходили мимо очередной дверей, оттуда послышался глухой звук удара. С той стороны, кто-то размером со слона, бахнул в стену, по которой тут же струйкой что-то посыпалось. Карл неожиданно подпрыгнул и остановился, рассматривая бетон. Трещины он там ищет или что?

Здоровяк, не нарушив приказа молчать, жалобно посмотрел на Глеба. Я же ориентировался на реакцию того. Его безразличие и усмешка успокоили меня. Возможно, просто упал шкаф. Очень, очень большой шкаф.

— Чего всполошился, адепт? Сам же хотел защитником стать. В нашем зверинце не самые крупные экземпляры демонов. Испугался или готов посмотреть, с кем дело иметь придётся в столице?

Побледнели мы с Карлом одновременно. Амбал решительно, ну а я от такой неожиданной новости. Демоны?

Глава 5

Карл весь подобрался, даже кулаки сжал уверенно. Богатырь смотрел на ржавую дверь, как на последнюю преграду между ним и спасением человечества. Тем временем, с той стороны всё затихло.

В наступившей тишине было слышно как где-то лениво капает вода, добавляя бурых разводов в подземный интерьер. Я сглотнул и тоже приготовился.

К чему только? Насчёт демонов мужик явно не шутил. И это не было эвфемизмом. Может, пусть и маловероятно, демонами тут как раз местных канализационных крокодилов называют. В любом случае глупо идти с голыми руками на тварь, способную поколебать толстую стену.

— Смотри-ка, не струсил, — рассматривал нас Глеб, задумчиво почёсывая щёку. — Может и выйдут из вас защитники. Наивности в вас быстро поубавится, чтобы каждому встречному перестали верить. А остальное дело опыта.

Опять шутит? Скорее уж проверяет. Мужик испытывал нас на уровень тупизны и сообразительности, внимательно наблюдая за каждым жестом и движением. Мне такие испытания были знакомы. Но когда их проводили на мне, оказывается это раздражало.

Ладно, Ильох, держись. Ты считай ребёнок и тебя все, кому не лень, будут проверять на

прочность. Оно, возможно, и к лучшему — не расслаблюсь.

— Я ничего не боюсь, — упрямо сообщил Карл и для наглядности погрозил стене кулаком.

— Так уж и ничего? А чего тогда перед признанными не показал? — Глеб кивнул на кулачище размером с тыкву.

— Так я их не боюсь, — здоровяк непонимающе заморгал. — Но мне матушка настрого велела, слушаться всех, значит, кто выше по положению. Чтобы не навлечь беды... А получается так то, что всех и надо. Я человек маленький.

Мужик громко расхохотался и смех ухнул эхом по коридору, уносясь в его бездну. За стеной опять бахнуло, но не так мощно. Спать мы ему мешаем?

— Маленький? Ну-ну. Ладно, вижу, что не из трусливых, разжимай кулаки уже. Никто вас туда, — махнул он на дверь, перед которой мы так и стояли, — не пустит. Лаборатория там, своих питомцев они берегут, как главное сокровище империи. Ещё бы, поймать таких экземпляров непросто.

Карл понимающе кивнул и расслабился, опустив плечи и разочарованно вздохнул.

— Насмотритесь ещё на занятиях, для вас держат кого попроще. И свежих, и не очень. А потом в естественной среде обитания, так сказать, увидите. Если на то будет воля богов. Давайте уже, меня настоятель заждался.

Мужик ещё разок рассмеялся и замахал на нас руками, подгоняя к выходу из подвала.

Я расслабился, лишь когда мы вышли на свежий воздух. От яркого света глаза заслезились и я вздохнул полной грудью. Мрачный бункер с непроглядным ходом нервировал.

Особенно учитывая, какой там зоопарк держат. Может, их там и отлавливают.

Мы вернулись на галерею над полигоном, обошли его с другой стороны и снова долго петляли по коридорам и лестницам. Натоптали мы прилично, размер обителю впечатлял.

В этой части древнего здания обстановка была побогаче. На полу паркет, выложенный сложным узором. Стены идеально ровные и чистые. Появилась и мебель, уже не дряхлая, а дорогой антиквариат.

Картины с портретами важных седовласых стариков, декор в виде ваз и прочих безделушек, и даже кадки с пышными растениями. Не дворец, но как минимум особняк. Сразу ясно, что мы в месте обитания важных персон и приёма таких же.

Двери в приёмную настоятеля были распахнуты, но за ними нас ожидала непреодолимая преграда. Вахтёрша. Натуральный адмирал допуска в святая святых. Сухопарая, седая и прямая как палка.

Она окатила нас взглядом, проникающим внутрь не хуже рентгена. Даже Глеб немного стусевался и сообщил крайне вежливо:

— Я к настоятелю.

— Нет его, — мгновенно выдала она, глядя сразу на всех нас, не мигая.

Враньё высочайшего уровня, выработанное годами постоянной практики. Поверил ей только Карл, который было дёрнулся на выход. Глеб же согласно склонил голову.

— Как скажете, Марья Степановна. Мы подождём тут, — он указал на кушетки, расставленные у стен. — Сколько нужно, столько подождём. Мы никуда не торопимся.

С секретаршами дружить и ладить необходимо так же, как и с бухгалтерией. Они умеют и в буквальном, и в переносном смысле, открывать любые нужные двери. И брать эти неприступные крепости можно только измором и терпением.

Женщину его спокойная речь не убедила, но возразить было нечем. Поэтому она сделала вид, что нас тут нет и занялась бумагами, лежащими перед ней на столе.

Мы расселись по кушеткам и принялись ждать. Марья Степановна периодически смеряла нас строгим учительским взглядом, от которого хотелось сложить руки на коленях. Но ничего не говорила.

Она шуршала бумагами, вздыхала, осуждающе качала головой и даже прошлась по помещению, поливая из позеленевшей бутылки многочисленные цветы в горшках.

Глеб сидел с невозмутимым видом, здоровяк подражал ему, а я скучал. Ни журналов, ни буклетов. Заняться было совершенно нечем. Громко тикали настенные часы, отмеряя минуты.

Я уже начал звереть от безделья, как дверь кабинета распахнулась. Шарообразный начальник этой обители выкатился и недовольно зыркнул на нас.

— Не видела, когда вы вернулись, — тут же выдала вахтёрша очередную ложь.

Настоятель хмыкнул, но разозлился ещё больше:

— Ну чего ещё, брат Глеб? Теперь в чём дело? Адептов на порку притащил? Я занятой человек, у меня нет времени...

— Я отниму только минуту вашего времени, — мужик сохранял хладнокровие. — Один небольшой вопрос. И сразу уйду.

— Минуту? — колобок, кажется, поверил такому вкрадчивому тону. — Ну боги с тобой, заходи.

Длилась эта пытка ожиданием не минуту, и не две. Ждали мы не меньше часа. Сначала за плотно закрытой дверью было тихо. Потом сквозь отличную звукоизоляцию начали пробиваться крики.

Орали глухим басом и отвечали высоким визгом. В стену с той стороны что-то влетело и разбилось. После чего вопли участились и вдруг резко прекратились. Я к тому моменту начал ёрзать на месте, разминая затёкшие ноги.

Марья Степановна на моё движение в сторону кабинета приподняла одну бровь, усаживая одним этим жестом обратно. В общем-то переживать за нашего сопровождающего я не стал бы. А если она не беспокоится о здоровье своего начальника, значит тут такое норма.

Действительно, ор возобновился. Увесистые бьющиеся предметы прилетали в стену ещё пару раз. Снова раздался непродолжительный высокий крик и через несколько минут тишины дверь распахнулась.

За спиной целого и невредимого Глеба маячила красная рожа настоятеля. Оба были не очень довольны, но явно договорились. Мы быстро попрощались, я кивком, и ретировались с места боя.

Мужик дал волю эмоциям, отойдя на безопасную дистанцию. Он ускорился и перешёл практически на бег, шумно сопя и бормоча угрозы под нос.

— Устрою я тебе, Эдик, сопровождение. Надолго запомнишь у меня. Крючоктвор, чтоб тебя. Ничего, будет тебе наука, что такое буквально выполнять договоры.

Что бы там не задумал этот брат, мне даже стало жаль настоятеля. Ненадолго. Бешеная гонка прекратилась на старом месте. Глеб увидел что-то на полигоне, перевесился через перила и принялся орать, пополняя мой запас местных устойчивых выражений.

— Ты чего дёргаешься, как одержимый?! Экзорциста тебе вызвать, припадочный? Ствол вниз, кусок бездны! А ты, жирдяй, какого демона на линии зайцем скачешь? Магазин,

пустышка, магазин! Сброс в мешок, на твоих яйцах болтается! Ты думаешь для чего он там? Семечки туда лузгаааать?!

Мы с Карлом прижались к стене за его спиной и не отсвечивали. Я, затаив дыхание, слушал и внимал, а амбал вошёл в ступор и, кажется, задремал.

Выпустив пар и выгнав половину куда подальше, он успокоился. А я узнал, что посвящённые есть и третий ступени. Один точно был внизу, пока не попал светошумовой в голову своего товарища. Кто был виноват, Глеб разбираться не стал, обоих разжаловав до первой ступени.

Но, как бы мужик не злился, придирался он по делу. Меня так и подмывало подойти и глянуть, кого там набрали, что банальных правил не знают. Но попадаться под горячую руку ради этого не стоило.

Солнце стояло уже высоко и жарило ощутимо. Ветра не было и тёплый воздух обволакивал, проникая под одежду. От духоты, шума, беготни и миллиарда мыслей меня потянуло в сон.

Последовать примеру сельского богатыря, еле слышно похрапывающего с открытыми глаза, я не успел. Глеб обернулся и удивлённо моргнул:

— О, адепты. Вы до сих пор тут? А ну дуйте на обед, он скоро закончится. А потом на общий сбор. Давайте, давайте, бегом.

Карл среагировал на слово «обед» и проснулся, зашевелившись. И мы побежали. Перспектива остаться без еды меня хорошо взбодрила, придав сил.

Столовая к тому моменту, когда мы до неё добрались, была почти пуста. Так что второй приём пищи в новом мире прошёл спокойно. Хотя есть нам и пришлось быстро.

Еда, сытная и знакомая, подняла настроение. Отменный борщ, в котором стоит ложка, и гуляш с макаронами, выбивший скупую слезу счастья. Нет ничего проще этого блюда — тушеного мяса с густым соусом. И тем удивительнее, как его могут испортить.

Местные повара толк в простой и вкусной пищи знали. Значит, жить можно. Пусть я пока не видел, на чём мне придётся спать. Но на сытый желудок это уже не так важно.

Пока мы без дела болтались полдня, в моей голове зрел план. То, что я успел увидеть, вселяло надежду. Обучение, боевая подготовка и координация операций. Ещё и оплачиваемые, судя по брошенной фразе про лакомый кусок. В сравнении с теми «дебилоидами» на полигоне, мне пробиться будет несложно.

Братья, магия, демоны и сам император — детали. Помню, однажды нам пришлось месяц на азиатском сухпайке сидеть, вот там было испытание для выдержки. И закалка организма. Как выразился один мой коллега — натренировали сжимать очко так, что можно было гвозди перекусывать.

Добраться до любого источника информации, получить начальные знания и там уже сориентироваться. В мир валить или и тут можно неплохо устроиться. Уж показать себя, чтобы меня отметили и продвинули, я умею.

В моём плане был лишь один непонятный момент.

Именно он и начал проясняться, когда мы прибежали на просторную площадь перед главным храмом обители. За нашими спинами качались кроны деревьев на поднявшемся, к моему облегчению, ветру.

Мощёная широкая дорога, разрезающая парк пополам, вела к закрытым воротам. Полкилометра, не меньше. У ворот маячили тёмные фигуры, значит охраняется.

Ну а храм был похож на те, которые я уже видел на городских камерах. Только

внушительнее, хоть возвышался над черепичными крышами обители ненамного. Светлый камень, массивные колонны, низкая крыша и приплюснутый купол.

Вблизи я заметил и местный символ веры — вложенные треугольники. Они золотом сияли на фронте.

Наверху ступеней, ведущих ко входу в храм, стоял настоятель. Несмотря на ветерок, он блестел от пота, быстрыми движениями вытирая лицо и лысину. А перед ним стояла сотня адептов.

К счастью, мы с Карлом были не последние, настоятель подождал ещё десять минут, прежде чем двинуть речь.

К тому времени стоящая на самом солнцепёке толпа, все сплошь в чёрном, сопрела окончательно. Либо тут не продумана цветовая гамма, либо такая погода скорее редкость. Ну или, как положено, в страдании закаляется характер.

В том холсте, из которого сшили мою одежду, было тяжело. Натурпродукт, но такой плотности, что вспотел я сразу же и с головы до ног. Мысли о душе отвлекали от нудной речи.

Первые десять минут она сводилась к тому, какая честь служить богам и императору. Как нам повезло, что мы тут и прочее. Внушали чувство благодарности и гордости, классика.

Лоснящийся пухляш избегал слов о признанных и непризнанных, политкорректно назвав всех одарёнными, а потом и вовсе благородными.

— В вас течёт кровь богов! — вещал он громко, заставляя трепетать юные сердца.

Впечатительных было не так уж и много. И все они были одеты в какие-то лохмотья типа наших с Карлом. Основная масса благородных благосклонно усмехалась, поглядывая на приезжих с превосходством.

В открытую скалить зубы себе никто не позволял. Что говорило о присутствии хоть каких-то правил. Глеб назвал это кодексом ордена. Такая литература точно должна найтись на видном месте.

После продолжительной речи, приведшей в эйфорию лишь немногих, настоятель перешёл к сути. Распределяли очередь на ритуал того самого пробуждения. К коlobку присоединился брат в рясе и уже тот озвучивал имена с фамилиями, но без титулов.

Ритуал происходил в индивидуальном порядке. Как я услышал из перешёптываний в толпе, это могло занять как пять минут, так и час. Сколько времени уйдёт на сотню адептов, неизвестно. Вряд ли за день управятся.

Ясное дело, что сначала шли те благородные, что чуть благороднее. И так по нисходящей, до нас.

Когда дошла очередь до меньшинства в обносках, звучали лишь имена и губернии. Не так всё убого, как «Прошка из Тверской» или «Дубина из Новгородской». Но примерно. Так я наконец и узнал, из какого места я появился.

— Илья, Оренбургская губерния, — крикнул чуть охрипший монах, высматривая в толпе меня.

— Тут! — поднял руку и рявкнул я в ответ, вспомнив, что говорить мне уже можно.

Эта процедура уже происходила почти в сотый раз, так что порядок действий я знал. Как и то, что после каждого имени и отклика все собравшиеся рассматривали новичка. Выдержав многочисленные оценивающие взгляды, я довольно улыбнулся.

Говорить, я могу говорить! Никогда бы не подумал, что будет так нелегко молчать всего каких-то полдня. Карл пихнул меня в бок и хлопнул по плечу.

— Илья, значит, — тихим басом прогудел он. — Ну, будем знакомы.

— Будем, будем, — довольно ответил я, про себя повторяя имя предыдущего адепта.

Вихрастый тощий парнишка, Захар из Могилёвской губернии. Вот за ним и наступала моя очередь пойти в храм и пробудиться. Вроде как дежурить на площади и дожидаться не надо было. Могли позвать, из-за чего всё это растягивалось ещё больше.

Но я остался после завершения переключки. Потому что в храм пошёл первый адепт и мне стало интересно посмотреть, как он выйдет. Впрочем, остались почти все, любопытно было даже самым напыщенным адептам.

Скамейки, расставленные по периметру в тени деревьев, тут же заняли наблюдатели. Ну а мы с Карлом устроились на траве, поближе ко входу в святилище.

— Оренбургский ты, значит, — болтал парень, хоть взгляд его и был прикован к закрытым дверям храма. — Хорошо там у вас? Это же на Урале, да? Ты уж извини, не очень у меня с этой, географией. Конечно хорошо, там где дом, всегда хорошо. Только у вас холодно. Ой, извини. О, вот он!

Первый адепт появился через десять минут, то есть быстро. Высокого парня шатало и вид у него был бледный. Но на лице блуждала улыбка. Его вели под руки двое братьев и один из них выкрикнул:

— Защитник!

Со скамеек ответили одобрительными криками и пробуждённого отвели к жилым постройкам. Как мне объяснил Карл, прошедших ритуал пробуждения так и называли, пробуждёнными. А вот после посвящения, который смахивал на принесение присяги, становились уже посвящёнными.

Я пошёл на обман добряка и сделал вид, что проверяю его знания. Вопросы я задавал осторожно и как бы неохотно, чтобы он в один момент не понял, что говорит только он. Это сработало, но Карла постоянно уносило в рассказы историй, никак не связанные друг с другом.

Я невпопад отвечал «да» или «нет» и почти задремал под его бубнёж. Следующий адепт вышел только через час. И оказался тем самым хранителем, которым пугал Глеб здоровяка.

Встретили его так же, как и первого. Поздравлениями и пожеланием удачи. Как мне показалось, более уважительными.

— Ну и чего ты так не хочешь стать хранителем? — воспользовался я моментом и спросил Карла, пытаюсь разобраться, в чём разница между этими «званиями».

— Да ну, во-первых, говорят они большая редкость. Ай, да разное про них толкуют, ерунду всякую. Только сидеть, закопавшись в книжках всяких, я не хочу. Ну куда мне, я же читаю то с трудом. Ну, умею конечно, но медленно. Тоска смертная же.

По тому, как он запинаясь и краснел, я понял, что толком парень ничего про хранителей не знает. С книжками... Возможно, хранители знаний. Этого он так не хотел, над книгами чахнуть? Я бы сейчас с удовольствием сходил в библиотеку.

Но никто ещё, кроме пробуждённых, с площади не ушёл. Я не хотел привлекать лишнего внимания и стать первым. Все сидят и ждут, и я буду. Карл опять начал рассказывать какие-то сельские сказки про русалок в речке и я прикрыл глаза, кивая ему в знак того, что слушаю.

Сердце в груди вдруг неприятно сжалось. Нехорошее предчувствие заставило меня распахнуть глаза и подняться. Я оглянулся в поисках источника тревоги.

Мирная картина ничуть не изменилась. Солнышко светило, птицы щебетали, лёгкий

ветер шевелил травинки. Откуда-то доносились ароматы выпечки. Адепты тихо переговаривались на скамейках.

Эту идиллию нарушила суета у дверей храма. Они распахнулись и в этот раз вместо измученного, но довольного адепта, вынесли носилки. На них, упакованный в характерный пластиковый пакет, был труп.

— Да примет его Вечная в свои объятия, — прошептал Карл и склонил голову. — Ну вот и первый...

Именно в этот момент я и решил, что своей очереди дожидаться не стану. Из этого места нужно валить. Как можно быстрее.

Глава 6

До самого вечера я торчал возле храма с мрачной рожей. Даже чрезмерно болтливый Карл притих, хотя в рядах адептов никакой паники я не заметил. Они это воспринимали как обыденность.

Внутри зашло ещё десять человек, а вышло только восемь. По словам великана, двое из десяти ритуала не переживали. Это ещё больше убеждало меня в правильности побега.

Среди вышедших на своих ногах оказался и тот хмырь из столовой. Княжич Ростовский. Якоб, вспомнил я его имя, названное на перекличке. Ритуал сбил с парня спесь, он дрожал, цепляясь за братьев, что помогали ему идти.

— Инквизитор! — это слово погрузило площадь в полную тишину.

Поздравлений не последовало, только злорадная усмешка на миг появилась на измученном лице пробужденного. С таким тут, похоже, не поздравляют.

— Ох, — как-то затравленно вздохнул Карл, провожая взглядом процессию.

— Ну и чего такого? — сыграл я храбрыщегося дурачка.

Обретя возможность говорить, пришлось стать ещё осторожнее. Следить не только за проявлением эмоций, но и за языком. Даже тупить нужно уметь. Пусть и на законном основании, притворяясь неотёсанной деревенщиной.

Всё таки идеальное прикрытие. Но я мог выдать незнание совершенно банальных вещей, поэтому уже мозг начинал скрипеть от того, как я тщательно подбирал слова и интонацию.

Со здоровьем такое срабатывало, но попадись мне кто по-умнее...

— Ты чего, Илья? — удивился парень и повернулся ко мне. — Они же это, в голову могут залезть. Поджарят, значит, все извилины и дурачком сделают. И скажут, что так и было.

— Так прямо и могут? — недоверчиво, но настороженно уточнил я, внутренне опешив.

Озвученная новая специальность и без того не вызвала приятных ассоциаций. Если отбросить первое, что пришло на ум, то есть сожжение на кострах, то инквизиция это расследования, как на предмет ереси во внешнем мире, так и внутри самой духовной организации. Ребята в любом случае опасные и обладающие достаточной властью, чтобы доставить немало головной боли. Во всех смыслах.

Если они при этом ещё и владеют ментальной магией... У Ростовского, судя по нашему знакомству, хватит дури нам подгадить. Теперь он может стать проблемой.

— Ну не так прямо, — немного успокоил Карл, почесав макушку, так ему явно лучше соображалось. — Научиться ещё надо, конечно. Эта, как её, предрасположенность, умений то не даёт. Так что да, прямо так не может пока.

Он и сам немного расслабился, поняв, что угрозы в текущий момент нет. А я слегка расстроился, что ритуал лишь первый этап и сразу со ступеней храма магичить не выйдет. Хоть и собирался избежать такой чести.

Когда перед закатом выносили третьего, узнал я и ещё одну теорию по поводу смертности. Так как Карл смог объяснить такой отбор исключительно волей богов. Но вот наши соседи, на ближайшей скамейке, обсуждали иную версию.

И, если мы переговаривались очень тихо, шепотом, то благородные особо не таились. У храма их услышать не могли, а на нас они обращали внимания не больше, чем на клумбу с цветами.

— Правду, получают, говорят. Род Алексеевых угасает, — со странной смесью тревоги и ехидства сообщил один из адептов. — Слабая искра у Степана оказалась, а разговоров то было. Чуть ли не в оракулы его записывали, сразу в императорские. Теперь у его сиятельства одни дочери остались. Но после того, что случилось, уже вряд ли найдут себе выгодную пассию. Кому нужна слабая кровь...

— Ты, Олег, сам сначала выйди оттуда, — последовал прохладный ответ его соседа. — Хотя бы искателем. Князь, думаю, и без твоего мнения справится. У него есть признанные сыновья, рано на их наследие заглядываться.

— Искателем? — громко возмутился первый и опомнился, снизив голос. — В моем роду никогда такой слабой искры не было. Да хранят нас всеблагие. А близнецы Алексеевы в защитниках уже год и, говорят, либо там и останутся, либо окажутся в крипте.

— Видят боги, ты бы слушал хоть что-нибудь, кроме сплетен, — раздраженно перебил его собеседник. — Год в защитниках означает как раз то, что они очень сильны. Пережить год в столице...

Их язвительный, но полезный для меня разговор, прервался появлением очередного пробужденного. Та же картина — бледный, шатающийся, но довольный. Думаю, радовались они именно тому, что выжили.

Что там происходит внутри, выяснить не удалось. Карл считал, что это священное таинство, а прочие наблюдатели в основном сплетничали. Но из слухов удалось вычленить ещё кое что.

После заката часть адептов стала расходиться. И компания, проходящая мимо, обратила на нас внимание. Белобрысый и невозможно кучерявый, как херувим, парень, сморщил нос и лениво бросил своим спутникам:

— Насмешка богов, эти оборванцы почти никогда не подышают. Пока истинных благородных выносят вперед ногами, эти тут хари нажирают на дармовых харчах.

Карл, как обычно, даже не шелохнулся, а я запомнил ещё одну наглую харю. И поспешно отвел взгляд, сделав виноватый вид. Долго я так не выдержу, терпения не хватит на такое количество наглецов.

Пусть обида этого кучерявого и давала надежду на большую выживаемость, но это тоже могло быть вымыслом. Среди законных и признанных, нас было процентов двадцать. Простая арифметика давала статистику в нашу пользу.

Смущало в этих вычислениях одно. Нагулянных детей не может быть меньше законных. Если даже в таком пограничном селе с русалками, откуда приехал Карл, нашёлся бастард. Ещё и сильный, судя по всему. Значит, погулять местная аристократия любит. Где тогда остальные?

Единственный вывод — в императорскую обитель просто так не попасть. Как тогда

сюда попал я? Ох, надо было потрясти этого брата Еврипия.

Мы ушли через час после заката. Ночь принесла долгожданную прохладу, на территории зажглись фонари и стало совсем тихо. Звуков города я всё так же не слышал.

Но хоть тут понял, что нас, помимо обширного парка, защищает барьер, наподобие защитного на полигоне. Только звуковой. Потому что за воротами так и маячили небоскребы, постоянно притягивая взгляд.

А когда наступила темнота, махины засияли яркими огнями. В небе мелькали лучи прожекторов, вверху мигали сигнальные огни, что-то ярко вспыхивало. Я насчитал с десятков вертолетов, прилетающих и улетающих с крыш.

Там, так далеко и близко одновременно, бурлила ночная жизнь. А здесь стояла звенящая тишина, изредка нарушаемая то ли кузнечиками, то ли цикадами, стрекочущими в траве.

— Эх, ужин пропустили, — огорошил меня Карл, пока мы шли обратно.

— Ну, может найдем что, — не расстроился я, найдя повод пошататься тут ночью.

Надо было осмотреться и отыскать выход. Охрану я заметил только у главных ворот, да и та была скорее для красоты. Понаблюдав за ними, к такому выводу я и пришел. Во-первых их было всего двое, во-вторых они то и дело оставляли пост без присмотра.

Учитывая барьер звуковой, должен был быть и охранный. Но в каждой крепости есть слабое место. Особенно когда обитателей полно и город под боком. Не поверю, что тут нет калитки, а то и нескольких, через которые в самоволку ходят.

— Я яблони тут видал, — сообщил мне амбал и принялся потирать поясницу. — Но воровать яблоки не стану. Грешно это.

Я незаметно усмехнулся. Понятно, уже попадался и получил порку за свой здоровый аппетит. Грешно, не спорю, но прикрытие хорошее. Повезет, так и яблоками поужинаю, и выход найду.

Благодаря Карлу нашлись и так называемые спальни. По сути казарма, но очень просторная. Для адептов было выделено необъятное помещение. Метров десять высотой и длиной с футбольное поле.

А перед входом в жильё будущих братьев располагались душевые. Этот корпус обители явно предназначался для самых невзыскательных постояльцев. Старая побелка, местами колотый кафель и несмываемые разводы от воды.

Но из дребезжащих леек лилась горячая вода. А у выхода стояли стеллажи с чистыми полотенцами. Смыть с себя грязь жаркого дня было самым приятным, что сегодня произошло. На втором месте после обеда, конечно.

Так мы со здоровяком и вышли оттуда, босиком и с полотенцами на бедрах. Надевать свою пропотевшую и пыльную одежду совершенно не хотелось.

Пространство спален было разделено условными стенами, в пару метров высотой и дверными проемами. В каждом таком отсеке было по шесть кроватей с таким расстоянием между ними, что влезло бы ещё десяток.

Света, источника которого я опять не увидел, было достаточно лишь для того, чтобы рассмотреть силуэты мебели и белеющие пятна матрасов.

— Я там, — махнул Карл куда-то вглубь.

Где моя койка и как её найти, я понятия не имел. Никаких табличек с именами или хотя бы номерами тут не было. Но незанятые кровати можно было опознать по стопкам белья, лежащим строго по центру матраса. Чем я и воспользовался.

— Ну а я тут, — указал на ближайшую заправленную.

В первом отсеке занята была только одна. А мне нужно было расположиться поближе к выходу. Я рисковал, но пронесло. Здоровяк кивнул, широко зевнул и улыбнулся:

— Ну тогда бывай. До завтра, значит. И да хранят нас всеблагие.

— Да хранят... — покивал я в ответ, провожая взглядом Карла.

Хороший парень, простой и добрый. Даже немного жаль, что больше не увидимся. Заклюют его тут. Хотя, возможно и попадетсЯ нормальный наставник, вроде Глеба. Я выбросил из головы лишние мысли и занялся постелью.

Придется пару-тройку часов переждать, пока большинство крепко уснет.

Обитель погрузилась в мирный сон, даже храпунов в спальнях не оказалось. Слышно было только сопение и редкие шорохи и скрипы, когда кто-нибудь ворочался.

Я и сам чуть было не вырубился под эти усыпляющие звуки. Кровать, как назло, оказалась удобной. В меру жесткий матрас, свежее и пахнущее луговыми травами белье. Даже подушка, набитая, по-деревенски, сеном, была большая и мягкая.

Но наступил самый темный и тихий час, и я выбрался из плена дремоты. Постоянно прислушиваясь к чужому дыханию, тихо оделся и прокрался наружу.

Запомнить все повороты и помещения оказалось не так и сложно. Мы, по сути, весь день ходили по однообразным корпусам, соединёнными переходами. Обитель была огромной, но простой по планировке.

А тот лес, в котором я очнулся, находился позади и был частью большого парка, окруженного стеной. Не такой ухоженный, в отличии от «парадной» части, где находился храм.

Изучение местности заняло много времени. Я передвигался очень осторожно, при этом стараясь делать вид, что просто брожу, страдая бессонницей. Камер наблюдения найти я не смог. Но это не значит, что их не было. И существуй они, крадущийся в тених человек точно вызвал бы подозрения.

Так я думал, пока не заметил как раз такого вот, крадущегося.

Я как раз укрылся за кустами и замер, слушая ночь. Мужской силуэт прошмыгнул в десятке шагов от меня, почти бесшумно. Я бы и не заметил, не стой я тут так долго, успокаивая сердцебиение.

Так как направлялся незнакомец от обители к стене, я последовал за ним. Вот он, шанс. Темная фигура уверенно двигалась в нужную мне сторону.

Мне оставалось только соблюдать дистанцию и не упускать того из виду. Идти за ним было проще, чем стараться не шуметь самому. Кто бы не собирался, как и я, сбежать отсюда, путь он знал хорошо. Выбирал участки, не засыпанные листьями и ветками, умело обходя всё, способное выдать его передвижения. Я просто шёл по его следам.

Спрятался в очередном кусте я лишь тогда, когда впереди замаячила белая стена с темным пятном. Вот и калитка.

Силуэт на миг слился с дверью, затем она без единого звука открылась и незнакомец скрылся уже за ней. Слишком уж просто.

Я сидел в засаде не меньше получаса. Тело затекло и болело от напряжения. Но я не шевелился, ожидая. Это вполне могла быть и ловушка. Да чёрт возьми, могло быть что угодно.

Но время шло, обитель спала, а со стороны стены не было никаких движений и звуков. Я же настолько слился с местностью, что удостоился чести стать насестом для ночной пичуги. Мелкая пташка сначала попрыгала по веткам в поисках еды, а затем вспорхнула мне

на плечо.

Цепкие коготки впились под одежду и я скосил глаза. Пичуга нагло рассматривала меня, склонив голову на бок. Я не шевелился и она осмелела, со всей дури клюнув меня в ключицу.

Судя по острой боли, до крови пробила, мелкая зараза. Я дернулся и пичуга улетела, издав недовольный писк. Так, пока меня не сожрали воробьи, надо выдвигаться.

Я сделал шаг, замер, потом ещё один. Так, очень медленно, я добрался до стены. У двери простоял ещё полчаса, прислонив ухо к щели. С той стороны был слышен только ветер.

Хрен с ним, надо решаться. В случае чего, скажу что увидел человека и пошел за ним. Ожидая, что вот-вот загорится яркий свет и завоюют сирены, я толкнул дверь.

Ничего не произошло.

За дверью оказалась хорошо протоптанная тропинка, ведущая вниз с небольшого холма. Тут деревья росли совсем низкие, чуть выше меня. И за ними, с возвышенности, открывался вид на город.

Справа черным провалом лежал залив. Передо мной, за рекой в полукилометре, сверкали огнями дома. Пятиэтажки, в классическом питерско-итальянском стиле. Небоскрёбы стояли дальше, за ними. Похоже и тут в каком-то виде был сохранен исторический центр.

Я моргал, стараясь сопоставить масштабы. Расстояние не давало сразу сообразить, на сколько этажей уходят в небо колоссы. А ещё сбивали с толку звуки.

Точно звуковой барьер. Гудки, музыка, далекие голоса, смех, лай собак, визг тормозов и даже строительный шум — всё это обрушилось на меня, едва я сделал шаг за дверь.

По этой причине я и не услышал того, кто подошел ко мне сзади.

Мне на плечо легла рука, адреналин хлынул в кровь и я отреагировал рефлекторно. Идиот, оставил тыл открытым! Злость на самого себя придала сил столько, что схватил и вывернул кисть я с треском.

Удивляться своей прыти и силе времени не было. Разворот и резкий удар, от которого человек улетел в дверь. Массивное полотно жалобно хрустнуло. Или то были его кости.

Я успел отскочить назад, как парень, а именно молодое лицо я и увидел, кинулся ко мне. Слишком быстро и словно им не выбили только что щепки из этого монолита.

Мельче и легче меня, такой противник не представлял серьезной угрозы. Что он тут же опроверг, свалив меня на землю. От падения вниз нас спасло дерево, в ствол которого мы и врезались. Точнее парень влетел в него головой и я уже подумал, где тут прятать труп, но он снова меня удивил.

Слегка встряхнул башкой и прописал мне в челюсть из позы, в которой такое повернуть нереально. Не смотря на то, что удар получился смазанным, искры из глаз полетели. Затрещало уже у меня, разозлив окончательно.

Ответный удар он отбил, как и следующий, и все остальные. Я вообще перестал понимать, что происходит, потому что двигался паренек невероятно быстро. Движения его рук смазывались в темноте и его выпады я даже не видел, а угадывал.

С техникой у моего противника было хреново, но вот скорость... У меня получилось перехватить его руку чисто интуитивно и я тут же вдарил болевой в локоть, буквально сминая его. Раздался мерзкий звук и отчаянный крик.

Наконец-то я смог оттолкнуться, заодно успев врезать по колену. Я отползал,

поднимаясь и не сводя глаз с дергающегося паренька.

— Аргх, — сплюнул он и простонал. — Больно же!

Да ну твою ж мать, конечно. Перестав сдерживаться, я сломал этому бешеному руку и ногу. Вот только голос у парня был хоть и страдающий, но больше от обиды, чем боли.

— Ну ни хрена себе ты шустрый... — пробормотал тот и медленно встал.

Какого? Парнишка, который уже должен был отрубиться от болевого шока, со стоном дернул себя за покалеченную руку. Там что-то хрустнуло и он замахал ей, разминая. Затем он посмотрел на ногу, схватился за колено и просто начал его массировать.

Я не стал дожидаться, что будет дальше, и прыгнул. В удар, направленный в переносицу, я вложил весь вес и всё ускорение моего прыжка. Мой кулак и его лицо встретились на максимально возможной для человеческого тела скорости.

Рука взорвалась болью, на миг я ослеп от неё. А когда зрение ко мне вернулось, то я увидел целую и невредимую харю, которая ухмылялась.

— Ауч, — сказал этот мутант и ударил в ответ.

Казалось, что в меня врезался цементовоз. От такого хамства моя черепушка не выдержала и я вырубился, успев начать удивляться:

— Какого ху...

Глава 7

Пришел в себя я опять среди деревьев и с обеспокоенной рожей перед глазами. Только небо было черным, а рожа другая. Вблизи парень оказался ещё моложе, чем я успел разглядеть. Моего возраста, чтоб его.

Дернулся я снова рефлекторно. Странные реакции у тела, надо как-то спокойнее быть.

— Тихо, тихо! — он миролюбиво поднял руки и отстранился. — Я только поговорить хотел.

Мы были там же, снаружи. Парень отошел и присел рядом с дверью, облокотившись спиной на стену. Я поднялся, осторожно ощупывая челюсть. Болело, но не так сильно, как должно было.

Вырубивший меня пацан смотрел на меня с таким же интересом, как и я на него. Сейчас я смог разглядеть, что у него на груди нашивка. Та же, что была у Глеба — перевернутый каплевидный щит, символ троицы всеблагих и два меча. Защитник.

Мелковат он для такого звания. На голову меня меньше, да и щуплый. Получается не в размерах суть. Судя по всему, подмогу он не звал, да и не скрутил. Может и не по мою душу, а очередной шастун ночной?

— Ух и быстрый ты для непробужденного, — он тоже потирал челюсть. — Что, поздно нашли?

Все таки почувствовал. После того, как он даже не поморщился от моего удара, я реально подумал, что это не человек. Не бывает таких быстрых и непробиваемых людей. Вид у него ещё такой, бледный.

Ох, надеюсь тут вампиров нет, к демонам в придачу? Я невольно потрогал шею, вдруг укусил, упырь хренов. Шея была целой, а вот его вопрос я не понял. Точнее, догадывался что он про искателей, но правильный ответ не знал.

Значит, придерживаемся версии скудоумия.

— С перепугу я это, извини, — пробурчал я, растягивая слова.

— А, понятно, — парень легкомысленно пожал плечами. — Не хотел пугать, думал ты

меня слышал. Туда собрался? — он кивнул в сторону моря городских огней.

— А чего, нельзя чтоль? — изображал я наивность.

— Да можно, — опять пожал плечами он и хитро улыбнулся. — Погулять можно, если до утра успеешь вернуться. А вот сбегать не советую.

— Поймают и накажут? — я смотрел на город, добавив в голос тоски по полям, лугам и травам.

— Обязательно. И то, и другое. Ты откуда такой взялся то?

— Оттуда, — скопировал я широкий жест Карла. — С Урала.

— И куда бежать собрался? Обрато на Урал? — удивился парень. — В городе тебя сразу вычислят, особенно... такого. Хм, неопытного.

Я скептически посмотрел на этого опытного. Ладно, пусть он меня и уделал, но насколько он старше? На год? Если только те яблоки, на которые положил глаз детина, не молодильные. И передо мной умудренный жизнью ветеран.

Пацан и сам неопытный. Двигался со скоростью света, но удар толком не поставлен, да и защищался он, как девчонка, прикрываясь руками. Дождался ещё, когда в себя приду.

Вырубил врага — беги. Но сначала спеленай и спрячь, если время есть. Ну или вызови кого нужно. Опытный, да уж.

В общем, не сдержал я эмоции и паренек их заметил, насупившись:

— Да тебя первый встречный искатель скрутит и в обитель вернет. Для них свободно гуляющие непробужденные, как бельмо на глазу. Да вот только от позора уже не отмоешься никогда. Так и придется до конца жизни при обители прихлебателем на побегушках быть.

А вот это сильно меняло расклад. Хрен с ним с позором. Клеймо труса страшная вещь, не поспоришь, но я присягу не приносил и добровольно не подписывался. Доказать, из какого теста я сделан, могу. В нужном месте и в нужное время.

Но то, что меня сразу же вычислят, уже плохо. Как и лишат возможности дальнейшего, хм, карьерного роста. Опрометчиво я, конечно, поступил. Надо охладить пыл, пока чего похуже не учудил.

Самое время смириться с тем, что я теперь молодой и да, неопытный. В мире, о котором мне неизвестно примерно ничего. Тут не квартал незнакомый изучать нужно и быт местных, а всю планету...

Ладно, у всех бывают моменты слабости. Аппендицит вон когда резали, тоже прощался со всеми. На всякий случай. Выжил тогда и тут переживу. В конце концов, сколько ещё раз умирать то?

Приступ стыда за идиотизм, паника и самокопание прошли сразу же и я взбодрился.

— А ты чего здесь делаешь тогда? — перешел я в обвинительную оборону.

— А я уже второй ступени! Был, — тут же сник парень и тяжело вздохнул. — Город я прихожу послушать, особенно когда... Надоедает всё.

Парень грустно уставился вдаль, а до меня дошло, что этот тот самый горе-стрелок, которого сегодня разжаловали. Точно его голос я слышал с полигона. Как же его...

— Семён, — сам напомнил он, протягивая мне руку.

— Илья, — ответил я на рукопожатие, у него оно было мощное, откуда только сила берется.

Я присел рядом, так мы сидели несколько минут, молча глядя на столицу. Этот оказался не таким болтливым, как Карл, но источником информации мог стать получше. Вторая ступень и допуск до боевой тренировки, хоть и проваленной, означает знания.

Минимум, как тут что устроено. Знает же он про эту лазейку.

— Слушай, так а сильно лютуют то, если просто погулять сходить? — начал я выведывать данные.

— Да какое там. Мы им нужнее, чем они нам. Точнее, что они без нас не могут, что мы без них, — запутал меня Семён и увидев, что я непонимающе нахмурился, попытался объяснить. — Ну смотри. Одарённые без пробуждения толком ничего не могут. Ну сильнее, живучее простых людей. Повезёт с сильной искрой, уйдет во что-то полезное. Но это редко случается. Вот у тебя явно же в ловкость пошло, но даже я смог справиться.

Он осёкся, сообразив, что выдал себя, и смутился.

— А, что уж скрывать, скоро и сам поймешь. Слабоватый из меня защитник, да и вообще. Не важно. В общем, толку не особо, а нечисть всякую при этом притягивают. Демоны ой как любят божественную кровь, — попытался он меня испугать, но увидел, что я не впечатлился и махнул рукой. — Короче говоря, чтобы сильнее стать, без церкви не обойтись. С другой стороны, без одарённых не будет ни защитников, ни всех остальных. Большая часть посвященных при обителях и остаётся. Особенно тут, в императорской. Потому что для большинства это единственный шанс получить нормальную жизнь.

Я вспомнил, как Карл мечтал о получении титула и начал понимать. Если даже у такого простого парня из села есть шанс получить титул, то это же какая замануха. Если это правда.

Ну а то, что при этом и умереть можно, так любая служба на благо государства включает эту опцию. А если эта служба состоит в истреблении демонов, то тем более. Кого бы тут не называли этими демонами, в любом случае звучит как смертельно опасная хрень.

— А ты тоже, ну, при обители хочешь остаться?

Семён невесело усмехнулся, посмотрел на меня внимательно и решил довериться:

— Хочу. Много я чего хочу, Илья, да вот позволят ли? Я ведь Строганов, признанный сын его сиятельства, графа Сергей Алексеевича. Хоть не старший, и на том спасибо всеблагим. Нам, признанным, хуже всех. Наследовать мы можем только после законных, а обязаны роду не меньше. Так что старейшины всегда решают, где им выгоднее пристроить отпрысков.

Слишком много тоски прозвучало от такого молодого. Даже я немного приуныл, передумав становиться княжичем. Графский сын и это подметил и встрепенулся:

— Да ладно, не всё так плохо. Мне повезло, слабая кровь, искры еле хватило на защитника. Может и предоставят меня самому себе, чтобы лишний раз на глаза не попадался. А там и свою ветвь смогу основать...

Так, башка уже гудит от аристократических кульбитов. Расспрашивать напрямую какого у них там, в родах происходит, я не мог. Какой бы деревенщиной не считал меня бастард, кажется, такие вещи должен знать каждый. Очевидно, что предел мечтаний одарённого — стать признанным со всеми плюсами и минусами.

Библиотека, Илья. Вот куда тебе нужно было в ночи проникать. За такое если и наказали бы, то несильно. Кто же за тягу к знаниям на гауптвахту отправит?

— Так как тут наказывают то? — вернул я беседу в нужное мне русло.

— Пороть не будут, не бойся, — рассмеялся пацан. — Отправят грязную посуду мыть или картошку на всю обитель чистить. Такого, как ты, может и в огород пристроят. Нас, городских белоручек аграрии к себе не пускают, только испортим всё. Ну, на хлеб и воду могут посадить. В город ходить запретят, что ещё... Ступень снизят, — вспомнил он своё наказание и помрачнел. — Вот это, пожалуй, самое худшее. Заново с новичками учиться.

Получается, выгонять никто не станет. Что же тут тогда с дисциплиной? Тот придурок явно избегал нападать первым, а значит ему есть чего бояться.

— А ты чего так интересуешься? — опомнился Семён и сам заинтересовался. — Планируешь что-то?

Ну ты ещё попроси с собой на дело взять, защитник.

— Неа. Так, на будущее. И что же, за драки тут тоже не наказывают?

Парень так резко переменялся в лице, что я подумал — всё, провал. Он заозирался, пристально посмотрел на ближайший куст и выдал:

— Так ты хочешь в подпольных боях поучаствовать?

Тьфу ты, ну нельзя же так нервничать. Чуть опять ему на автомате не врезал. Со мной определенно что-то не так, агрессия через край хлещет, а кулаки так и чешутся. Гормоны или та самая искра так действуют?

— Нет, одну наглуую рожу начистить хочу. Ну, может и не одну, — кровожадно ответил я.

— Это дело! — оживился Семён. — Но при свидетелях нельзя. Если кто сдаст, то год будешь на посуде, картошке и огороде. Так ты братом только к старости станешь. В общем, застукают — беда.

То есть нельзя, но если осторожно — можно. Абсолютного доверия у меня его слова не вызывали. С такими благородными змеиными логовами, станет подставить «простого деревенского парня».

Я кивнул и задумался о новом плане. Семён опять ушел в созерцание города. Так мы и сидели какое-то время. Подумать нормально не удалось, навалилась усталость и я понял, что не спал уже сутки, а то и больше.

Кажется, меня сморило и я отрубился ненадолго. Потому что открыв глаза, я увидел начинающее светлеть небо и пустоту рядом. Защитник свалил по-английски, не прощаясь. А может заботливо будить не стал.

Возвращался обратно я с опаской. Кто их знает, этих деток. Вдруг меня уже братья с розгами поджидают. Но в парке было тихо. От ночной прохлады и росы я продрог и до входа в обитель даже припустил бегом, чтобы согреться.

— Нарушшшшаете, адепт! — радостно прошипело у меня за спиной, только я тихо прикрыл за собой дверь.

Брат, монах, жрец, как их тут называют, сиял вместо солнца, пока ещё не успевшего взойти. Лет пятидесяти, но с короткими черными волосами, стоящими дыбом на голове. Волосы хоть и не тронула седина, но росли они редко. Из-за этого и светильника за его спиной, череп просвечивал, бликуя.

Одет он был в рясу, таких в обители я видел немного. Разобраться с формой одежды было ещё один пунктом. На груди у него был новый знак. Всё те же треугольники, но на круглом щите. И под линиями находился широко распахнутый глаз. Местный смотрящий?

Настроение у меня было идиотское, так и тянуло поржать. Видимо, сказывался недосып и откат адреналина. Но взгляд у мужчины был реально, как у надсмотрщика. Это и гадкая улыбка. Вот сейчас, похоже, я и получу первый наряд на кухню.

— Так точно! — доложил я и сделал максимально туповатое выражение. — Нарушаю, брат. А что нарушаю?

Ввести смотрящего в ступор у меня получилось. Он застыл на пару ударов сердца, затем нахмурился и уставился на меня, не моргая. Наконец ожил, моргнув, и проворчал:

— Совсем обнаглели. Кодекс обители нарушаешь. На первый раз наказание будет мягкое, — гаденько улыбнулся он, обнажая золотой передний зуб. — До завтрака два часа, и всё это время будешь заучивать кодекс ордена. Иди.

Сдержанность радость мне не удалось. За что я был удостоен удивления, затем монах посмотрел на меня, как на полного дебила и нетерпеливо махнул рукой. Исполнять наказание я побежал чуть ли не вприпрыжку.

Но порыв пришлось остановить.

— А куда? — я так резко затормозил, что дерево под подошвами протяжно скрипнуло.

Даже мне стрельнуло в зубы, а надзиратель весь скривился и провел языком по золотой коронке, цокнув. В этот раз на его лице было подозрение. Он долго решал, не издеваюсь ли я, но изображать придурка меня ещё в армии научили. А против такой закалки никакая магия не сдюжит.

Не смог и он. Мужчина обреченно вздохнул, поправил рясу и зашлепал по коридору, сделав знак идти следом. Привел он меня в один из общих залов, который мы вчера проходили. Я принял его то ли за читальный, то ли за лекционный, то ли молельный.

Рядами стояли скамейки, а у дальней стены в углу возвышался постамент. На нём святыня и лежала. Потрепанная временем и тысячью пальцами адептов, простая и тонкая книжка. Кодекс.

— Вот! — для надежности ткнул он в неё.

И лишь убедившись, что я точно увидел предмет наказания, гордо вскинул подбородок и царственно выплыл из помещения. А я начал поглощать первую официальную документацию мира.

Через десять минут я уснул, выронил книгу и отбил ею палец на ноге. Ещё и носом клонул так, что врезался в спинку скамьи передо мной. Читиво было очень увлекательным.

Как и любой устав, кодекс состоял из невероятного количества воды и повторений. Ещё и божественной воды и повторений. Обманчиво скромный размер скрывал мелкий шрифт.

Но удар по лбу внушил мне должный трепет и мне удалось прочитать всё нужное между строк.

Половину я не понял из-за неизвестных мне определений. Для каждого «спецподразделения» тут был свой раздел. Хранители, оракулы, защитники, инквизиторы и экзорцисты. Из замороженного языка кодекса понятно было лишь то, что названия эти возникли логично. Но стоят за ними не самые очевидные вещи.

Например, инквизиторам было нельзя использовать свои способности, не будучи «призванным». То есть не на задании, как я понял. В общем, просто так в голову лезть нельзя. Радовало, но не гарантировало, что превышения полномочий не будет.

Кроме первых двух страниц, где писалось о том, что все мы братья и должны любить ближнего, в остальном шли запреты. Сначала общие, для всех обителей. Затем для адептов, потом для служителей, а уже в конце для подразделений.

Шляться ночами за пределами здания было запрещено. Внутри — можно, авторы подумали о тех, кто ночами любит заседать в отдельных помещениях, раздумывая о космосе. Вроде как и с оговоркой «мыслей о делах всеблагих и благодарности им» можно и по парку прохаживаться. Я запомнил, на всякий случай.

Ну да по поводу этого запрета уже ясно. Там целая дорога протоптана от обители. И дверь незапертая.

Как нельзя сквернословить, я тоже наслушался. Особых отметок по поводу брата Глеба

я там не нашел, так что и с этим пунктом ясно. Не думаю, что стоит настоятеля называть колобком вслух. Но можно не изливаться сложной речью.

Увечьям, нанесению вреда различной степени тяжести и «несчастливым» случаям выделялась всего одна страница. Написано было очень пространно. Вроде как и нельзя, но дети богов порой могли не справиться со своей силушкой.

Мол, вся магия от богов, пришибло кого ненароком, на то их воля. Но наглеть нельзя. Потому что при подозрении злого умысла прямая тебе дорога к инквизиторам. А им не соврешь. Живые детекторы лжи вычисляют на раз и наказание...

На усмотрение настоятеля. Если решение настоятеля не устроило, можно обратиться к великому магистру, а после — к самому императору, как главе церкви.

Перечитывал, отчаянно борясь со сном, я несколько раз. Выучить наизусть и закрепить в голове, гудящей от недосыпа, было нереально. Ну теперь я хоть знал, где мне найти кодекс.

Когда прозвучал утренний колокол, я опять задремал, но добычу в этот раз держал крепко.

Сигнал к подъему и началу завтрака поднял на ноги. Есть хотелось уже ощутимо, но больше всего хотелось переодеться. Две ночи валяния по земле и день на солнцепеке превратили и без того хлипкую одежду в нечто непотребное.

Согласен рискнуть шкурой и пройти ритуал пробуждения только для того, чтобы мне выдали чистую форму.

С Карлом я столкнулся на входе в душевые. Он обрадованно сказал, что подождет меня, чтобы вместе пойти на завтрак. Мне хотелось встать под струи воды прямо как есть, но я побоялся, что одежда растворится от воды и придется голым пробуждаться.

Так что я просто освежился и почистил, как мог, рубашку со штанами. И постарался их не нюхать. Ничего, недолго осталось. Будут мне и сорочки на заказ и нормальные трусы с носками. Последних, кстати, у меня вообще не оказалось.

Из какой дыры притащил меня сюда брат Еврипий и почему, оставалось тайной.

— Сегодня будет великий день! — озвучил свои надежды Карл, пока мы шли в столовую. — Вот бы нас в одну команду поставили, да? Ой, извини. Но было бы хорошо...

Против него в команде я не возражал. Обучению поддается, а с такими размерами и прокачкой может стать весомым аргументом. Если уж тот мелкий таким шустрым оказался. А ведь он сознался, что слабый.

Пожалуй, если сложится, то будет у него позывной Аргумент. Привычка давать клички настолько укоренилась у меня на подкорке, что я делал это на автомате. Хотя половине присутствующих в столовой, можно было дать одну. Понторез.

Понторез дрищавый, понторез прыщавый, понторез тощий, понторез оглобля... Я мысленно отрывался, пока шел за Карлом к дальнему столу. Ловил презрительные взгляды и напрягал извилины, подыскивая подходящий эпитет. О, вот этот бочковый понторез.

Ладно, девушка ничего такая. К прекрасному полу претензий вообще не будет. Особенно обладательнице таких красивых синих глаз. Или вот тех белоснежных кудрей.

Редкие носительницы прелестей сбили меня с воинственного настроения, так что уселся завтракать я спокойным. Мы с Карлом успели набить животы.

Завтрак нам подали с туманных берегов Альбиона, в лучших британских традициях. Хорошо прожаренная яичница, хрустящие ломтики бекона, кусочки колбасы, жирные и сочные колбаски, томаты с грибами и драники. Это у них там мудрено — хашбрауны, для меня они всегда будут драниками. От такого праздника вкуса я заурчал в такт живота. Вот

это я понимаю отличное начало дня здорового мужика.

Бутерброд в виде щедрого ломтя свежего хлеба и ветчины, толщиной с палец, я оставил к чаю.

Тут то перед нами и предстал Ростовский. Вид он имел всё ещё бледный, но решительный. О чём с ходу и заявил:

— Вот вам и конец, деревещины.

Я перевёл взгляд с бутерброда на княжича, потом обратно. Вздохнул, тихонько рыкнул и резко поднялся.

— Руку сломаю, — сообщил я ему хмуро. — Тебе — сразу правую.

Глава 8

Будущий великий инквизитор растерялся настолько, что стал похож на нормального парня. С лица смыло высокомерную гримасу, глаза наполнились обидой. Вот-вот заплачет.

— Ч-ч-чего? — от неожиданности он начал заикаться и попробовал собраться: — В смысле, ты чего, мне угрожаешь?

Как бы грозно он не старался это сказать, голос не послушался и вопрос он пропищал. Так, человеческое в нём ещё не атрофировалось, но заниматься его воспитанием...

По идее, мы тут все будущие коллеги. И встречаться придется не только во время учебы, но и после. Врезать бы ему хорошенько, да потом это дело отметить. Там бы, гляди, и нашли общий язык. Но такого варианта развития событий я не видел.

Впрочем, и ломать я ему ничего не собирался. Не в столовой, полной свидетелей, пусть их сейчас не так много.

— Нет, предупреждаю, — я навис над столом и набычился ещё больше, — Будешь нас доставать, сломаю руку. Правую.

Карл застыл со своим бутербродом у распахнутого рта и смотрел на меня со смесью восхищения и священного ужаса.

Ростовский всё никак не мог поверить в то, что он слышит. Его свита, как и остальные, молчали, ожидая развязки. В противоположном углу кто-то сдавленно хрюкнул.

— Да ты... Да я... — княжич отчаянно пытался сообразить, но выходило не очень.

Серьезно, никто раньше отпор не давал? Это же насколько нужно дитя это благородное в попку всю жизнь целовать, чтобы он вот так потерялся? От удивления я окончательно передумал ломать ему кости прямо сейчас.

Но роль нужно отыграть до конца. Наряд на картошку меня лично не пугает. Выгонять отсюда, судя по кодексу, не станут. В случае чего, я ответил на оскорбление. Про дуэли в книжке ничего не было, но вот защита чести упоминалась.

Я понимал, что этого придурка, из-за его статуса, накажут не так строго. По-крайней мере формально. А вот с меня шкуру спустят.

Но с другой стороны, если ничего не сделать, такие как он в очередь выстроятся. Лучше сломать одну руку, чем потом ломать десять. Точнее, показать, что готов.

В общем, я решил что репутация отморозка без тормозов будет лучшей гарантией. С такими предпочитают не связываться, а искать жертвы по-сговорчивее.

— Ну? — напирал я, не давая ему опомниться.

— Что?

— Ломать руку?

— Нет, — парень окончательно потерял связь с реальностью, помотал головой и

спросил с опаской: — Ты чего, этот?

— Этот, — угрюмо кивнул я.

Наш разговор лишился смысла, но Ростовский не уходил. Видимо, ещё и последствия ритуала сказались. Всё таки выглядел он так себе. Пока мы шли к своему столу, я слышал разговоры о том, что большая часть пробужденных осталась в лазарете.

В моём плане было одно слабое место. Если перегнуть палку и довести дело до драки, то княжич, вероятно, меня одолеет. Если я правильно понял разницу в силе и защите между пробужденными и нет.

Сегодня ночью мне наглядно показали на что способны даже недоучки.

А значит, нельзя давать ему прийти в себя достаточно для того, чтобы вспомнить свой характер и новые способности.

— Иди сюда, — поманил я его пальцем и наклонился над столом.

Он заворожено послушался и тоже склонился, подставляя ухо для приватной беседы. Вот сейчас бы врезать... А, чтоб тебя.

— Смотри, — доверительно прошептал я. — Мне вот что будет? Ну, козу доить отправят. Или на кухню. Тоже мне беда, я деревенский, привык. А тебе? Деревенщина руку сломает, позор то какой.

Ростовский реально задумался и неуверенно возразил:

— Так исцелят же...

— Но больно то будет, да ещё как, — убедительно парировал я, не снижая напора. — А я ещё раз сломаю, и ещё. И ведь каждый раз больно будет. И позор каждый раз. Оно тебе надо?

— Нет, — в этот раз парень был уверен.

— Ну вот, видишь. А мне всё равно. И что получается?

— Что?

— Что оно тебе не надо, — закрепил я информацию в благородной башке, пока он не очнулся.

Оспорить такой абсолютно логичный вывод он не смог, кивнул и крепко задумался. И, пока это аристократическое чудо не сообразило, в чём подвох, нужно было валить.

Я сделал знак Карлу, подхватил свой поднос и мысленно попрощался с бутербродом. Мы оставили княжича стоять в раздумьях у стола и быстро избавились от грязной посуды. То, что благородный придет в себя и разозлится ещё больше, я знал.

К этому моменту мне тоже нужно пробудиться. Надеюсь, его ума хватит подстеречь меня где-нибудь без лишних глаз. Всё же второй раз прилюдно не получилось. Дай боги ему соображалки в третий раз подстраховаться и сменить обстановку.

— Ну ты... Как? — размахивал руками детина, пока мы шли на площадь. — Он же... Это...

Я хотел побродить по обители в поисках библиотеки, но теперь нужно было скрываться на виду у как можно большего количества людей. Дождаться очереди, а уж потом мы будем на равных. Точнее, я опять буду в состоянии уложить противника.

Я остановился, осмотрел Карла в головы до ног и попросил:

— Ну-ка, врежь мне.

— Не хочу я с тобой драться, — тот испуганно попятился.

— А я не прошу драться. Врежь просто.

— Зачем? — Карл озирался, решая куда от меня сбежать.

Мы как раз вышли в парк и огибали храм сбоку. На дорожке никого не было, самое лучшее место для того, чтобы проверить. Я никогда не недооценивал врага, но сейчас определить кто и на что способен стало сложно. Система сломалась, оставалось выяснять опытным путем. Если дело в силе искры, а не просто в пробуждении, ситуация усложнится ещё больше.

Уговаривать амбала пришлось долго. Мне уже всё это начало напоминать сцены у бара, где один подвыпивший требует от второго померяться, у кого больше. Обычно победившего в травмпункте выбирали дежурные врачи.

В итоге Карл неохотно согласился, размахнулся и врезал мне в плечо. Я видел, что он сдерживается, поэтому даже не отбивался, просто принял удар. Уже то, что меня не отбросило на землю, подтверждало мою теорию.

Я потребовал повторить и на этот раз нормально. Второй удар я уже ощутил. Внутри ухнуло, по коже пробежались иглами, но боль была терпимой. Меня даже пошатнуло назад.

От третьего я ушел и подсечкой уложил здоровяка отдохнуть. Карл от сильного пинка в кость слегка орнул и обиделся. Пришлось извиняться и заканчивать эксперименты.

В плече гудело, мой спарринг-партнер прихрамывал, а я убедился. Дело либо в пробуждении, либо в дальнейших тренировках. Здоровяк искренне старался защищаться, я его об этом попросил. Но никакой сверхскорости и других сверх не заметил. Не считая техники, мы были на равных.

Выловить одного из свежее-пробужденных не вариант. Во-первых, пока очередь до простых ребят не дошла. Бить белоручек, пусть и заносчивых, не лучший способ выделиться перед будущим начальством. А во-вторых... Надо что-то делать с растущей агрессией.

Есть два верных способа выплеснуть лишние гормоны. Подраться и потрахаться. Лучше и то, и другое. Но с разными людьми. Я обвел взглядом обитель, храм и монахов, стоящих на ступенях. Нда, что-то мне подсказывает, что тут так стресс не снимешь.

— Ты странный, — бурчал мне в спину всё ещё немного обиженный Карл.

— Жизнь такая, — себе под нос ответил я, выскивая выгодное место.

Поближе к скамейкам, но в тени деревьев. День снова задался, солнце грело и обещало задать жару. У самого горизонта белели облака, но воздух застыл и шанс, что их пригонит ветерком, невелик.

Я выбрал самое лучшее место, с густой травой и толстым стволом. Так, чтобы поблизости не было кустов и прочих укрытий. И откуда открывался отличный вид на храм и площадь. Мы заняли свой наблюдательный пункт, адепты постепенно подтягивались и вскоре позвали первого.

Процесс, как мне показалось, пошел бодрее. Выносили адептов реже. Дело шло к более простым благородным и статистика улучшилась. Из подслушанных разговоров я узнал, что и ночью проводили ритуал, после недолгого отдыха.

Действие происходило под надзором магистра ордена. Но вот что там творилось, не знал никто. Шептались об этом особо любопытно. Оказалось, что сам ритуал никто не помнит.

— Это великое таинство, — важно прокомментировал Карл, пожимая плечами.

А похоже на промывание мозгов. Если тут есть ментальная магия, возможно ею и затирают память. Что же там могут делать такого, о чем нельзя помнить? Стерегут главную церковную тайну — как пробудить магию?

Переживал и подозревал самое ужасное я недолго. Ну а толку, если от этого

предложения нельзя отказаться. Все были спокойны, несмотря на трупы и частичную потерю памяти. Быть отмудоханным первым встречным дрищем мне хотелось ещё меньше, чем всё равно пойманым и с клеймом труса.

К полудню меня сморило окончательно. Воздух нагрелся так, что далекие небоскрёбы расплавились и исказились. Ни разминка, ни щипание себя за руки, не помогли от недосыпа.

Все будущие служители проплывали в полусне. Я подсознательно считал, слушая выкрики братьев. Выходило, что больше всего пробуждалось защитников. Только двое должны были стать оракулами, а остальные поровну делились на инквизиторов, экзорцистов и искателей.

Очнулся я от тычка в бок. Карл с горящими глазами шастал туда-сюда. Его очередь была следующим. Затем ещё двое и моя. Я подскочил, заразившись его ажиотажем. И сам ощутил давно забытое чувство. Предвкушение. Вот-вот всё решится. Впереди полная неизвестность, но ждать осталось немного.

Мы принялись вдвоем расхаживать, бросая взгляды на храм. И, когда наступил черед Карла, переживал за него я уже нешуточно. Массивные двери медленно закрылись и святилище поглотило добряка.

Минуты тянулись невыносимо долго. Я перестал обращать внимание на пекло, назойливых насекомых и пыльцу, забивающуюся в нос. Мне чертовски хотелось, чтобы Карл выжил. Получил свой топор и ринулся крушить им демонов.

На площади осталось уже совсем немного человек. После меня всего дюжина, ну а высший свет на наши достижения смотреть не остался.

Когда двери начали открываться, я вздрогнул и невольно пошел туда. Здоровяка несли. Для того, чтобы перетащить такой вес, пришлось участвовать четверым братьям. Я забыл дышать и не вспомнил даже тогда, когда увидел, что на носилках он неукрытый. И шевелится, чтоб его!

— Защитник! — с натугой выкрикнул один из братьев и добавил тихо: — Здоровенный.

Отпустило меня так резко, что чуть не сел прямо на гладкую брусчатку. Сбылась мечта одного добродушного парня, может и мне повезёт. Карла унесли, а я расслабился окончательно.

Оба адепта передо мной тоже вышли защитниками. Справились быстро и сами смогли передвигать ногами. Хотя мне показалось, что братья просто отдыхали после транспортировки богатыря.

Когда я услышал своё имя, внутри опять всё сжалось. Вот сейчас, оно. Путь до дверей, до этого казавшийся далеким, стал ещё дальше. Казалось, к темному провалу я шел вечность.

Внутри меня окутала прохлада и неразборчивые тени. После яркого дневного света в глазах плавали пятна и разглядеть убранство я не мог. Кто-то мягко подтолкнул меня в спину, направляя.

Двери закрылись и слышен был только треск живого огня. Через несколько секунд темнота начала обретать очертания, а я пошёл на подсвеченный огнем проем. Высокий узкий портал вёл в просторный зал.

Пол и стены были облицованы крупным светлым мрамором с розовыми прожилками, потолок расписан какими-то эпичными сценами, а по кругу высились изящные статуи. Женские и мужские, кого они изображали, я не знал. Если богов всего трое, то это кто?

Статуи самих богов находились у дальней стены. Сразу за алтарем, у которого стояли двое. Древний старик с доброй усталой улыбкой и второй, немногим моложе, но бодрее на

вид. И их одеяния были белыми. Рубахи в пол, поверх длинные накидки, вышитые символами.

Помимо вложенных треугольников были там и другие. Узор словно убегал от меня, не давая рассмотреть или запомнить. Я даже встряхнул головой и прищурился, но символы никак не поддавались. Чертовщина. То есть магия.

Смотришь в жидкую бородку магистра и вроде узор на месте. Чуть опускаешь глаза и он расплывается, словно теряется фокус.

Так я и подходил к ним, таращась на одежду.

— Да хранят тебя всеблагие, адепт, — проскрипел старик, всё также улыбаясь.

— И вас... — я пытался поймать узор и еле оторвался от него, вспомнив: — Да хранят всеблагие.

Факелы, стоящие около них, затрепыхались. Здоровые, напольные, именно они и были источником живого света. Полумрак и прохлада добавляли таинственности. С каждым шагом я ощущал, как всё больше успокаиваюсь.

Ну что может пойти не так?

Старичок жестом указал мне встать перед алтарем. Тот был из того же светлого камня, украшенный только завитушками по бокам. Они, к счастью, не шевелились и не убегали от взора.

На поверхности стоял кубок. Простой, без изысков, из сверкающего металла. Темнее серебра и с разводами, играющими при свете огня. Он переливался ими, как хамелеон, меняя оттенки.

Кубок был наполнен чем-то темным, почти до краев. Я принялся, но алкоголем не пахло. Едва уловимый аромат чего-то сладкого и орехового. Эх, не отведать мне местного Кагора.

— Испей, адепт, и прими волю всеблагих, — магистр кивнул на напиток и терпеливо застыл, ожидая.

Второй так и вовсе уставился в пустоту, явно скучая. Мне стало немного обидно за такое равнодушие к торжественности момента. А речь долгую толкнуть? Объяснить новообращенному, что сейчас будет?

Хотя зачем, если я всё забуду... Я взял кубок двумя руками и он оказался ледяным. Настолько, что я чуть не отпустил его, точно испортив момент. Металл буквально прожигал ладони, поторапливая меня.

Выдохнув для храбрости, я поднес пойло ко рту и сделал маленький глоток. Залпом мне пить не говорили, других инструкций тоже не было, так что я осторожничал. Судя по неизменившемуся лицу старика, так можно.

Вкус был очень странным. Терпкий и густой, напиток казался чуть теплым, одновременно и сладким, и кислым, и даже острым с привкусом металла. Не сказать, что неприятный, просто непонятный.

Магистр смотрел на меня и улыбался, я пил, огонь трещал. Небольшой по объему, но какой-то бездонный. Меня накрыло сразу после последней капли.

Бросило в жар, помутнело и поплыло перед глазами. Лицо старика пошло рябью и я пошатнулся. Второй в одно движение очутился рядом и придержал меня за локоть.

Кровь закипала внутри, да что там, все внутренности полыхали, лицо горело, а волосы реально зашевелились на голове. В горле моментально пересохло и запершило.

Волна жара пронеслась по телу и внезапно сменилась морозом. Меня затрясло от

лютого холода, пальцы онемели, а мурашки носились безумными табунами.

Хотелось материться, но губы слиплись, а адресат моего возмущения погрузился в темноту. Зрение отключилось, ещё и уши заложило.

Ёбушки-воробушки, да что это за монастырь такой? Мне словно отрывали душу от тела, сознание так и стремилось улететь, но я боролся до последнего. Ничего не слышал и не видел, только чувствовал, как ноги перестали слушаться и я оседаю на пол.

Крепкие руки держали меня за плечи, не дав рухнуть со всей дури. Меня бережно уложили на пол и немного полегчало. Вернулся звук, сначала шипение огня, а затем и тихие голоса.

— Совет опять будет ворчать, — печально говорил старик. — В этом году ещё больше ушедших к Вечной. А мы цепляемся за древние обычаи. Если бы великий магистр дал разрешение на проект...

— Живой, приходит в себя, — перебил его второй.

— Всеблагие, ну за что нам опять слабокровный? Ну вот куда его? Где там недобор?

— В защитниках всегда есть свободные места, — усмехнулся собеседник.

— Ну значит на то воля богов, может этот путь ему удастся пройти. Хотя кого я тут обманываю. Давай уж.

Пока они меня распределяли, как штрафника, вернулось и зрение. Магистра не было видно, он остался на своем месте и его скрывал алтарь, рядом с которым я и развалился. Тело ломило, мышцы свело, а суставы ныли, как у артритника перед грозой. Ещё и сердце колотилось так, что в ушах стучало.

Второй присел рядом, подхватил и подтащил к алтарю, усадив к нему спиной. Поднялся и в его протянутой руке оказался кубок, на этот раз от него пахло чем-то цитрусовым.

— Пей, пробужденный, — почти ласково сказал он.

Второго прихода мне не хотелось, но жажда напала такая, что было наплевать. Тем более он назвал меня пробужденным. Значит, уже не сдохну. А даже если и да, то лучше не от жажды.

Руки тряслись, но пара вздохов и дрожь удалось унять. Да и сердце чуть успокоилось. Того и гляди, смогу выйти на ногах. Я вцепился в кубок и поднес его к губам, собираясь выпить залпом.

И чуть не выронил. На поверхности очередной порции нектара богов отразились мои глаза. В них не скакали блики огней, они были заполнены самым настоящим пламенем. И зрачки, и белки. Полностью.

Глава 9

Служитель, подавший мне кубок, смотрел на меня участливо. И кивал. Мол, нормально всё, пей давай. Его мои залитые огнем глаза совершенно не смущали.

Либо меня обманули сразу по прибытию, либо этот чертов ритуал я уже прошёл. На лесной полянке, втихаря ото всех. Во второй версии был один вопрос. Почему тогда не хватило сил справиться с защитником?

Или тут черед принятия этих витаминных коктейлей. А второй заход сделает из меня берсерка. Вопросов становилось всё больше, а в кивках мужика появлялось нетерпение.

Я снова шумно выдохнул, зажмурился, прижался спиной покрепче к алтарю и выпил. Вкуса я не почувствовал, горло просто обожгло. В этот раз температурных каруселей не было. Только адская боль.

Меня выгнуло, стукнуло затылком о камень и каждую клетку пронзили иглы. Накатила тошнота, но всё свело так, что избавиться от завтрака и испортить красивый пол не удалось. Эта агония длилась уже дольше.

Когда начало отпускать, я завалился на бок, сползая вниз. Щека уткнулась в холодный мрамор и я уставился на сандалии, торчащие из под белого подола. Ну не суки ли... Похоже, память стирают для того, чтобы забыть как мучительно становится магом.

Как только дыхание пришло в норму и перед глазами прояснилось, меня подняли на ноги. Стойка у меня вышла как у одинокого деревца в поле среди урагана. Штормило и мутило.

— Смотри внимательно, — магистр подошел и встал передо мной, показав раскрытые ладони.

Сознание начало подкидывать идиотские мысли. Сейчас мне фокусы будут показывать. Ловкость рук и никакой магии, нда. Но старик серьезно ждал, пока я сфокусируюсь на его руках.

Он сложил вместе большие пальцы, к ним под прямым углом указательные, после чего сомкнул ладони.

— Повтори, — потребовал он.

Я мог сложить лишь одну фигуру, но посчитал её неуместной. Что ещё за гимнастика для рук? Пальцы отказывались слушаться, так же как и всё тело. Голова гудела и сообразить, что от меня хотят эти люди, получалось плохо.

Магистр повторил, медленнее. Так мы под мерный треск огня и изображали журавлей, орлов и прочую хрень. Я уже перестал чувствовать руки, так их свело. Терпение потерял второй:

— Да давайте ему пальцы сломаем, чтобы уже сложил.

Предложение придало мне бодрости и ловкости. Сопротивляться в таком состоянии я мог разве что тошноте. А магистр, хоть и выглядел безобидно, явно обладал силой поболее, чем у всех адептов, вместе взятых.

Когда я сложил требуемую композицию из пальцев и удержал её, последовало следующее скрипучее указание:

— Теперь произнеси «аэр-ди арэм».

И поспешно шагнул назад. Меня это немного напрягло, но я попытался:

— Ардирам!

Мало того, что выкрикнул это, как ругательство, так и исковеркал. А в голову так и вовсе заползла богохульная идея, что это заклинание призыва диареи. Ещё и руки задрожали, силясь держать скрюченные пальцы. Магистр не отступал, вбивая в меня фразу. К моменту, когда удалось произнести правильно, поломалась сложенная фигура.

Но когда получилось сделать всё вместе, ругательства я не сдержал.

— Какого хрена? — искренне подытожил я, громко роняя из рук косу.

Руки вдруг засветились и она появилась из воздуха прямо в них, раздвигая сомкнутые ладони. На изогнутом жилистом древке изгибалось огромное темное лезвие. На сельский инструмент эта машина походила мало. Но однозначно ничем иным, как косой, быть не могла.

Магистр на мгновение потерял самообладание и добродушность. И посмотрел на меня так, словно я над ним издеваюсь. Я был сам в шоке, поэтому ответил таким же взглядом. Но старик быстро взял себя в руки, немного грустно заявив:

— И простейшую печать сложить сложно, и оружие получил вот... это. Нет, ну за что, всеблагие?

Второй задумчиво почесал в затылке, рассматривая лежащее на полу оружие:

— И кто его тренировать будет?

Их вопросы остались без ответа. У меня тоже много было, что сказать, но нематерного из этого только предлоги и союзы. То есть вот это моё оружие? И поменять его, похоже, варианта нет. Лягь, я теперь косарь? Представляю удивленные морды местной нечисти, когда с этим вот на них пойду...

Думать о том, что скажут будущие братья, увидев это, мне совсем не хотелось.

Потому что даже эти двое, с отличной выдержкой, позволили себе короткое проявление брезгливости. Магистр так вообще чуть ногой её не отпихнул, но вовремя опомнился.

— Убирай, — кивнул он на косу и поморщился.

— Куда? — оглядывал я эту дурищу, гадая, как теперь с ней ходить.

— Ох, — вздохнул старичок, криво улыбнулся и объяснил: — Отзывай орудие разумом, дитя. Оно теперь часть твоей сущности и подчиняется только твоей воле.

Персональная коса на ментальном управлении, отлично день прошел. Я смотрел на своё «орудие» и мысленно приказывал ему убраться нахрен. Потом просто исчезнуть с глаз долой. Потом умолял испариться.

— Позже, когда привяжешь и имя дашь, будет проще, — обнадежил магистр, придя в чувства и наблюдая за моими тщетными потугами.

Наконец я додумался расслабиться и перестать злиться. Обоюдоострое лезвие в полметра длиной выглядело грозно. Таким наловчиться управляться — головы только так отлетать будут.

И именно в тот момент, когда я смирился и нашел плюсы, оружие меня послушалось. Хлоп, и нет его. Ладно, без звукового сопровождения. Коса просто исчезла, на долю секунды засияв.

Мне захотелось повторить, но второй монах уже опять протягивал мне полный кубок. Нервная система дала небольшой сбой и я шарахнулся от него. Ну их к чертям с этими кубками. Ещё одного прихода я не переживу.

Что теперь? Гигантская черепаха вместо боевого коня? Мадагаскарский таракан в качестве фамильяра? Бронированная рубашка из крапивы? Ожидать от этого места можно было что угодно.

— Что это? — прищурился я на монаха и сделал ещё один шаг назад.

— Пей, — ласково уговаривал он, подступая. — От этого легче станет.

Пусть я и понимал, что пожелай они, скрутили бы и влили насильно. Но вот так сдаться не мог. Пока не услышу веского довода, больше ни глотка в этом заведении.

— Без этого точно умрешь, — озвучил он причину. — Скоро тело начнет меняться, перестраиваться. Это поможет выдержать следующий этап.

Следующий? Да сколько же их тут! Веры у меня в его слова не было. Но и выбора тоже. Наверняка там и для памяти что-нибудь подсыпали. Не то, чтобы я не хотел забыть произошедшее, но ещё раз охренеть, увидев косу, тоже.

В мозгу проносились разнообразные варианты. В основном силовые и не самые культурные. Но и вежливый я попробовал:

— Может не надо?

— Адепт, — укоризненно покачал головой магистр. — Не задерживай остальных. Надо.

Вышей, и на этом всё.

Очередь задерживаю, понятно. Я решился, выхватил кубок и опрокинул его одним махом. И уперся в алтарь, готовясь к мучениям. Теперь резью скрутило живот. Там забурлило, из глаз брызнули слёзы и навалилась усталость.

Позади послышались шаги и я почувствовал как меня берут под руки. А вот и братья, которые выводят наружу. Пока крутило внутренности, в башке свистел ветер и навалилась какая-то странная эйфория.

Я упрямо отмахнулся от помощи, пошатнулся, но на выход пошел сам. На площади осталось совсем немного людей, но все глядели с любопытством. Ничего, скоро сами напьетесь хрен знает чего там.

— Защитник! — озвучил мой приговор один из сопровождающих меня братьев.

Отвели меня в госпиталь. И судя по его размаху, мест требовалось немало. Самочувствие мое стремительно ухудшалось, поэтому увидеть ничего толком не удалось. Длинный коридор, множество дверей, стерильный воздух и тишина.

Братья проводили до смотровой, где меня поджидал замученный эскулап. Тощий и высоченный, мужик был похож на цаплю. Тонкая вытянутая шея, острый нос, серые глаза навывкате.

Тусклые светлые волосы почти сливались с бледной кожей и белым халатом.

— И кто у нас? — устало поинтересовался он, когда за мной закрыли дверь.

— Защитник! — радостно сообщил я, падая.

Перед глазами проплыла кушетка, до которой я не успел дойти, шторка в углу, стол и высокий шкаф со стеклянными дверцами. В нём стояли какие-то склянки, которые задребезжали, когда я рухнул.

Сознание решительно отказалось дальше работать и меня унесло в темноту.

Очнулся я не в лесу, это обрадовало. Как и то, что ничего почти не болело. Немного повышенная температура, затекшие мышцы — не смертельно.

Лежал я в больничной палате, на удобной кровати и облепленный датчиками. В руке торчала капельница, пищали приборы, а рядом прохлаждались в своих койках другие адепты.

Меня переодели в просторную голубую пижаму и, судя по ощущениям, ещё и помыли. Ещё бы, снова просидеть на жаре в той робе, что стоять уже могла самостоятельно.

— Ну как ваше самочувствие, адепт? — тут же прибежала медсестра.

Румяная и пышная, эта женщина больше была похожа на повариху. Тут то я и понял, что есть хочется до невозможности. Верный признак выздоровления.

— Прекрасно! — немного приукрасил я, улыбаясь ей в ответ.

— Так ли прекрасно? — не поверила опытная работница, хитро подмигнув. — Храбритесь, юноша? Впрочем, дело ваше. Не терпится уйти отсюда?

Я уверенно кивнул. Если разрешат, то с радостью. И желательно напрямиком в столовую. Хоть даже в больничной одежде.

Она подошла, потыкала в приборы рядом со мной, потрогала мой лоб и удовлетворенно хмыкнула.

— Восстановление идет в пределах нормы, регенерация повышена, в пределах нормы. Температурить ещё пару дней будет, не волнуйтесь. Но если будет беспокоить — приходите, дам эликсир. Встать можете?

Я сначала сел, прислушался к себе и осторожно встал, страхуя себя руками. Босые ноги приятно охладила плитка на полу. Мутило меня по-прежнему, да и голова кружилась, но стоять смог.

— Отлично! — обрадовалась женщина и принялась ощупывать меня уже более тщательно.

Меня заставили махать руками, ногами, нагнуться, присесть и посветили в глаза фонариком. Последнее почему-то обрадовало её больше всего. После этого она велела сесть на кровать и избавила меня от липучек и иглы в вене.

Добрая сестра, а похоже врач или целительница, как их тут называют, выдала мне резиновые шлепки и отправила восвояси, за нормальной одеждой, подсказав дорогу.

Пока я туда шел, оказалось что снова день. Солнечные лучи жарили почти сверху, значит я провалялся минимум ночь, дело к полудню. И, получив комплект темной формы рядом с полигоном, я побежал в душ.

Хотя меня отправили приказным тоном дальше. В канцелярию, оформляться. Но являться в таком виде в бюрократический рай — не лучшая идея. С них станется продержаться там пару часов.

Так что сначала душ, потом еда, а потом уже бумажки. Я выжил, нужно это отметить! Хотя бы чистым телом и горячим обедом.

Попарившись и отмывшись до красноты, я сделал то, что давно хотел. Посмотрелся в зеркало. Большое, в полный рост, оно висело на стене у ряда раковин. Я так до этого торопился, что даже не глянул, что же я имею.

Наконец-то я смог рассмотреть новую версию себя во всей красе. Краса тоже не подкачала. Эту «мышцу» на сельском труде так не накачаешь, так что слава богам и генетике. Но и в остальном зрелище не разочаровало. Кроме излишне смазливой рожи.

Черноволосый и кареглазый, скулы такие острые, порезаться можно. Не очень то на деревенского парня похож. Нда, высокомерную гримасу с таким лицом исполнять самое то. С грозной — потребуется тренировка.

Ни одной лишней жиринки, как я не гнулсЯ во все стороны. Крепкое молодое тело явно было натренировано. И не только физическим трудом, от него становишься поджарым. Тут и разнообразные нагрузки полезные были.

На радостях я бросился отжиматься. Сотня за подход мне давно не давалась так легко. Мышцы приятно горели, кровь бурлила по венам, ух. Устроить бы ещё пробежку и найти турник.

Физнагрузка раздражила аппетит и испытания пришлось свернуть. В награду за потраченные нервы и страдания мне удалось поесть от души и в одиночестве. Ростовского и компании в столовой не было, другие уже спокойнее смотрели в мою сторону.

В чистой и новенькой форме я и сам себя чувствовал лучше. Ничего особенного, брюки, рубашки и высокие ботинки, подобранные идеально по размеру. Но и такое изменение придало уверенности.

Даже девчачья компания наградила заинтересованными взглядами. Девушки зашептались, когда я проходил мимо, а белокурая нимфа так мило прикусила губу, что приятно отдалось внутри.

Но как бы не взбунтовались гормоны, зажимать «монашек» по углам рановато. Пусть в кодексе по поводу нравов ничего конкретного не было, осторожность в таком деле не помешает. Особенно в таком. Тем более что резинового изделия номер два в комплекте с

формой не выдали.

Хотя стоило мне подумать про монашек, фантазия разыгралась, а молодое тело тут же отреагировало. Захотелось найти боксерскую грушу. Ну или самого наглого аристократа.

— Выжил таки! — ухнуло сбоку и я увидел донельзя довольного Карла.

Богатырю тоже выдали форму и теперь он выглядел устрашающе. Если бы не эта благодетельная морда, даже меня бы проняло. Его одежда облегалась плотнее, видимо самый большой размер, какой был. Начнет опять сутулиться, рубашка по спине треснет.

Обрадовался я ему, как родному. Бывают такие люди, сразу вызывают теплые чувства. Так притворяться невозможно, так что версию со шпионом я отмёл. Натуральный простодушный добряк.

— Выжил. Защитник, — ответил я на его вопросительный взгляд.

И чуть не спалился, едва не спросив об оружии. Так он за свой топор переживал, что и я стал. Я помнил весь ритуал, и очень хорошо. Что пошло не так и пошло ли, неизвестно. Но никто малого того, что не бегал с разнообразными мечами и копьями, даже не говорил об этом.

Молчать меня никто не просил. А значит... Либо я окончательно дефектный. Либо наоборот, окончательно особенный. Либо тот брат Еврипий, что привез меня сюда, что-то намудрил в лесу, чтобы я помнил. Зачем только?

Да и Карл снова болтал о чём угодно, но не об оружии и ритуале. Он успел поделиться со мной многим. Я же начал привыкать к постоянной смене темы. Казалось, он видит в тенях на стене какой-то образ, напоминающий что-то и тут же говорит об этом.

Принципиально нового я не узнал. Кроме того, что завтра проведут вводные занятия, а послезавтра состоится посвящение, оно же присяга. А там, если повезет, через месяц, выйдем в город.

На такую новость я бросил тоскливый взгляд в окно. Верхушки сверкающих небоскребов виднелись над кронами деревьев. Хотя я и знал путь туда, но в его безопасности уверенности нет.

Надо заводить связи среди тех, кто уже понюхал порошу, ремня и монашек. Старших, короче говоря. А для этого нужно сообразить, чем можно их подкупить. Над этим я и задумался, когда дальняя дверь распахнулась и с грохотом ударилась об стену.

В столовую влетел брат Глеб, цепко осмотрелся, заметил нас и направился с таким воинственным видом, что ёкнуло. Я же ещё ничего не успел натворить?

Мужик подлетел к нам, явно на взводе. Не зная, чего ожидать, я сжал в руке вилку и подобрался. Но в его взгляде плясали веселые искорки, хоть и злорадные. Такое точно ничего хорошего не сулит.

С таким выражением лица командиры сообщают, что дают внеочередной отгул. Но сначала нужно выполнить задание особой важности. То есть опасности. А уже потом, если выживешь, гуляй.

— Ну что, адепты, смотрю живы и здоровы? — бодро поинтересовался он.

— Наверное, — неуверенно ответил за нас обоих Карл.

Даже тот почуял неладное, при всём своем доверии к людям. Глеб по-отечески нам улыбнулся, посмотрел на пустые тарелки и махнул рукой:

— Ну тогда за мной, дело есть.

— Какое? — не сдержал я вопроса, на который обычно не отвечают.

Брат посмотрел на вилку, которую я всё ещё крепко сжимал в руке и решил прояснить:

— У нас с вами, пробудки, особо важное задание. В город поедем.

Даже не смотря на острое желание выбраться, всего пять минут назад бывшее самым сильным, я не обрадовался. По всем признакам, тону, жестам, взгляду, выходило что ждет нас не экскурсия. А то самое дело, за которое очень хвалят. Посмертно.

Глава 10

Мужик явно торопился, поглядывая на наручные часы. И мы снова быстро отнесли грязную посуду и догнали его в коридоре. Обитель стала оживленнее, встречные братья и адепты здоровались кивками и к моменту, когда мы пришли, шея побаливала.

А дошли мы до того самого места, где я получал форму. Упитанный монах, восседающий за длинным столом, глянул с таким осуждением, что просить ещё что-нибудь у него расхотелось.

За нас это сделал защитник:

— Два выходных комплекта. И шевроны дай на время, простые.

Каптер, он же завхоз, в ответ изобразил профессиональное возмущение, часто замотал головой и возразил:

— Не положено, брат. Ни снаряжение, ни знаки отличия непосвященным не выдам.

Глеб оперся на стол, наклонился вперед и очень спокойно ответил:

— У нас с тобой, Володя, есть два варианта. Первый — я вдруг вспоминаю все несоответствия в отчетах. Второй — зову сюда настоятеля и предлагаю ему объяснить, зачем мне наряжать этих славных ребят. По его заданию, между прочем.

Доводы были достаточно веские, чтобы завхоз побледнел и выдал слабую улыбку:

— Ну что же сразу не сказал, что по заданию настоятеля. Сейчас всё будет! В лучшем виде.

— В лучшем не надо. И ты меня знаешь, стал бы я просто так такое просить.

Лоснящийся услужливой рожой Володя насчет последнего явно сомневался, но спорить не стал. Скрылся за рядами шкафов, зашуршал там и вскоре вернулся с сетчатой корзиной, где и лежали наши «выходные» комплекты.

Но отдал он их только после строгого требования, предъявленного Глебу:

— Под твою ответственность и роспись.

Мужик кивнул, опять посмотрел на часы и нетерпеливо поморщился. Хотел я спросить, куда мы опаздываем, но тут увидел его. Старый добрый Глок-17. Глазам своим не поверил и бережно взял оружие в руки.

Никаких сомнений, легкий и надежный австриец лег в руку, как родной. Я отвернулся к стене, оттянул затвор и убедился, что патрона в стволе нет. Мгновенная проверка, выполненная на автомате, вызвала у Глеба живой интерес.

Брат перестал посматривать на часы и уставился на меня. Не знаю, что тут в глубинках происходит, но такого от меня явно не ожидали. Ничего, пусть видит, что я не жопорукий, скорее уж на пользу пойдет.

А вот кобура меня разочаровала. Не привычный композитный фаб дефенс на пояс, а плечевая из черной кожи. Потертая, на кнопках — такое носить можно исключительно для понтов. Кажется, я начал понимать, что значит «выходной».

Получив три пустых магазина, взглянул на Глеба с обидой.

— Ты чего думал, вам сразу боевые дадут? Ты, парень, я вижу, что соображаешь. Ну так сообразишь, что без подготовки тебе тут никто заряженное оружие не выдаст.

Я согласно вздохнул и мы с Карлом, который стал необычно молчалив, помогли друг другу настроить ремешки. Два магазина отправились в подсумок под правую руку, а пистолет с третьим, под левую.

Я посмотрел на притихшего здоровяка и ещё раз вздохнул. Глеб усмехнулся и прилепил нам на грудь нашивки. От той, что была на его форме, они отличались лишь тем, что вместо щита-капли был квадрат.

Нас вооружили, оставив безоружными, да ещё и вырядили напоказ. Ничего нам больше не выдали, ни крохотного фонарика, ни средств связи. Задание настоятеля мне уже не нравилось.

— Так, поторапливаемся, — подгонял Глеб. — Барон не станет нас ждать.

Он рванул на выход и мы за ним еле поспевали. Покружив коридорами, мы спустились вниз и оказались в подземном гараже. Очень большом гараже, в котором могло поместиться не меньше сотни машин.

Свет тут так же реагировал на движение, поэтому всю коллекцию авто я не увидел. Но заметил знакомые шильдики — бэхи, тойоты. И с десятков фургонов.

Было прохладно и сыро. Похоже, что отсюда есть ход куда-то в темноту. Справа так и веяло землей и чем-то очень давно прогнившим.

Наш транспорт оказался простым. Глеб прошел мимо сверкающих чистых седанов и джипов, и остановился у немолодого уазика «буханки». Необычной в ней был цвет — такой же черный, как наша форма и большинство одеяний, виденных мной. Ни надписей, ни наклеек на лобовом.

Мужик распахнул перед нами боковую дверь — внутри откидные скамейки, по-спартански. Выхать на такой за город — весь копчик отобьешь.

— Слушайте внимательно, — Глеб уселся за руль, завелся и лихо газанул с места.

Я пододвинулся поближе к кабине и ухватился за опущенную перегородку. Так хоть что-то удастся разглядеть, в салоне окон не было. Для машины транспортировки и наблюдения странный выбор, тем более что черная «буханка» бросалась в глаза. Впрочем, проходимость и легкость ремонта оправдывало её существование на все двести.

— Обычно я говорю полностью противоположное. Но для вас специально — тупить можно и нужно, — мужик выруливал через открывшиеся ворота, сразу за территорию обители.

Подъездная дорога тоже проходила через парк. Впереди мелькали машины и виднелась набережная. Но его указания отвлекли, заставив переключиться. В смысле тупить? Видимо мы с Карлом изобразили одинаково непонимающие рожи.

— Вот, именно так! — Глеб бросил на нас быстрый взгляд и рассмеялся. — Тупите, хлопайте глазами, можно задавать дурацкие вопросы из разряда «а что это?». Вам вроде такое изобразить несложно будет, а, адепты?

Богатырь справился сразу же, а я напрягся. Не так легенду объяснять нужно. Что от нас требуется вообще и куда мы едем в таком виде?

— Ты...

— Илья, — угрюмо напомнил я имя.

— Расслабься. И получай удовольствие, — хохотнул брат и, увидев что я не оценил шутки, снизошел. — Ладно, а то испортишь всё. Вам рановато, но невелика шишка... В общем, есть у вас, оборванцев, легальный способ подработки. Дворянство наше очень любит выделяться, нанимая в охрану защитников для разных выездных мероприятий.

Он закрутил головой, выворачивая на дорогу и заколотил по рулю, кому-то сигналив. Нас пропустили и машина выпрыгнула на набережную, с визгом ускорившись. Мы неслись мимо сверкающей на солнце реки, а я пытался одновременно смотреть на город и слушать.

— В общем, работа непыльная и в основном нужно только светить мордами и нашивками. Приехали, сопроводили, подождали и уехали. Всё это молча и уважительно. Но сегодня... Настоятель наш, да хранят его, брюхана, всеблагие, изволил попросить меня услугу за услугу. Оказать другую услугу, его старому поделнику, тьфу, другу. Барону Маркушкину.

Глеб повернулся к нам и машина вильнула, чуть не врезавшись в отбойник.

— Барон крайне полезный человек для обители, водит дела с ганзейцами, кланом, который ко двору разные, хм, деликатесы поставяет. Их они поставяют и нам. Короче говоря, отказать ему нельзя, но много чести приставлять кого получше. Расклад ясен?

Чует моя задница, что Глеб в этом самовольничает. Недаром так злился на настоятеля и угрожал устроить тому веселую жизнь. Барон, похоже, торгаш, но благородный и полезный. С которым вроде и дружить нужно, но и зазнаваться нельзя давать.

Только вряд ли это было идеей настоятеля показать этому Маркушкину место нашими деревенскими замашками. План я понял. Вроде и защитники, получите и распишитесь. А то, что туповатые и простоватые — ну так никто не уточнял.

— Ясен, — буркнул я.

Ясно, кого виноватыми сделают, в случае чего. Но выбора у нас, как и у Глеба, не было. Точнее, он свой выбор сделал, выполнив приказ в точности. Но по-своему. Редкая способность, позволяющая от таких приказов в конечном итоге избавиться. Главное, чтобы в другом деле себя показать самым лучшим образом.

Мне не нравилось, что нас тащат в качестве цирковых клоунов, но поступок защитника был понятен. И даже вызвал уважение. Быстро сообразил. Надеюсь, он нас прикроет в нужный момент.

Ну а если нет, то у меня есть... Пустой Глок и коса, нда. Не самый плохой расклад. Первым можно по башке огреть, вторую вызвать ещё постараться. А ведь хотел я улизнуть в лесок и потренироваться.

Через лобовое мелькали проносящиеся дома. Пока мы делали круг по площади, рассмотрел и небоскребы. Центр Питера был почти таким же, как знал его я. Невысокая застройка, классические дома-особняки, узкие боковые улицы и широкие основные проспекты.

А вот юг и север превратился в футуристические стеклянные джунгли. Северные колоссы росли очень близко к центру, уютной Петроградской стороны больше не было. От неё осталась небольшая парадная часть, пара кварталов, куда мы и устремились.

— Тупите, но не хамите, — давал последние указания Глеб, втискиваясь между припаркованных машин у трехэтажного серого дома. — Держитесь в шаге за мной, все вопросы только мне. Спросят чего лично вас — тупите. И я очень советую, — он глянул на меня, — ни на что не соглашаться. Добрый совет, уж поверьте. Должны быстро управиться, успеем к ужину вернуться. Ну а нет, свожу вас в едальню.

Мужик, до сих усмехающийся, собрался и посерьёзшел. Как бы ему не хотелось насолить настоятелю, барону и, наверняка, всем остальным аристократам, это было чревато.

Если про нас можно сказать, что дикие, то с ним подобная отговорка не сработает.

— Ооо, — Карл встал как вкопанный, едва выбрался наружу.

Он задрал голову, распахнул рот и шурился на чудо столичного градостроения. Пришлось и мне изображать Маугли, а заодно и оглядеться. Бурдж-Халифа точно не самое высокое здание в этом мире.

Эти красавцы тянули этажей на двести и подпирали небо на километр. И мне не показалось, их соединяли мосты. На разной высоте, уходящие во все стороны — словно на высотки налипла паутина.

Над ухом настойчиво зажужжало и я отвлекся, отгоняя назойливое насекомое. Притворяться обалдевшим не так и сложно, пока ещё привыкнешь к такому виду. На нас же уставился лакей.

Всё это время парень, втиснутый в облегающую фиолетовую ливрею, держал открытой дверь. Со взглядом не добрее, чем я на досаждавшую мне муху только что смотрел. Глеб же явно наслаждался производимым впечатлением.

— Его благородие, барон Жильяс Стефанович Маркушкин, ожидает вас, — нараспев пропел пацан высоким голосом.

Не очень то любил батюшка своего сына, чтобы такое имя придумать. Усмехнулся я внутренне, состроив польщенный вид. Карл кивал с распахнутым ртом. Как бы туда что не залетело...

Я поправил рубашку и кобуру, пригладил волосы и подтолкнул здоровяка. Мы зашли за Глебом и в сопровождении следующего паренька, как две капли похожего на лакея, прошли в гостиную.

Там, вальяжно облокотившись на каминную полку, нас и принял барон. Наш объект на сегодня, значит. Сшитый на заказ дорогой костюм, белая рубашка в светло-серую полоску, высокий лоб и голубые, почти прозрачные глаза. Ничего особенного, кроме так и распирающего чувства собственной важности.

Кажется его подбородок никогда не опускался, так высоко и умело он его задрал. Барону было под полтинник, но форму он не потерял. Жильяс Стефанович наградил нас беглым холодным взглядом и хмыкнул.

А вот две девушки, стоящие рядом, оживились. Явно сестры и на лицо фамильное сходство с бароном. Тот же высокий лоб и бледно-голубые глаза, но дочери напыщенного «благородия» выглядели гораздо симпатичнее.

Лет двадцати, в одинаковых легких платьях, они словно старались походить на близняшек, хоть ими и не были. Разного роста и фигуры. Да и одна была пепельной блондинкой, как отец, а вторая более темная.

— Какие милые мальчики, — прощбетала первая.

— И им так идет форма, правда, сестрица? — в тон ответила вторая и они обе подбежали к нам с Карлом.

Это было самое странное женское внимание, которое я получал в жизни. Нас трогали за бицепсы, осматривали, обходя вокруг, как... скот. Я косплеил караульного на посту, замерев и смотря в одну точку. Глеб, зараза такая, делал вид, что ничего не замечает. Как и их отец.

Но когда пепельноволосая прижалась ко мне и схватила меня за задницу, не выдержал. Я не железный, а девица была хороша. Еще немного обтираний об меня своей грудью и ходить станет неудобно.

— Это, может представимся сначала? — я мягко отвел её вторую руку, которая уже тянулась к кобуре.

— Мур, — выдохнула она мне в шею и запихнула визитку в нагрудный карман. — Я

Стефания, милый. Для тебя — госпожа Стефания. Набери меня, когда в город отпустят.

Ну, кто для меня госпожа, я сам решу. Инициатива это прекрасно, но не укладывалось её вызывающее поведение в моё понимание местных реалий. Если я неизвестно чей бастард из деревни, а она дочь столичного барона... То какого хрена?

— Девочки, мне пора, — остановил это представление барон.

Стефания погладила меня по груди, хлопнув с намёком по карману, отправила воздушный поцелуй и отошла. Вторая обхаживала Карла и тот стоял совсем пунцовый, прикрывая пах руками.

Немой вопрос в глазах, что творится, наш командир проигнорировал. Так на что он советовал не соглашаться? Нет, на этот счёт я у него спрошу. Оргий на улицах я не заметил, значит нравы не настолько павшие.

На улице мы пересели в лимузин. Большой и неповоротливый, он с трудом вписывался в повороты на узких улицах, пока выезжал на проспект. Мы заехали в банк неподалеку, откуда барон вышел с кейсом.

Небоскребы, приблизившись, нависали над невысокими домами, скрывая их в своей тени. Если бы не блики солнца на изогнутых зеркальных поверхностях, тут было бы совсем мрачно.

Будущее давило на прошлое, как медведь на муравья. Но тут, в деловом квартале, состоящим сплошь из банков, юридических контор и именных компаний, никто не смотрел вверх. Никто, кроме нас.

— Брат, где вы таких достали? — поморщился Маркушкин, когда вышел на улицу, где мы его и ожидали. — Видят боги, это забавно и эксцентрично, но немного чересчур.

— Не требуйте слишком многого от защитников, ваше благородие. Они созданы для борьбы со злом, а не деловых прогулок, — вежливо ответил Глеб, даже не моргнув.

— Пожалуй мне стоит переговорить с настоятелем Эдуардом о том, что не стоит смущать некоторых из служителей такими поручениями, — вроде и заботливо, но с явной угрозой ответил барон.

— Ваше право. Но боюсь, что у настоятеля иные заботы. Особенно в свете происходящего у ганзейцев.

— Ах, оставьте, слышал, — Жильяс отмахнулся, садясь в машину. — В обители любят преувеличить угрозу, об этом все знают. Чем она выше, тем ценнее ваше служение. Но мы сейчас сами отправимся туда и всё увидим.

Такой благородной наглости я не ожидал. Он же сейчас почти прямым текстом оскорбил церковь. Но и Глеб недобро сощурился, хоть и промолчал. Договорится барон, тут же инквизиторы есть.

Хотя так всегда было и будет. Чем лучше работают госслужбы и спокойнее гражданская жизнь, тем им больше кажется, что заслуги в этом особой и нет. Но так откровенно борзеть...

Ганза, международный торговый союз, в этом мире не только не накрылась, но и неслабо развилась. В столице империи они занимали целый остров. Судя по типичной архитектуре пряничных домиков, уже давно.

Тут уже прохожие были самые разномастные. Деловые костюмы перемешивались с яркими тряпками людей, похожих на хиппи. Бродили и подозрительные типы в неприметной одежде.

Дома, площади, складские помещения — обманчиво ровные ряды зданий скрывали

множество переулков и тупиков. Я посматривал в окно, подмечая такие закоулки. Именно в одном из них что-то произошло. Туда таскали загадочные ящики с когтистыми тварями. В мозгу настырно крутилось, что это были демоны.

С ними же защитники борются? В перерывах между охраной особо важных и неважных персон.

Высадись мы у типичного ганзейского дома. В пару окон шириной и высотой пять этажей. Крыша с башенкой, круглое окошко на чердаке и ярко-желтый цвет. Этот веселый стиль не обманул меня.

Я уже подозревал, что Глеб не просто так согласился сопроводить барона именно сюда. Как раз после того, что он увидел на камерах.

— Вы двое, остаетесь снаружи, — скомандовал Маркушкин у двери. — А вы, брат, пойдете со мной.

Защитник колебался, осматривая окрестности. Ясное голубое небо, праздные прохожие и чирикающие птички — почти идиллия. Перед его носом пропорхнула бабочка, дерганно улетев к клумбе с цветами. Глеб одарил меня долгим взглядом.

Посыл я понял. Завязывать с играми и вести себя тихо. Я кивнул, принято. Барон, не дожидаясь ответа, уже скрылся в доме. Защитник ушел следом, чуть покачав головой. Похоже, он не ожидал, что его впустят внутрь.

— Вот это, конечно, да... — тихо рассказал мне свои эмоции Карл, когда мы остались вдвоем. — Говорила мне матушка, что тут всякое, но такое...

В целом, суть его высказывания я поддерживал. Да роли своей в этом «всяком» не понимал пока. Учиться, опять учиться нужно, Ильюха. Ничего, схватываю я быстро, пока всё не так уж и страшно.

И тут мне в затылок что-то ткнулось. Не успел я дернуться, как услышал щелчок предохранителя и насмешливый голос:

— Вот уж не думал, что к защитнику можно так просто подкрасться.

Здоровяк, именно в этот момент отвернувшийся пялиться на площадь в конце улочки, вздрогнул и резко обернулся. Поздно. Ну и как я мог оставить спину неприкрытой! Лягь, второй раз за пару дней.

Как по волшебству, улица опустела. Только что были люди, и нет никого. Меня оттолкнули стволом, делая знак отойди и повернуться.

Картина передо мной явилась одновременно смешная и страшная. Парень, бесшумно подошедший ко мне, был молодым. Едва перевалило за двадцать. Высокий и худой блондин, разодетый под гангстера. Белая рубашка, полосатая жилетка и тонкий красный галстук. Шляпы не хватало.

На нем была похожая наплечная кобура, но побогаче и современнее. В его вытянутой руке находился «Пустынный орел». Именно это меня смешило и страшило. Самая огромная и пафосная пушка, тем не менее могла снести мне голову.

Его, казалось, вес оружия никак не напрягал. И хрен с ним, что с таким хватом этот орел отдачей ему прямо в голову прилетит. До этого успеет пуля.

Я чуть наклонил голову — палец не на спуске, ну хоть что-то хорошо. Белобрысый, оправдав выбор пистолета, сделал ещё одну ошибку. Подошел и снова ткнул дулом. Прямо мне в лоб.

— Ну что, подловил я тебя, защитничек? — на его роже расплылась ухмылка.

Подловил. Теперь моя очередь. Отвести главную угрозу с тяжеленным стволом

оказалось просто. Стремительный удар и «Пустынный орел» полетел. Одновременно я толкнул Карла в другую сторону и прыгнул на ублюдка.

Глава 11

Я врезался в противника плечом, сгруппировавшись. Под его хрип мы кубарем влетели в низкую кирпичную ограду у крыльца дома. В воздух полетели бурые осколки — кладка не выдержала удара. Не было времени думать, кто это и что ему нужно. Угрозу нужно устранить, мои рефлексy сработали подсознательно.

Если кто-то наставляет на тебя оружие, то он готов выстрелить. Именно так нас учили, не готов — не направляй. Парня же, похоже, вообще ничему не учили.

А нет, кое чему успели... Он умудрился в полете задеть меня по касательной. Рот наполнился горячей кровью, но боль не сбила моего движения.

Хук в челюсть прошел с хрустом, но в нокаут я его не отправил. Пацана опрокинуло назад, я схватил его за рубашку и дернул на себя, встретив следующим ударом. Из тонкого носа хлынула кровь. Подправив наглуую морду, я отпрыгнул назад и огляделся.

Карл, оказывается, тоже упал от моего толчка. Он растерянно сидел посреди дороги и потирал затылок. Нда, кроме силы и габаритов, подготовки никакой. Был уверен, что он как минимум прикрывает сзади.

Я сплюнул на чистый тротуар кровь, вытер рот и рявкнул:

— Вставай и дуй за подмогой, — кивнул я в сторону двери.

Здоровяк моментально подскочил и кабанчиком метнулся к дому, а ему наперерез ринулся и очнувшийся «гангстер». Но я видел, что он хочет подобрать оружие, а не остановить Карла и опередил.

Солнце бликануло на окнах, на миг ослепив меня и я немного сбился с траектории, впечатавшись в стену. Что-то треснуло, надеюсь очередная старая кирпичная кладка. Меня протащило, обдирая плечо.

Тело словно слушалось с перебором. Я не рассчитал ни дистанцию, ни силу. Да что же такое? Сука, как же вовремя мои ТТХ изменились в лучшую сторону. Чувствовал я себя слоном в посудной лавке.

Но моя нога пнула пистолет перед самым носом у парня, пропахавшего брусчатку. Не успел ты, дорогой, а теперь получи ещё разок в челюсть. От удара ботинком его перевернуло и откинуло на газон. В этот раз отключило, ровно по центру куста каких-то ромашек. В ореоле белых цветочков он и отрубился.

Потянуться за «пустынным орлом» я не успел. Топот ног раздался сразу со всех сторон. Откуда взялись эти хмурые ребята, я не понял. Но четверо бодро заняли позиции и дружно взяли меня на прицел.

— Не двигаться! Руки подними!

Очень медленно я поднял руки, расставил их пошире и растопырил пальцы. Подстава, пусть моё оружие и не заряжено, но они то об этом не знают! Вот теперь спокойно и без резких движений.

Один осторожно приблизился и проверил пульс у нового украшения клумбы. Парень был жив и даже уже начал стонать, приходя в себя. Всё лицо и рубашка перемазаны в крови, от идеальной прически ничего не осталось.

Пока ему помогали подняться, меня избавили от бесполезного оружия и тщательно обыскали.

— Что еще за... — недоуменно спросил суровый, похожий на морского капитана, мужик, когда увидел пустые магазины.

— Я пуст, — подтвердил я очевидное.

— Ваша светлость, вы в порядке? — послышалось сбоку.

Твою же мать... То, что парнишка непростой, было понятно сразу. Повадки, высокомерная морда и оружие, носимое в открытую. Похоже, этот мир передал традицию разрешение на оружие аристократам и в современность.

Другой тем временем подобрал «игрушку» его светлости, передернул затвор и отщелкнул магазин. Патрона в стволе не было. Сучонок просто решил припугнуть меня? Я даже начал поворачиваться, чтобы взглянуть на этого идиота, но получил мощный толчок. Понял, не двигаться.

Стоны прекратились, раздался кашель и ругательства. Из благородных уст лились такие слова, что заслушаешься. Хоть в чем-то аристократ разбирался. И был очень недоволен сломанным носом и выбитыми зубами.

— Тебе крыфка, зафитник! — гневно шепелявил он. — Да как фы посмел, на кого руку подняф! Дайте мне пуфку, пристфелю, фуку!!!

К моему счастью, никто ему оружие не давал. Двое охранников оттесняли его подальше, пока один из них держал меня на прицеле. Его внимательный взгляд я затылком чувал. Эти вряд ли ошибутся.

Пока парень картаво верещал и сопротивлялся, на сцене появились новые действующие лица. Запыхавшийся Карл, хмурый Глеб, недовольный барон и новое лицо.

Лицо больших неприятностей для всех нас. Точно папенька, очень похожи. Только батя был крепче и надменнее. Ясно откуда это яблоко на мою голову упало. Вот всегда считал, что нельзя детей без присмотра оставить.

То, как заносчивый барон сутулился рядом с высокой фигурой, говорило об исключительной важности персоны. Или опасности, хоть одно другому не мешает.

— Что произошло? — окатило меня ледяным голосом и гневным взглядом.

— Ублюфок мне ноф сломал! — вмешался пострадавший. — Убей ефо!

— Заткнись, — резко оборвал истерику он и бегло, но многозначительно, посмотрел на охрану. — А где вы были в это время, потом поговорим, — его взгляд вернулся ко мне. — Я спрашиваю, что произошло?

— Он подошел сзади и ткнул в меня стволом. Я его не видел, среагировал просто, — я старался и не усложнять, и не переигрывать с деревенщиной.

Что-то мне подсказывало, с ним это не пройдет. Пусть и смотрел он на меня, как на букашку, но пристально, следя за каждым жестом.

— Светлейший князь... — залез безил барон и заткнулся от еле заметного жеста рукой.

— Так и было? — внезапно обратился князь к Карлу.

— Не знаю, — честно ответил здоровяк, заметно побледнев от обращения. — Я не видел, в другую сторону глядел, ваш светлость.

— Фрет! Фсе фрет, — тут же прошипел сынок, держась за нос, кровь не останавливалась. — Он нафал на меня!

— Ты говоришь правду? — светлейший продолжил буравить меня взглядом, не обращая внимания на крики сына.

— Да. Ткнул стволом в затылок, — у меня дернулась рука показать, но я вовремя остановился. — Чего мне ещё делать было?

Князь поморщился, я перестарался с туповатостью. Но тот сделал знак охране и в меня наконец-то перестали целиться. Мне позволили опустить руки и забрать Глок.

— Он видел! Герф он видел, отец, кофда пофернулся. Видел, — злобно выплюнул гаденьш.

Глеб успел подойти ко мне и, услышав очередное обвинение, нахмурился ещё больше.

— Ты что же, герб княжеский отличить не можешь? — тихо спросил мужик.

Ну была у пацана на груди тоже нашивка. Черная, с алым и золотом. Не до рассматривания гербов мне было, когда перед лицом дуло здорового «орла». Я лишь помотал головой. Но это и услышали, и заметили.

— Брат, вы привели в город необученных адептов? — вкрадчиво поинтересовался князь. — Боюсь, я буду вынужден требовать наказание не только для него, но и для вас.

— Безусловно, ваша светлость. И справедливо. Но это полностью моя вина, так что...

— Нет, — грубо перебил тот. — Ваш подопечный серьёзно покалечил моего сына. Ваша вина в том, что вы притащили его сюда. А это, — он указал на окровавленного княжича, — выбор его. Неверный выбор.

Они перекидывались репликами ещё несколько минут. Всё сводилось к тому, что накажут меня люто. Глеба тоже. Наверняка и Карлу за компанию прилетит. Суть спора сводилась к тому, что делать это должен настоятель, а не князь самолично.

Мне же хотелось поскорее убраться. Моментальной прилюдной казни устраивать не собирались, и ладно. Парня увели, а вот любопытные начали собираться. На улице снова появились люди, вылезли из своих укрытий.

Ещё и солнце показалось из-за громадин небоскребов и припекало в макушку. Губу саднило, ноющая боль раздражала не меньше, чем завуалированные угрозы светлейшего князя.

Карл маялся рядом, но язык держал за зубами. Смущение перед высокородным взяло вверх над обычной болтливостью. Он только бросал на меня сочувствующие взгляды и печально вздыхал.

Когда моральная порка закончилась, князь ушел обратно. А барон раздосадованно отказался от наших услуг и тоже скрылся в доме.

— Как ты умудрился то? — Глеб, мрачный и уставший, махнул нам и потопал вверх по улице.

Выбираться с ганзейского острова нам, похоже, предстояло на своих двоих.

— Так я же говорю, сзади подошел, не видел я... — в который раз повторил я.

— Да как ты умудрился свалить его? Парень то не слабокровка далеко. Гордость рода Воронецких, даже я слышан о его подвигах. В основном, правда, в столичных борделях, нда... — защитника понесло и он осекся. — Как ты это сделал?

— Реакция хорошая, — я честно признался. — А гордость эта необученная, видно что тренировали его прачки.

Глеб хохотнул, на время перестав хмуриться. Но вновь помрачнел:

— Ох, Илья, берегись теперь. Его светлость во врагах никому не пожелаешь.

— А что теперь будет то? — запоздало спросил я, поправляя кобуру под взглядами прохожих.

Пока мы шли, плутая по улицам, смотрели на нас по-разному. В основном с любопытством, как на диковинку. Но были и те, кто прятал руки в карманах, подпирая стены. Такие обманчиво расслабленные и скучающие с виду типы.

Я уже ожидал нападения с любой стороны, поэтому до рези в глазах вглядывался в каждого. Как ко мне так тихо и незаметно подкрался княжич? Я же не стоял пнём и не паялился в одну точку, как Карл. Крутился, как обычно.

Ряды пряничных домиков казались укрытием всевозможных врагов. Узкие проулки таили как минимум снайперов. Тревожно тут. Я понял, что это чувство прямо таки давит, наперекор яркому солнцу, цветастым клумбам и порхающим бабочкам.

Мы дошли до центральной площади, на которой разместились разнообразные крытые прилавки — местный рынок. По кругу влекли запахами еды рестораны и кафешки, а в центре стояла статуя какого-то мужика в плаще. С залива дул соленый ветер, а над головами металась чайки, поджидая момент ухватить добычу у нерасторопного торговца рыбой.

Глеб направился напрямую, лавируя между покупателями и резвящейся детворой. Те, вооруженные леденцами, с визгами носились между лавок.

— Давай милоч погадаю, старая Тшилаба всю правду скажет, — неожиданно прокаркало рядом.

Старушка, маленького роста и горбатая, вцепилась в руку защитника. Укутанная в десяток разноцветных, но уже блеклых от застиранности, платков и сморщенная, как изюм.

— Ты чего старая, совсем страх потеряла? — возмутился Глеб и хлопнул себя по нашивке. — Не видишь кому предлагаешь?

— А чой там, милоч? — она, все так же держась за руку мужика, притянула себя и почти уткнулась ему в грудь. — Ой.

Да она же его сейчас обчистит! Я едва не ринулся её оттолкнуть, но вдруг увидел, как бабулька отпустила Глеба, пошатнулась и уже он её поддержал. Классическое отвлечение внимания.

Но она не залезала в его карманы, чтобы пошуровать в них. А подсунула ему в руку клочок бумаги. Едрить колотить, так это передача данных от агента!

Мне стоило огромных трудов сдержать эмоции и сделать вид, что ничего не заметил. Засечь такое действительно было почти невозможно. В шумной и движущейся толпе, быстро и умело. Просто я перебдел.

— Ну и чего? — взъелась старуха. — Нету у вас тут полномочий, святоши! Не супротив людей свободных.

Ворох платков засутился, она ещё что-то выкрикнула и затерялась в толпе, тут же пропав из виду. Глеб покачал головой и вдруг сообщил:

— Всё это вызвало во мне аппетит зверский. Давайте перекусим, а потом уже в обитель, сдаваться на милость настоятеля.

Дай угадаю, и место наверняка ты тут хорошее знаешь...

— Тут как раз за площадью местечко есть неплохое, — подтвердил он мою догадку. — Здесь то для туристов больше и тех, кто повыведываться любит, а там и цены нормальные, и кормят отлично.

Точно неспроста мы сюда явились. Возражений против отличной кормежки быть не могло. Да и что мне ему сказать? Отведите нас, дяденька, домой, пусть бросают в темницу и порют?

Принимать наказание всегда лучше на сытый желудок. Вдруг на хлеб и воду посадят, на недельку-другую. И меня уже раздирало от желания узнать, что мутит этот монах. Если подсобить, или проявить себя полезным, то заметят.

Хотя я себя уже проявил, ничего не скажешь.

— Покушать это хорошо, — важно ответил Карл и убедительно погладил живот.

Я пожал плечами, мы резво выбрались с многолюдного рынка и вышли на небольшую улочку. Тут, как это всегда и бывает за углом у популярных проходных мест, было тихо и безлюдно.

Только пушистый рыжий котяра, дрыхнувший на подоконнике, открыл глаза и лениво проводил нас взглядом. Да сверху из распахнутого окна прозвучал женский смех.

Неплохое местечко пряталось в конце улочки, во дворе, зажатом между домов. Вывески или вообще какого-то обозначения, не было. Но за неприметной дверью действительно находился ресторанчик.

Мы спустились по лестнице вниз, в полуподвал. Там, под сводчатым потолком, царили божественные ароматы жареного мяса и свежесваренного пива. Столов на десять, заведение было уютным и чистым.

У нас приняли заказ и, после умывальных и освежающих процедур, мы славно попиروвали. Ганзейская кухня была традиционной баварской. Незамысловатой, простой, но очень сытной. Густой суп, рулька с клецками и мой фаворит, картофельный салат. Вредно, жирно и шикарно.

Глеб нас угощал и не поскупился. Словно заранее извинялся за то, что нас ждет в обители. Или может за что другое. Еще бы кружечку келлербира, эх. Но и прохладный квас был хорош.

Пиршество мы закончили не спеша. Глеб, казалось, что-то ждал. Что же ему передала в той записке старушка? Ведь он наверняка её прочел, пока ходил мыть руки в туалет.

Я сыто откинулся на спинку стула и принялся рассматривать старые плакаты и картины на кирпичных стенах. Дневной свет сюда еле проникал сквозь крохотные окна под потолком. В потолочных люстрах, стилизованных под подсвечники, приглушенно светили обычные лампочки.

Кроме нас тут никого не было, лишь бармен за потрепанной временем стойкой монотонно протирает бокалы, просматривая их на свет.

— В общем так, адепты, — защитник шумно вздохнул, глянув на часы. — Есть у меня ещё одно дело тут. Оставлять вас одних я, пожалуй, больше не стану. Влетит нам и без того по первое число. Но, то что вы увидите и услышите там, куда мы пойдем, никому.

О, вот и самое интересное начинается. Похоже, что он так долго и мучительно решал, стоит ли нас брать с собой. Или как избавиться. Бросить одних нельзя, оставил уже на пару минут. Да и дороги мы не знаем, и денег нет. Мог бы конечно такси вызвать, но тут другая проблема.

Он нас забрал, под роспись практически. Ему и возвращать. А там, предполагаю, и сам не скоро выберется. Вряд ли его отправят в карцер, но без надзора не оставят. Получается, последний шанс. Выяснить, что он изначально хотел.

— А вот что вам за это будет... — вспомнил он и о награде, — Не обделю, в общем. Будете помалкивать, выпишу премию, как отличившимся пробужденным.

— Чего делать то надо? — Карл насторожился, но видно было — уже согласен.

Ох, добряк, не предложение это. Но не потащит же он необученных и безоружных пацанов в самое пекло? Я тоскливо глянул на его подсумок на поясе. Там тоже были два запасных магазина, а в его кобуре тоже Глок.

— Э нет, парень, — заметил Глеб мой взгляд. — Рано тебе, уж извини. И там безопасно. Только не бей сразу никого, — усмехнулся он.

Его шутка мне не зашла. Как и уверения в безопасности. От одного непыльного дела уже ныла губа. Ладно, вероятно что ему нужно встретиться с кем-то и получить информацию. Все эти шпионские игры мало походили на подготовку к бою.

Значит, может и пронесет.

— Ничего не надо делать. Молчать, делать умное лицо. Тебе, — увидел он попытку Карла, — никакого не делать. Вообще не напрягайся. Ни на кого не глазеть, публика там немного нервная, внимания не любит. Туда и обратно, должны управиться быстро.

Мы поднялись, но пошли не к выходу. А мимо бармена, который даже не дернулся в нашу сторону, прямиком в распашные двери кухни. Через горячий, он же единственный, цех и дальше, в узкий темный коридор.

В его конце мы спустились ещё ниже, в погреб. Прошли стойки с пузатыми бочонками, свернули в какую-то подсобку, где нашлась низкая дверь. Когда Глеб ее натужно открыл, пахнуло из темноты подземным холодом и затхлостью.

В руках защитника появился фонарик, высвечивая приставленную дряхлую лестницу. За ней виднелась часть пола. Мелькнули темные лужи и выдолбленный в бетоне символ. Подножие лестницы стояло внутри метрового переплетения треугольников.

— Короткий путь, — объяснил он, начав спуск. — Добро пожаловать в столичные катакомбы, адепты.

Оказавшись внизу, мужик огляделся, осветил по сторонам и добавил:

— И пошустрее, пока у тварей тихий час, успеем прогуляться.

Глава 12

Пока я соображал, шутка это или местная пословица, Карл спустился. Лестница жалобно скрипнула, а затем и затрещала под его весом. Но обошлось, я уж было собирался прыгать.

Фонарик высветил немного пространства. Тоннель был невысоким и довольно чистым. Кроме редких луж на полу никаких следов тех самых тварей. Похоже тут убирались, да и пользовались часто.

— Не отставайте от меня и не останавливайтесь, — бросил Глеб и бодро притопил направо. — Заметите что необычное, сразу же говорите.

— А что необычное то? — озвучил здоровяк вопрос, волнующий и меня тоже.

— Харю отродья тьмы, например, — хохотнул защитник и осветил себе фонариком в лицо, скалясь. — Да не бздите, мы в самой безопасной части катакомб, сюда если только сверху кто попадет.

В этой безопасной части хоть и не валялось мусора, но попахивало ощутимо. Особенно после ароматов рестораника. Мне было не по себе, что за нашими спинами полная темнота, но оглядываться я перестал сразу же.

Всматриваться в непроглядную черноту ещё хуже.

Глеб шел уверенно и расслабленно, разве что не насвистывал. И только когда мы свернули в неприметное ответвление я понял, что это ещё не подземелье. Тут дорога шла под уклон и весьма заметный.

Воды прибавилось, как под ногами, так и на стенах. Боковой проход привел к ещё одному спуску, на этот раз ступени были бетонные, с остатками железных перил. Мы попали в тоннель просторнее первого. Было похоже...

— Старое метро, — подтвердил защитник, рыская фонариком во все стороны.

От оборудования, как и рельс, и следа не осталось. Обчистили метро так давно, что даже пол был покрыт плотным слоем грунта. Тут уже было не так прибрано. Камни, бумажки, ветки какие-то. Если бы не утоптанная дорога по центру, казалось место заброшено.

Я ковырнул ногой непонятный холмик и поморщился от нахлынувшего запаха гнили.

— Здесь хоть с канализацией не пересекаются пути, — хмыкнул Глеб на мою гримасу. — Ничего, к местному воздуху быстро привыкаешь. Вентиляция работает, но барахлит периодически. Вот тогда тяжко.

И сколько нужно провести времени под землей, чтобы привыкнуть? Я промолчал. Чувствую, и это мне предстоит узнать. А не хотелось бы застрять тут достаточно надолго для того, чтобы это выяснить.

— А это чего? — тихо спросил Карл.

Он стоял у стены, разглядывая рисунок. Прямо на бетоне красной краской были намалеваны разные символы. Закорючки, линии, точки, круги и квадраты. Вроде и узор, но не складывающийся во что-то различимое.

— Карта. Для тех, кто разбирается, — защитник подошел и ткнул пальцем в одну из закорючек. — Вот это метка, где мы сейчас находимся. Вот это — место следующей карты.

— А нас научат?

— Если вам повезет, то не попадете вы в места, где это нужно знать, — мужик посерьезнел. — Рано ещё голову забивать этим. И без того будет чем её занять. Да и мало знаки знать, нужно ещё отличать ложные. Вот здесь, — он провел по линии, — тупик. А это выход наружу. Короткий путь ложный.

— Зачем? — удивился детина.

— Чтобы не шастали те, кому не положено, — отрезал Глеб. — Всё, пошли, нечего тут торчать. Внизу ты либо двигаешься, либо тебя двигают. Но уже в виде трупа. Не накосячите, потом экскурсию устрою вам, в другом месте.

— Так а куда мы идем то? — слегка обиженно не отставал Карл.

— Туда, — ёмко ответил защитник и кивнул в непроглядную пасть туннеля.

И мы пошли туда. Минут через пятнадцать быстрого хода воздух стал суше и теплее. Глеб хоть внимательно смотрел под ноги, да и вокруг светил, но особо не тихарился. Поэтому я решился с ним поговорить.

Слишком много вопросов у меня накопилось, а обстановка вполне подходящая, чтобы их задать. Удобный момент, не отмахнуться просто так от любопытного адепта. Сам же сюда притащил.

— Ваш совет, брат... Там, в машине. Это же про дочек баронских?

— Ух ты, дошло! — делано восхитился он. — Про баронских и прочих, да.

— А почему? — упрямо процедил я, пропуская его подколки.

Сам себе выбрал роль недалекого, так что теперь терпи насмешки.

— Ты серьезно что ли? Ты откуда такой взялся то на свет? Ладно, с девицами столичными, у нас тут своя атмосфера, ещё можно понять. Но в гербах не разбираться? Ты вроде смышленным кажешься, но даже Карл сможет княжеский герб от графского отличить. Так ведь, адепт?

— Не, ну могу. Наверное, — смутился детина. — Меня матушка просто учила — с гербовыми вообще не связываться. Ровно как они в любом случае правее будут.

— Хороший совет тебе матушка дала, — одобрил Глеб. — Для Бессарабии может и

сойдет, но не в столице. Не может служитель имперской обители таких вещей не знать. Ладно, и этому обучат, эх. Ну а насчет девок что твоя матушка говорила?

— И с ними тоже не связываться, — совсем тихо пробубнил Карл.

Меня отпустило, я было испугался, что сейчас защитник примется расспрашивать, где же меня воспитывали. Если меня привез другой монах, то значит такие вещи мне объясняли. А я не знал, могу ли притвориться тоже найденным хранителями слишком поздно.

Упустил я отличный шанс притвориться беспамятным. Ведь можно было сделать вид, что ритуал мне память то совсем отключил... Может, конечно, и был способ её вернуть, опять кубок и корчи на полу. Но попробовать стоило.

Может контузию себе изобразить? Головой на какой-нибудь тренировке ушибиться и под это дело списывать незнание очевидных вещей. Пока я мечтал убиться об стену, Глеб всё же прояснил:

— У одаренных свои заморочки. Например о том, чтобы не смешивать кровь с неодаренными. Даже случайно. У большинства до абсурда доходит, прикасаться себе простым не дают. Дочки баронские и без того младшие. Замуж им выйти сложно, мало того, что кровь слабая, так и приданого нет. Один вариант — дать семье сильного наследника.

Чем дальше он говорил, тем больше охреневал я и мрачнел он. Было заметно, что все эти нюансы Глебу не по душе. У меня вообще возникло странное чувство, что мужик завис между миром высшего света и простым.

Выходило, что даже на таких, как я, непризнанных и не пойми откуда, охотились девицы. Потому что, как я и думал, в императорскую обитель слабых не привозят. А слабокровками нас называют только из-за неизвестного происхождения.

Впрочем, со слабокровками я запутался окончательно. То ли это просто оскорбление, то ли есть там система.

Но суть была в том, что от одаренного могло получиться потомство, дающее положение и перспективы для целого рода. Признать ребенка могли хоть от кого, лишь бы вышел силой искры. А вот отца, да даже мать, и послать могли куда подальше, если родитель никто и звать его никак.

Зашибись! Жесть. Меня аж передернуло от такого расклада. И визитку, подsunутую Стефанией, захотелось тут же достать, сжечь и пепел растереть. Что-то мне эта идея чистокровности напоминала.

— Барон, безусловно, человек видный и известный. Но даже ему не дадут к хранителям каждый бегать для вычисления родословных. Ну а на экспертизу тем более средств не хватит, — усмехнулся защитник. — Для старшей ещё возможно, а младшим придется самим ловить удачу, за ваш хвост, нда.

С одной стороны, ну нахрен быть ходячим банком спермы. А с другой — ну не может быть дело только в этом. Это мне не плевать кому я и сколько настругаю, но не все же такие. От таких реалий голова кругом пошла.

Вопросов прибавилось ещё, но спрашивать напрямую, как же они тут грешат, чтобы от души, я не стал. Ясно, тех, кто с гербом — не трахать. И не бить... Нелегко мне придется.

Я стал мечтать о встрече с демонами, хоть с ними не придется раздумывать. С этой нечистью, надеюсь, всё можно? В смысле бить, тьфу ты.

— А если что-то скребется, это необычно? — шепотом спросил Карл.

Мы замерли и скрежет когтей раздался очень отчетливо. Задумался, мать его, о непотребствах, пропустил. Кто-то пыхтел и шебуршился впереди. Как только мы

остановились, тоннель начал наполняться и другими звуками.

Чавканье, хрипы, дыхание и топот ног были негромкими, отдаленными. Но спокойнее от этого не становилось. Когда из темноты завывало, я начал вспоминать, как складывать чертову фигуру из пальцев и призывать диарею. Да что за фраза там была?

Вдруг Глеб выключил фонарик, от темноты зарезало в глазах и я метнулся в сторону, к стене.

— Свои! — громко крикнул мужик.

Он кому это, демонам? Но тут звуки резко прекратились и всё залило ярким светом. В нас светили мощным прожектором, метрах в пятидесяти впереди. В этот момент я поскользнулся в луже и замахал руками в попытке ухватиться.

— Глеб? — прозвучал далекий удивленный голос. — А этот чего мельницу изображает?

Монах оглянулся на меня и наградил укоризненным взглядом. Да чтоб тебя, предупреждать надо! А не просто «не дергаться лишний раз».

— Разминается. Молодая кровь, горячая. Времени не теряют, — проорал он в ответ и прикрыл глаза. — Да вырубай ты уже.

Прожектор потух, вместо него зажглись тусклые лампочки по центру потолка. Там, откуда только что слепил яркий свет, был тупик. Тоннель заканчивался остовом старого ржавого вагона, торчащего прямо из стены.

Когда мы дошли до замурованного раритета, оказалось что у него и все окна закрашены. Глеб, крихтя, забрался на подножку и распахнул дверь. За ней нас радушно встретило дуло калаша.

Мне показалось, что держит его пацан, совсем мальчишка. Но присмотрелся и понял — уже за тридцать, а то и больше. Бывают такие, состроит умильную морду, сойдет за подростка. А вот так посмотрит, как он сейчас, всё понятно.

Не смотря на то, что целился он в грудь Глеба, улыбался при этом во все зубы. Нормально улыбался, душевно, как старому приятелю. Монах автомат воспринял спокойно, даже кажется обрадовался немного.

Оружие убрали только когда мы все оказались внутри и защитник закрыл дверь, щелкнув замками. Судя по его возне, запоров там было немало. В вагоне убрали все сиденья и устроили наблюдательный пункт.

Я подивился современным мониторам и оборудованию, но недолго. Через вагон мы прошли быстро, выйдя с другого конца.

И тут была станция метро. Точнее, когда-то была.

— Добро пожаловать в Авалон, — Глеб сделал широкий приглашающий жест.

Огромный холл бывшей станции превратился в подобие городской площади. Между высоких колонн на другой стороне выстроили дома. Миниатюрные, но полноценные — крыльцо, дверь и окно. Даже второй этаж умудрились впихнуть.

Мраморная лестница ввела в переход. Везде сновал народ, раздавались голоса, смех и даже приглушенный лай собак. Тут находилось преддверие настоящего города. Подземного города под названием Авалон.

Интересно, есть ли связь с мифическим островом или вообще страной блаженства? Если последнее, то у этих людей отличное чувство юмора. Подземный мир, он же рай, нда уж.

— Ух ты, — искренне обрадовался Карл и потрогал резьбу на ближайшей колонне, проверяя её на реальность. — А как это?

Поведать наверняка увлекательную историю этого места Глеб не успел. Из теней отделились двое мужчин. Бородатые, прищуренные и плавные. Одежда у местных стражей представляла такое нагромождение лохмотьев, что базуку под ними спрятать можно.

— По делу или развлечься? — сипло спросил один, чуть наклонив голову и прицениваясь к нам с Карлом.

Интересно, как тут развлекаются. И какие дела ведут. Я напрягся, сжимаясь для рывка. Типы были смертельно опасны. Из тех ребят, что не переставая улыбаться, перережут глотку.

— По делу, — защитник тоже подобрался, медленно засунул руку в карман и, достав что-то, раскрыл ладонь. — Нас ждут.

Типчик вытянул шею, рассматривая предмет. Быстро взглянул и я — какая-то монета или медальон. Темный кругляш с мелкой гравировкой. Пропуск.

Нам ничего не ответили. Типы так же растворились в тенях, пропуская дальше. Я сглотнул и выдохнул. Эту штуку на груди тут таскать надо. Но Глеб убрал монету обратно и направился к лестнице.

Подземные жители вообще не обращали на нас внимания. Беглые равнодушные взгляды и всё. Видимо, раз уж попал сюда, значит и правда «свой».

Лестница и переход тоже были облеплены какими-то постройками, то ли хозяйственными, то ли жилыми, превращая проход в узкое ущелье. Духота давила запахами старого пота, дешевой лапши и чего-то приторно сладкого.

Этот «задний» проход мы проскочили и углубились в город. Я старался не упускать из виду спину Глеба, держать в поле зрения Карла, смотрящего по сторонам, и следить за теми, кто близко к нам.

Так что полюбоваться на подземный быт не получилось. Только и заметил, что по мере продвижения, «жилые» становилось добротнее и чище. И народ не весь в рванине тут скитался.

Мы прошли ещё один вестибюль и переход, и опять спустились в тоннель. В его конце, в бывшем депо, под высоким потолком стояла крепость. Высокие стены из бетонных блоков, колючая проволока и охрана у ворот.

— Так, — притормозил Глеб за несколько метров до поста. — Ещё раз повторю, тише воды, ниже травы. Мы тут гости и под защитой, но гарантировать это мне придется своей шкурой в случае чего. Лучше никому в глаза не смотрите, не провоцируйте.

Да куда же ты нас приволок, гад? От злости я начал разочаровываться в мужике. Привести считай что детей в притон! Ладно, допустим в таких местах всегда строгие правила и порядки. Иначе не выживут, беспредельщиков вычищают особо тщательно.

Да и его здесь, похоже, знают. Но что ему нужно здесь такого, чтобы рисковать нами? Надеюсь, это действительно важное дело. Карл послушно кивал, а я хмурился, забив на игры в идиота. Потом ему придется многое объяснить, и хрен с ней, с конспирацией.

— Ты знаешь правила, — остановили его у ворот.

От всех требовалось сдать оружие, неважно, пустое или нет. Обыскали нас профессионально, едва в святая святых не залезли. Без бесполезной кобуры мне стало легче. Не будет мешать в случае необходимости.

— Не напрягайся ты так, — тихо сказал мне защитник, пока мы шли через небольшой двор. — Нападать на нас не станут. Только если сами спровоцируем. А ты внимание привлекаешь, глядишь волком. Спокойнее, парень, спокойнее.

Пришлось послушаться, он был прав. Показывать агрессию не стоит. Это как красная тряпка для быка. Быков, уж точнее. Внутри крепости празднующихся не было.

Я запомнил все укрытия и двери по пути. На случай, если придется быстро уходить. На автомате зафиксировал, в каком порядке оглядеться. Внутри забурился адреналин, предвестник боевого азарта. Ухх, ладно, вырулим.

Как здесь сподобились построить настоящий замок, ума не приложу. Столько материала надо доставить черт знает куда. Но здоровенная каменная махина даже вида была средневекового. Грубая, надежная, без изысков и украшений. Дайте угадаю — это Камелот?

Не буду, пожалуй, шутить по этому поводу. Невеселые тут рожи у местных. И им явно не понравилось, как я срисовал их количество и территорию. Один даже демонстративно погладил нож на поясе.

Мы прошли коридором и вышли во внутренний двор. Там то нас и поджидали. Высокое начальство, судя по вальяжной позе и мудрым морщинам. Под полтинник, но жизнь явно непростая была. Крепкий и, как ни удивительно, загорелый.

— Ну здравствуй, ваше величество, — выдал Глеб и изобразил нарочито низкий поклон. Вряд ли это император собственной персоной. Царь подземного мира?

— Дружище! — рассмеялся монарх и поднялся, распахнув объятия. — Давно не виделись, всё ты в этих, — он кивнул наверх, — делах. Нет чтобы уважить старика, навестить.

Они обнялись по-дружески и Глеб жестом указал нам встать в сторонке. Карл изловчился задеть низкий столик и там брякнула посуда.

— А это кто у тебя? — ту же переключился на нас «величество». — Неужели твои? Говорил же тебе, не зарекайся. Мог бы и послушать бывшего наставника.

Ничего себе, и такая карьерная лестница возможна? Бывший наставник и, вероятно, тоже защитник. Это слегка расслабило. Возможно и правда обойдется.

— Артур, ты уж извини, но не до лекций сейчас. Дело есть.

Мне стоило огромных усилий не заржать в голос. Ляшь, король Артур? Это точно Камелот. Очень извращенная его версия. Откуда ноги растут у этой шутки? Место названо от имени или наоборот, интересно.

— Знаю я твои дела. Просьба у тебя есть, Глеб, — у короля вмиг настроение поменялось с добродушного на настороженное. — Об услуге хочешь попросить. И то, что ты своих подопечных привел сюда, наводит меня на мысль, что услуга непростая. Говори уж.

Наш свежее испеченный «наставник» спорить с нашей принадлежностью не стал. Как и тянуть кота за тестикулы.

— Мне нужен человек Змееловов.

— Кто?! — Артур зашелся таким хохотом, что поперхнулся и начал надсадно кашлять. — Да что за шутки у тебя дурацкие.

— Я не шучу. Один из их бойцов.

— Глеб, — мужчина смотрел участливо, с таким лицом детей успокаивают. — Ты же не пацан уже. Расклады сам знаешь, видал что как. И ты на полном серьёзе просишь меня отловить для тебя бойца Змееловов? А под отловить я имею в виду в одну сторону. Ты же представляешь, что начнется после этого?

Уж не про тех мутных ребят со змеиными татуировками он говорит, что на камерах засветились с контрабандой демонов? Их разве не взяли? Ох, дело пахнет не керосином, а напалмом.

— Твои люди смогут сделать всё незаметно, — твердо ответил Глеб.

Подземный правитель крепко задумался. Мотал головой, цокал и даже макушку почесал. Защитник терпеливо и молча ожидал, как и мы. Просчет вариантов завершился хитрым взглядом. В мою сторону.

— Надо обдумать. Посоветоваться, — тянул время Артур. — Это уже не услуга, дружище. А заказ. Придется расплатиться.

— Я заплачу полную стоимость.

— Деньги, деньги... Не самое главное в этой жизни, верно? От них я не отказываюсь, но риск не стоит только такой платы.

— Что ты хочешь? — устало спросил Глеб, вздохнув.

Я, стараясь не двигаться и не поднимать голову, огляделся. Охрана, отошедшая подальше, пока мы дружески беседовали, почти незаметно окружала, приближаясь. Неуловимое движение, даже одежда не шелохнулась, и вот на шаг ближе.

Ох, Глеб, хреново это. Что-то прозвучало в тоне короля, что стало им сигналом. И, боюсь, следующую просьбу будет не отклонить.

— Хлеба и зрелищ, чего же ещё! — рассмеялся хозяин, но в глазах блеснула сталь. — Если твой боец выстоит против моего, выполню заказ.

— Артур, это несерьезно... — наш растерялся, не замечая угрозы. — Если ты так этого хочешь, я согласен выйти на арену, но не пацанов же.

— О, ты мне уже отказывал, и не раз, — мстительно ответил Артур. — Больше предлагать не стану. Да и что это за представление будет? Кто выстоит против тебя? Нет, так неинтересно. Вот он, — его палец завис в воздухе, указывая на меня. — Второй хоть и здоровый, как демон, но увалень. Его даже мой внук одолеет. А вот этот парень не так прост, как хочет казаться.

Глеб обернулся ко мне, словно в первый раз увидел. Увидел он и людей короля. На рыцарей круглого стола они походили так же, как я на маленькую девочку.

— Нет, — резко ответил монах.

— А я не тебя спрашиваю, — стальные глаза прожигали меня. — Что скажешь, мальчик? Поможешь своему наставнику? Обещаю, выставлю противника, которого ты сможешь одолеть. Если не струсить.

— Артур!

— Ты, Глеб, попросил меня о таком, за что я могу вырезать тебя вместе с твоими птенчиками, и все святоши империи мне слова поперек не скажут, — жестко ответил Артур и сразу смягчился. — А я прошу всего лишь потешить меня забавой. Один бой и все останутся довольны. Уверен и он тоже, его уже давно подмывает кулаки почесать.

То, что меня прочитали, не удивило. Недаром он тут король. Такими местами простые люди не управляют. У меня вообще эмоции отключились. Расклад ясен — либо я набью кому-то морду, либо нас всех тут тихо прикопают. А то и здешней живности скормят трупы, никаких следов не останется.

Ещё одно непильное дело, ага. Пожалуй я знаю, кому следующему набью морду, только выберемся отсюда. Я кровожадно ухмыльнулся и хрустнул шеей:

— И кому тут нужно подправить физиологию?

Глава 13

— Дерзкий, мне нравится, — довольно хлопнул себя король по бокам. — Теперь

понятно, почему ты его взял. Славно, вот и славно.

Наш внезапный наставник посмурнел, но больше не возражал. Я уже согласился, теперь обратно всё не открутишь. Люди Артура отступили, слушаясь невидимой команды. Разошлись по своим углам и делали вид, что расслабились.

Разнести бы всё это место к демонам. Во мне поднялась целая буря эмоций — ярость, возбуждение и желание победить. Всё это не вовремя. Свою новую силу я ещё не изучил, тело хоть и молодое и не хлипкое, но мышечные рефлексy не ахти.

Значит, противника надо обмануть и свалить неожиданным и, желательно, одним ударом. Раз уже мне обещали того, кого может победить юный адепт, шанс есть. Лишь бы не одаренный попался, ведь о магии я по-прежнему ничего не знаю.

Но не похоже, что в этих местах живут одаренные. С их то способностями загонять себя под землю в это царство душных проходов и темноты.

Как только я согласился, началась суэта. Правитель катакомб лично сопровождал нас к арене. Для увеселительных мероприятий выделили соседний отстойник, со своим входом со стороны тоннеля. Оттуда прибывали гости сверху.

Мы же прошли сквозь замок и зашли с черного входа. Адреналин подстегивал меня, отбросив все сомнения и страхи. Теперь только вперед.

На разминку в тесной комнатке дали минут пятнадцать. За тонкой стеной гудела толпа. Гул нарастал, пока мы приближались и это будоражило ещё больше.

— Илья... — начал и запнулся Глеб, когда нас оставили одних.

— Потом поговорим, — отмахнулся я. — Здесь хорошие бойцы?

— На арене я не был, — признался монах, уже явно сожалея об этом. — Но плохие бойцы в Авалоне не выживают. Артур не выставит против тебя того, кто гораздо сильнее. Тогда...

— Всё представление испортит, — понимающе усмехнулся я. — Значит, устроим им представление.

Больше защитник ничего не говорил, замкнулся в своих мыслях. Его лоб прорезало напряженными морщинами. Вовремя, ничего не скажешь. Раньше нужно было думать, прежде чем идти с такими просьбами, да ещё и нас тащить с собой.

Но потом, всё это потом.

Арена встретила оглушительным рёвом, ярким светом и запахом крови. Круглая просторная площадка, посыпанная песком и закрытая со всех сторон мощными решетками. Вокруг зона безопасности в пару метров. А от неё вверх уходили ряды скамеек.

Зрителей было битком. Как же мы удачно зашли... На местах, что пониже, ожидаемо и с комфортом располагались прилично одетые, в масках. Ничто кровавое и грязное не чуждо аристократам, ясно.

Выше публика и выглядела попроще, и шумела больше. Меня встретили свистыванием и оскорблениями. Обычное приветствие для новичков в подобных местах.

Откуда то сверху, где метались прожекторы, раздался хорошо поставленный женский голос:

— Уважаемые гости! Специально для вас мы подготовили кое что особенное. Впервые на арене Авалона! Для вас сразится защитник из имперской обители!

Вот это новость. Действительно представление знатное, если впервые. Артур, хитрый жучара, и денег за заказ стрясет и популярности свои подпольным боям добавит. Ведь наверняка успел и ставки организовать. Ладно, уложу его рыцаря и вежливо намекну, что так

дела не делаются.

Я встряхнул головой, выкидывая все мысли, кроме самых важных. Не сомневаться и не отступать. И не думать, что противник слабее тебя.

Король вместе с Глебом и Карлом заняли места в «царской ложе». Почти вплотную к прутьям отгороженный закуток с диванами и уже накрытым столом. А меня не очень вежливо толкнули к клетке.

Я огрызнулся, рыкнув. В крови бурлила свирепость, подстегиваемая хищной толпой. Немного охладил меня лязг железа, когда за мной закрылась дверь. Ещё и пискнула электроника. На кой им так замуровывать?

По кругу на секунду загорелся защитный контур. Багровая пелена сомкнулась над головой, мигнула и стала прозрачной. Не хотят, чтобы высокородные костюмы испачкали прилетающей кровью?

Меры защиты впечатляли. И напрягали. Подозрение усилилось, когда в другом конце клетки вместо открытия второй двери зашевелился песок.

Я отступил назад и быстро обернулся. Артур сиял, довольно потирая руки, а Глеб побледнел и от удивления даже рот раскрыл. То есть всё опять идет не по плану?

Песок ручейками потек в открывающийся люк. Его шелест вдруг стал хорошо слышен наступившей тишине. Толпа замолчала, замерев. Только шорохи одежды, люди потянулись вперед, чтобы получше разглядеть моего противника.

Пляска прожекторов прекратилась, остался лишь свет над клеткой. Он моргнул и приобрел зловещий красноватый оттенок. Нагоняли атмосферу тут умело.

Но мне и без светового шоу стало не по себе. Что я сейчас увижу, догадывался. Из лаза появились когти, цепляясь, чтобы выбраться. За ними вылезла темная лохматая лапа. И эта конечность точно была крупнее той, что я видел в ящике.

За первой лапой появилась и вторая. На третьей я не сдержался.

— Это что ещё за хрень... — себе под нос высказался я.

— Артур! — заорал за спиной защитник. — Ты что творишь?! Он не посвященный, мать твою! У него нет оружия!

Времени сложить долбанную фигуру не было. Да и фраза совершенно вылетела из башки, когда я увидел четвертую, пятую и шестую лапы. Из под земли лезла огромная мохнатая тварь.

На шести полуметровых конечностях сидела уродливая туша. Собакоподобная голова с мощными оленьими рогами распахнула пасть и завизжала. Во рту у этого мутанта были ряды острых желтых зубов.

Из пасти закапала слюна, с шипением падая на песок. Тварь покрутила башкой, принялась и остановила взгляд маленьких черных глаз на мне. Это, мать их, бездну, демон?

— Открой, пусти меня туда! — продолжал кричать Глеб и я услышал, как он сотрясает решетку. — Ему нечем защищаться! Отдай мое оружие!

— Ты, идиот, привел сюда необученных адептов? — прошипел Артур и по звукам я понял, что он тоже подошел к клетке.

Толпа тем временем ошалело охнула и разразилась самыми разнообразными воплями. Восторг, ужас, страх, азарт. Женский всхлип и шум упавшего тела.

— Быстрее, Артур!

— Клетку не открыть, пока демон внутри. Я уйму денег угрохал, чтобы установить эту

систему, — тон короля сменился на сильно озадаченный.

Мое время кончалось стремительно быстро. Может эту тварь опоили чем-то, или она растерялась от публичности, но движения её уже ускорились, туша задергалась и кляцнула зубами.

И тут демон прыгнул. Каким образом мне удалось предугадать и броситься в сторону, не знаю. Ступор и зарождающийся страх отступили. Я рванул к лазу, откуда выбрался демон, но тот закрылся перед самым носом.

Исчадие ада врезалось в прутья и вся клетка содрогнулась, вызвав в толпе крики. Выдержала, не зря потратился величество, скотина такая. Монстр быстро приходил в себя. Снова заверещал на противной высокой ноте и прыгнул на меня.

Я метнулся назад, но демон в полете раскинул лапы и мне пропороло плечо, обжигая огнем. Мы вписались в ограждение одновременно с противоположных сторон, снова потрянув клетку.

— Брось ему свое оружие, Артур! С моим он не управится, — требовал Глеб. — Ты убьешь мальчишку!

— А, бездна с тобой, — проворчал тот в ответ. — Хоть какой-то шанс ему будет. Забери тебя Вечная, Глеб, ну ты...

— Да давайте уже! — проревел я, не сводя взгляда с твари, застрявшей одним рогом между прутьев.

Судя по треску, он сейчас просто обломает его, чтобы освободиться. Толпа бесновалась, требования убийства лились со всех сторон. Кого они подначивают, я не понял. Потому что отчетливо слышал и «вали святошу».

Мутант дернулся, клетка застонала и заполучила первый трофей. Один рог монстра вырвался с клоком шерсти и сполз между прутьев вниз.

Демон радостно взвизгнул и засеменил лапами в мою сторону. Перешел от прыжков к более эффективному поведению. Хреново, если он ещё и разумный.

В этот момент я услышал за спиной тихое «аэр-ди арэм» и со мной рядом глубоко в песок воткнулся меч. От переизбытка чувств я хохотнул и схватился за рукоять. Смогу ли я достать меч короля Артура? Лягь, вовремя меня накрывает.

— Соберись! — спешно наставлял Глеб, прижавшись к прутьям. — Нанеси как можно больше ран, это его замедлит и ослабит. Лезвие для демонов как яд. Не убьет, но даст тебе шанс. Не пытайся сразу убить, не успеешь! Ослабь и потом добивай!

Самая быстрая лекция в моей жизни вынуждено прекратилась. Демон всё же прыгнул, подобравшись поближе. Защитник отшатнулся, как и я. Но зато с мечом в руках. Оружие оказалось легким и я успел им взмахнуть, подрезая твари ноги.

Задел я только одну, но визг боли оглушил всех. С потолка посыпалось, а я сделал выпад и укол. Неуклюжее движение, тело слушалось странно, но по такой мишени не промахнешься.

Перед лицом опасно промелькнул коготь и следующий взмах мечом отсек его. В кисти неприятно потянуло тупой болью. Зараза, вывихнул. Охренеть мне конечно учиться фехтовать прямо сейчас.

Я пытался зайти сзади, но монстрина очень шустро повернулась и решила закусить мной. Я уперся в рог, пропахал ногами песок и уколол промеж глаз. Визг, глухота и меня откинуло к прутьям. По затылку потекло горячее, перед глазами поплыло. Тварь заметалась, обозленно вереща.

Я скакал бешеным зайцем, сдерживая тошноту и стараясь уйти из под ударов когтями. От напряжения сводило руку, но я колот и резал каждый раз, когда демон приближался. Мы оба выдохались и ошибались.

Зрители лютовали, перекрывая даже вой раненого исчадия бездны. Глеб тоже кричал мне какие-то указания, но я уже ни хрена не слышал. В ушах одержимым дятлом колотился пульс.

—.. голову! Основание головы, на затылке! Бей туда! — услышал я таки его далекий охрипший голос.

Я отвлекся и тварь не преминула воспользоваться. Всё таки они соображают. Демон попытался прыгнуть сверху и придавить телом, но просчитался. Забыл, что количество конечностей я ему уже убавил. Две длинные корявые лапы истекали чем-то вонючим на земле.

Монстр запнулся, я ушел в сторону, ухватившись за основание мохнатой лапы и, закрутив себя, оттолкнулся от земли. Пришлось до боли отвести руку с оружием назад, чтобы прицелиться и не промахнуться.

Меч вошел в основание затылка глубоко, с хлопом хлынула темная густая кровь и мы рухнули на песок. Демон, раскинув остатки лап, как раздавленный паук, а я сверху, уткнувшись лицом в липкую от крови шерсть.

— ААА, — надрывалась толпа, агонизируя от восхищения.

Вот кто тут самые кровожадные твари. Они, похоже, даже не поняли, что против меня выставили совсем не того, кого я ожидал. Они получили своё представление. А раз так...

Пришлось делать усилие. Адреналин резко снижался и накатывала боль. Тварь распоролла мне плечо, бедро и бок. Но выносить себя не позволю. Внутри настойчиво билось упрямство — держаться, ещё немного.

Я поднялся, уперся ногой в спину мертвой твари и рывком выдернул меч. Из раны булькнуло и полилось, а я поднял окровавленное лезвие и медленно обвел им зал, поворачиваясь вокруг своей оси.

Видимо рожа у меня была страшнее демоновой, потому что крики стихли. Все замороженно следили за моим движением, даже нижние ряды не отводили взгляд. Остановился я, когда острие указало на Артура. Король смотрел на меня, как диабетик на огромный шоколадный торт.

Вождеделение в его глазах ничего общего с сексуальным не имело. Так желают редкую экзотическую зверушку, владение которой запрещено всеми мыслимыми законами. Видимо, я превзошел его ожидания от дебюта.

Я недобро усмехнулся ему и опустил меч. В двери пискнуло и защита отключилась, выпуская меня на свободу. Меч я воткнул у его ног, в сантиметре от дорогих ботинок. За спиной короля метнулись тенями охранники, но он их остановил раздраженным взмахом руки.

— Забава получилась достаточно потешная, ваше величество? — с сарказмом поинтересовался я, смотря ему в глаза.

Нахрен все эти ужимки и игры. Доигрались уже. До шестиногого лохматого и рогатого мамонта. Теперь этот хитрожопый Аид будет мне должен. На Глеба я старался вообще не смотреть, желание сломать ему челюсть только росло. Но устраивать разборки перед этими людьми не стоило.

— Весьма, — сдержанно ответил Артур и сощурился.

Его стальной прищур меня не испугал. Не после демона. Я выдержал и угрожающий взгляд и молчаливую паузу. Король, видимо удовлетворившись моей реакцией, улыбнулся и обнял меня за плечи, разворачивая к зрителям.

Толпа снова счастливо завопила, я дернулся, но хватка стала крепче.

— Минута, защитник. Минута твоей славы, дай же им разделить её с тобой, — прошептал он. — Одна минута и я избавлю тебя от их внимания. О большем не прошу. Улыбнись.

Я хищно оскалился, но это только вызвало ещё больший восторг. Артур не обманул. Покрасовавшись собой и мной, он отвел нас в свои хоромы. Там я наконец сел в кресло, не сдержав стон.

На светлую кожу потекла кровь. Черт, задел меня монстр прилично. Тут же позвали целителя и на зов явилась миниатюрная девушка, испуганно замершая, увидев мою нашивку.

— Не волнуйся, милая, он не враг, — неожиданно очень нежно успокоил её король. — Юноша же не выдаст наш небольшой секрет?

Я кивнул, хоть и понятия не имел о чем он. Нельзя иметь собственного целителя? Судя по её должности, она одаренная. Получается, что без надзора церкви таким не обойтись?

Её тонкие пальчики пробежались по всему телу, исследуя. Я почувствовал приятное тепло и боль начала затихать. Ох, хорошо то как... Меня так расслабили её манипуляции, что я с блаженным лицом откинул голову, наблюдая за целительницей сквозь полуприкрытые веки.

Когда её первый испуг прошел, то оказалось, что она хорошенькая. Рыжая, вся в солнечных веснушках, маленький вздернутый носик морщился в такт движений, а густые ресницы трепыхались.

Кажется, я задремал от облегчения. Потому что когда открыл глаза, не ощущая осторожных прикосновений, девушки не было. Рядом сидел Карл и напряженно смотрел на меня. А монах с королем тихо беседовали чуть в стороне.

— Да как ты мог устроить бои с демонами, Артур? — возмущался защитник. — Ты понимаешь, что будет, узнай об этом церковь?

— Ты правда думаешь, что они не знают? — спокойно отвечал монарх подземелий. — Ты вообще представляешь, кто ко мне приходит на шоу? Не будь таким наивным, тебе это не идет. Откуда ты думаешь у меня демоны?

— Да как вообще...

— О, наш герой очнулся, — заметил мужчина мой взгляд и они двинулись ко мне. — Как самочувствие?

— Хорошо, — удивленно констатировал я факт.

Раны ныли, но словно давно заживали. Я задрал рубашку и увидел, что края пореза когтем сошлись, остался лишь бугристый белый шрам и немного воспаленная кожа вокруг. Вот такая магия мне по душе.

— Остальное само заживет, — довольно покивал Артур и протянул раскрытую ладонь: — Это тебе, победитель.

Там лежала точно такая же монета, которая пропустила нас в Авалон. Взял я её осторожно, мельком глянул и засунул в карман. Ценность предмета я понимал, но показывать щенячью радость по этому поводу не собирался. Ещё подумает, что этого достаточно.

— Дерзкий, — повторился король. — Это даст тебе возможность заглянуть ко мне,

когда захочешь. Тогда и обсудим, хм, остальное. А сейчас вам пора, солнце уже зашло и двери обитатели скоро закроются. Парадные, — подмигнул вдруг он и расхохотался.

Ну конечно он знает все пути в обитель. Наверняка ещё и подземные. Но ушли мы официально, возвращаться тоже нужно открыто. Я оглядел себя с сомнением — на брюках косой разрез, ничего страшного, а вот рубашка совсем непотребно выглядит.

Меня поняли без лишних слов. Дали рубашку, судя по качеству, с барского плеча, и отправили умываться. А затем мы очень быстро возвращались. Глеб повел нас другим путем, который вывел в подвал заброшенного здания неподалеку от баронского дома.

Вечер принес прохладу и раскрасил город огнями. Небоскребы вблизи мерцали и переливались, сверкая всеми цветами радуги. Тут, у крошечных на их фоне особняков, было тихо и малоллюдно. А там бурлила жизнь. Если хорошо прислушаться, казалось слышалась музыка и смех.

У нашей «буханки» защитник остановился и, вместо того, чтобы открыть нам дверь, обернулся, решительно выдохнув:

— Извините меня, парни. Я облажа...

Договорить он не успел. Мой кулак врезался в его квадратную челюсть и монаха от силы удара отбросило, впечатав в машину. Металл застонал и прогнулся, нарушив тишину улочки.

Мужик сполз на землю, оставив глубокую вмятину в двери, а я вспомнил проклятую фразу призыва. Видят боги, я очень долго сдерживался!

Глава 14

— Ох, — простонало снизу.

Монах поднимался, сжимая щеку. Лицо его из-за этого скукожилось, делаясь жалким на вид. Меня отпустило, но недостаточно, поэтому следующий удар прилетел под дых. Мужик шумно выдохнул, согнулся и прохрипел:

— Заслужил.

Ясен херушка, заслужил. Защитник ожидал продолжение, но мне хватило отвести душу. Намахался кулаками и мечами на сегодня. Злость растаяла, оставив гадкое послевкусие.

Нервы ни к черту. Баньку бы сейчас, шашлыки и девиц, а не вот это всё. По другой стороне улицы торопливо прошла парочка одетых с иголки аристократов. Это я уже понял, увидев герб и проклятые наплечные кобуры.

Но эти хоть не стали лезть к нам, сотрясая стволами. Вот бы одного из них в ту клетку засунуть, представление было бы отличное. Но короткое.

Эта мысль повеселила. Да и настроение поднялось — боль затихла, маяча призраком, монаху я врезал, как и хотел. Теперь душ, ужин и целебный крепкий сон.

— В общем, — Глеб отошел от удара, распрямился и на всякий случай отошел. — Должник я теперь ваш, — он поднял брови и глянул мне за спину. — Ты в порядке, парень?

Там застыл Карл, уставившись немигающим взглядом куда-то в сторону. Здоровяк вообще переменялся. Молчал и больше не вертел головой, с детским удивлением рассматривая обстановку.

— Нет, — наконец моргнул он и зло посмотрел на защитника. — А вы, брат, дюже не правы. Не так оно должно быть. Служители всеблагих не могут вести дела со злодеями. И спускать демонов.

Эка проняло его... Я как-то не обращал внимания на его молчание, а зря. Бедняге все

системы ценностей сбили за несколько часов. Того и гляди сейчас мужику ещё прилетит. Я тронул богатыря за плечо:

— Карл, ты это, дыши глубже. Могут, не могут, они сами разберутся. Ты для чего хотел защитником стать?

— Людей от демонов защищать, — выдал он очевидный ответ.

— Ну вот и будешь. Одно другому не мешает.

Ну вот как ему объяснить, что просто никогда не бывает? Выжечь бы напалмом и подземелья и небоскребы, спалить к демонам и остаться на пепелище, нда. Сколько миллионов живет в столице? Всем добро насадить — задачка не из простых.

Да и верить хочется, что это нам так повезло, сразу окунулись в результаты жизнедеятельности огромного города. Ну а если нет... Можно начать с малого, с обители. Но только не вопя о том, какие все дураки, а я один молодец.

Разведать, изучить, собрать людей. Вот хотя бы таких, как Карл. Обострение чувства справедливости пройдет, а принципы останутся. Заматереет, натренируется и выйдет славный боец.

Я засунул руки в карманы и наткнулся там на монету. Поглядел в небо, на пролетающий вертолет. Небеса и подземелья, есть где развернуться.

— Прав ты, — вдруг погрустнел Глеб. — Все правильно говоришь. Не должно быть так. Не серчай, парень. Служители людям помогают, только они и помогают вообще-то. В обители и лечат, и амулеты дают охранные, и на все просьбы отвечают. Но нам и с этими, — он указал наверх, а затем под ноги, — и с этими нужно как-то жить. Из тебя хороший защитник выйдет, ты главное не сдавайся. Ни тем, ни этим.

Так, пора завязывать с этой мелодрамой. Тоски монах нагнал, хоть и жизненной, но мы сегодня и без того впечатлений получили. Понятно, что расстроился, так облажаться и подставить тех, за кого ответственность нес.

Лишь бы наука впрок пошла, все живы и почти здоровы.

— Что с нами в обители то сделают? — неудачно сменил тему я.

Там точно не похвалят. Но теперь мне не только Артур должен, но и Глеб. Я этого не хотел, но упускать возможность в моей ситуации просто глупо.

— Не волнуйтесь, всё на себя возьму, — оправдал мои ожидания тот. — Светлейший князь, безусловно, нажалуется. Но у меня есть свой подход к настоятелю, так что договарюсь. Вас не накажут, наоборот, похлопочу за вас, чтобы отметили. Вы только молчите о том, что произошло внизу.

— Конечно будем. Карл? — я выжидающе посмотрел на хмурого донельзя парня.

— А надо? — недовольно уточнил тот.

— Надо, Карл, надо, — усиленно закивал я. — Не наши дела это, пусть там и разбираются сами. А мы лучше своими займемся. Учиться будем.

Я нес ерунду, убаюкивая доверчивого детину. Плохо, что ему пришлось увидеть обратную сторону медали героизма святош. Но и обманывать его, пообещав торжество справедливости, было неправильно.

Как бы его не расстроить ещё больше, намекнув, что молчание сейчас — залог здоровой и долгой жизни. Спугну ведь окончательно, побежит к самому великому магистру. А ведь Артур не врал, когда говорил о том, что всё согласовано. С кем, можно догадаться.

Разобраться в этом мире не так и сложно. Пока я видел знакомую картину. Просто под острым соусом из демонов и магии. А значит — точно прорвемся.

— Давайте уже поедем, — я осторожно подтолкнул Карла к двери, пока тот размышлял над моими словами. — Брат, ужин нам выбьешь?

Глеб не обратил внимания на то, что я начал ему тыкать и утвердительно хмыкнул. Ладно, прикрытие перед настоятелем и горячая еда — самое меньшее, что он нам должен. А переусердствовать я не стану, приберегу на будущее.

Да и фамильярничать перед чужими не буду. Так, наедине иногда, чтобы не забывал.

Давить на таких людей нужно уметь. Передавил и чувство вины в озлобленность обернется. Монах слабаком точно не был, если уже минимум двадцать лет с такими тварями дело имеет. Ну облажался, так очнется, осмыслит и может взъерепениться, если сейчас обнаглеть.

Домчали мы до обители с ветерком. Пустые дороги, ночной воздух в открытое окно и пляшущие огни города — романтика. Ночью во мне просыпался мечтатель. Что-то было в засыпающем мире такое, смягчающее.

Глеб обещание сдержал. Пока мы принимали душ, он договорился в столовой. Но перед этим мы зашли к завхозу, сдать снаряжение и получить новую форму для меня. Того пришлось для этого будить, но и тут монах сам справился. Бесцеремонно зашел на склад, скрылся за стеллажами и вернулся уже с заспанным Володей.

Претензии были тоже исключительно к защитнику, но вялые. Отчитал за испорченную форму, но обрадовался, что ничего не потеряли.

— Разговор есть, — остановил я Глеба после того, как мы втроем поели и собрались расходиться.

Карл уже откровенно клевал носом, поэтому уговаривать идти спать его не пришлось. Отмахнулся от нас и потопал в спальни, еле ворочая ногами от усталости и насыщенности дня.

Вытряхивать из защитника ещё предпочтений я не собирался. Но и момент упускать не мог. Завтра уже вряд ли получится вызвать на откровенность.

— Без объяснений не отстанешь, да? — понимающе усмехнулся мужик. — Цепкий ты, парень. Обвел меня вокруг пальца, если бы не Артур, я бы так и верил, что ты простачок.

— Он тоже защитник?

— Был, — подтвердил Глеб. — Очень давно. Вот почти столько же, сколько я в обители. Но его историю я тебе рассказывать не буду. Захочет, сам расскажет. Только, Илья, ты лучше сигмой зря не пользуйся. В самом крайнем случае. Сам видел, какую цену могут потребовать за услугу, с имеющих такой знак. Пойдешь требовать плату, а я вижу, что пойдешь рано или поздно, будь очень осторожен со словами.

— Понял уже. Совет прежний — ни на что не соглашаться?

— Ох и не прост ты, парень, — тихо рассмеялся монах. — Что ты знать хочешь?

Мы уединились в том самом небольшом садике, где я впервые встретил Карла. Окон в окружающих стенах не было, а единственная дверь была толстой и закрывалась плотно, пусть и бесшумно.

Раз он готов говорить здесь, значит достаточно безопасное место. Запомню.

— Змееловы, — коротко пояснил я.

Рассказывал он очень неохотно и поверхностно. Пытался юлить и недоговаривать, но меня таким не проведешь. Вытащить из этого тихушника получилось не так много, больше я между строк прочитал.

Выходило, что Змееловы это клан ганзейцев. А у Ганзы тут что-то вроде анклага,

государства в государстве. Законы империи вроде и соблюдают, но имперцы сами не лезут лишний раз. Торгаши столетиями выбивали себе независимость и у них это получилось.

Как и полагается при запутанных международных торгово-экономических отношениях, охрана у них своя и серьезная. То, что монах называл кланом Змееловов, походило на крышующую мафию, в лучших киношных традициях.

Клан занимался защитой грузов, сделок и собственно, острова-анклава. Частная военная компания, которые в империи были легальны, в отличие от моего мира. Ещё и международная, что усложняло вопросы с юрисдикцией.

Та команда, что отправила Аннушка-Березка, вернулась ни с чем. Точнее с нотой протеста от совета, который в Ганзе решал все вопросы власти. Потому что в тех ящиках обнаружили пусть и редкие, но животные, а вовсе не демоны.

И Глеб подозревал, что в обители есть шпион, который вовремя предупредил об облаве. В общем, воинствующий монах решил стать героем-одиночкой и выяснить всё сам. Потому что доверять он мог разве что компьютерщице и паре коллег, которых сейчас в столице не было.

Нелюдимым оказался защитник, это его и подвело.

— А эта бабулька на площади? — вспомнил я хитрую схему передачи записки.

— Тшилаба то? Да неплохая она женщина, хоть и силу заемную использует, да простят её всеблагие. Не вредит никому, а вот помощи немало от неё. И простым людям, и непростым. Я её чуть не отдал инквизиторам, давно это было. Молодой был... В общем, мы друг другу помогли, можно так сказать, — монах тепло улыбнулся, вспоминая что-то. — Ганзейцы сами редко в обитель обращаются, но она всегда передает, если что творится, где наша помощь нужна.

— И что она тебе передала? — я даже стойку принял, как гончая, почуявшая след.

Невольно я увлекся этим клубком пока непонятных интриг и отношений внутри разношерстной столицы.

— Что в порту демоны выжрали целый склад. Появились непонятно откуда, охране пришлось всё спалить вместе с тварями, чтобы они дальше не прорвались. А за пару часов до этого на склад привезли десять ящиков.

— Змееловы привезли?

— Нет конечно, они же не грузчики. Поэтому и задумался, увидев как они таскают тяжести. Но по описанию ящики уж больно похожие были. И да, команда обнаружила тоже десять ящиков.

— Так а кто привез? — нетерпеливо перебил я.

— Да кто же нам даст это расследовать. Связать одно с другим можно, но доказать... Инквизицию пустили только на склад, точнее его остатки. Сгорело всё дотла, со всеми доказательствами. В порту все молчат, никто ничего не видел, да и не любят там нашего брата.

Понятно, что свой источник сдать он не может. Если принимать во внимание, что в обители шпионы, добрая бабушка отправится в расход. А без предъявления источника никто слушать не станет. Заработал себе репутацию Глеб не самую лучшую.

Уважали и боялись, но к управлению делами не подпускали. Свои принципы у него оказались. Не самые популярные для тех, кто у власти. Да он к ней и не стремился, в основном занимаясь борьбой с демонами и прочей нечистью.

А тут вот нашла коса на камень. Тьфу ты. Коса... Хотелось мне у него спросить про

магическое оружие, но кто его знает, вдруг принципы и на это распространяются.

Тем более что меня тоже начало неотвратно тянуть к самому важному в жизни — к подушке. События дня навалились тяжестью разом, прибывая к земле. Так, в бездну все эти скандалы, интриги и расследования, спать.

Организм требовал сна так настойчиво, что закрались подозрения. Их подтвердил Глеб, увидев моё состояние:

— Дуй ка ты в постель, парень. Регенерация требует сна, можешь вырубиться на ходу без эликсиров то.

Регенерация, эликсиры — тоже всё потом. Спорить я не стал и еле добрался до своей кровати, на которой и провалился в крепкий сон без сновидений.

Странности начали происходить уже на завтраке. Я почти проспал, не услышав утренней возни адептов. И только тычок всё ещё хмурого Карла меня разбудил. Зараза, жилищный вопрос тоже надо решать, торчать у всех на виду в этой общаге не дело. Не верю я, что княжеские отпрыски ночуют в обители, хоть и в отдельных апартаментах.

В столовой в этот раз было многолюдно. Все прошли ритуал и форма вроде уравнила адептов. Хотя особо высокородные запомнили тех, кто не особо, в лицо. Но сегодня шептались нам в спины иначе.

Тем же презрительным тоном, но необычно.

— Выскочки, — опять я услышал писклявый и шепелявый голосок.

Теперь я обернулся, чтобы и источник рассмотреть. Как и ожидал — мелкий крысеныш, ещё и прыщавый. Он тут же отвел взгляд, сделав вид, что увлечен едой. Ну-ну.

Карл же не заметил шушуканья в наш адрес. Ну или для него без разницы было, какими конкретно словами нас обзывают. Ладно, деревня и подобное. Но выскочки? Ох, чувствует моя ранимая душа, монах перемудрил что-то.

Ситуация усугубилась на первом занятии. Нас разделили по принадлежности — защитников, хранителей, оракулов, инквизиторов и экзорцистов. Получение расписания занятий мы пропустили, нежась на курортах подземья. Но по подслушанным разговорам выходило, что общих занятий у нас немного.

Будущих защитников оказалось полсотни. И нам досталась большая круглая аудитория, в которой гулял ветер и эхо. Потолок парил где-то на недостижимой высоте, а внизу пустовал отполированный каменный пол.

Отсутствие парт или хотя бы стульев удивило. Ну хоть не только меня. Среди высокомерных непонимающих не нашлось, а вот наша братия стояла с одинаковыми лицами, озадаченно озираясь.

В центр нашей нестройной толпы вышел монах. Лет под сорок и рясе, но его наряд был скорее дизайнерским, если такое вообще возможно. Да и на точеном лице застыла маска безразличного превосходства.

Когда он представился Михаилом, я понял, что это тот самый, что подловил нас с монахом по прибытию в этот мир. Узнал он и меня. Мало того, безразличие сменилось на злорадство и он обратился ко мне:

— А вот и наши знаменитости. Не желаете продемонстрировать свои уникальные данные, выступив первым?

Я не желал. Но сделал уверенный шаг вперед и кивнул. В любой непонятной ситуации делай вид, что так и должно быть. Лицо монаха засветилось радостью, не самой приятной.

— Прекрасно! — оживился брат Михаил и театрально взмахнул руками. — Сегодня, адепты, вам предстоит узнать самое важное о себе. Именно этот момент покажет вам путь защитника. Свой собственный путь. Вы призовете оружие, которое пронесете через всю жизнь! Во имя всеблагих!

Во имя всеблагих, заткнись ты уже. Его торжественные подвывания, похожие на издевку, раздражали. Как и осознание, что сейчас придется продемонстрировать что я буду нести всю жизнь. И, по воле этого ехидного модника, сделать это первым.

— Смотрите внимательно, — покровительственно изрек брат и быстро сложил известную мне фигуру. — Ничего страшного, я повторю столько раз, сколько потребуется.

Знал я, что он провоцирует, но сдержаться не мог. Спишу на гормональные срывы, тяжелую регенерацию и неудачный день. Я вопросительно посмотрел на Михаила и он, язвительно улыбнулся, повторив ещё быстрее.

— Вот так? — невинно спросил я, сложив с первого раза правильно.

Зря что ли мне угрожали сломать пальцы? Я их и сам чуть не сломал, пока получилось. Такое усваивается хорошо.

— Не... — начал говорить Миша и неверяще распахнул глаза.

Он чуть ли не носом ткнулся мне в руки, обошел вокруг и недовольно цокнул.

— Хорошая зрительная память не делает вас уникальным, адепт, — придумал чем зацепить он. — Что же, принято. Теперь фраза призыва. Важно произнести её абсолютно точно и одновременно со сложением печати. Вам нужно будет постоянно тренироваться, чтобы делать это мгновенно.

Монах ещё бубнил про послушание, тренировки и путь защитников. Как это важно, сложно и тому подобное. Саму фразу он сказал быстро, как только заметил, что я отвлекся от его монотонной проповеди.

— Сложи и повтори, — вот на кого тех самых змееловов надо натравливать, так и сочтется ядом.

Этому хмырю я что успел сделать? И с чего мы стали знаменитостями и выскочками? Михаил отстранился, хоть и не верил, что я справлюсь с первого раза. Адепты наоборот, поддались вперед.

Монах знал, что должно произойти, но ЧТО произойдет, не догадывался. Ну вот она, моя очередная минута славы. Трепещите.

— Ааэр-ди арэм! — гордо выкрикнул я и ладони окутало краткой вспышкой света.

Глава 15

Я успел позлорадствовать крайне удивленной роже монаха. Появление в моих руках боевой косы вызвало трепет такой, что содрогнулась аудитория. От гогота.

Высокородные ржали, как неблагородные кони. Брат Михаил отставал, растерявшись. Что, святоша, косу никогда не видел?

Но лицо его начало расплываться в ухмылке, да так, что я всерьез испугался, что оно треснет. Я был готов, слава неизвестному багу при ритуале. Сейчас нужно было держать марку.

Я бросил быстрый взгляд вокруг. Не хохотали Карл и ещё пару парней. И Семён, тоже оказавшийся тут. Ну да, его же разжаловали в младшую группу.

Ещё не подражала большинству компания, державшаяся обособленно. Трое ребят, очень похожих друг на друга. Возможно, братья. Но те были скорее не на моей стороне, а против

всех. Одинаково презрительно смотрели и на меня, и на высший свет адептов.

— Удобно то как, наверное, газон подправить можно в обители. Ценный сотрудник получится...

Пока сквозь хрюканье звучали неоригинальные шутки, я примерялся к оружию. Баланс меня приятно удивил — легла в руке идеально, без перевесов и неудобств. Действительно прямо для меня.

Для проверки я легко взмахнул, лезвие рассекло воздух в нескольких сантиметрах от носа монаха и он тут же перестал потешаться. Хм, неплохо, но надо учитывать габариты.

Я перекинул косу в левую руку и изобразил захват и рывок на себя. Тяжеловато для одной руки, но в случае чего справлюсь. Интересно, а насколько она острая? Таким маневром вряд ли получится отрезать голову, а вот если взяться покрепче...

Я увлекся изучением и возможностями моего оружия и не заметил, что смех прекратился. Темное, будто черненное, полутораметровое и широкое лезвие резало воздух, а тот словно и не сопротивлялся.

Очнулся я лишь тогда, когда понял, что вокруг меня образовалась пустота, а в аудитории стоит тишина. Лезвие чиркнуло по полу и полетели искры. Странный сплав оказался крепче камня, и на том появилась глубокая борозда.

Такого эксперимента проводить я не собирался. Не рассчитал траекторию, да и к длине ручки привыкнуть нужно. Но металлургия тут интересная...

— Так, — поспешно заговорил брат. — Как видите, адепты, для призыва вам потребуется печать и слова. Этого, как можно наблюдать прямо сейчас, может быть недостаточно, чтобы получить достойное оружие, но на то воля всеблагих. А теперь всем разойтись и пробовать.

Ну хмырь, не удержал желчь всё же. Я бы тебе язык своей косой то подрезал. А то и ещё кое что. От моего многозначительно взгляда монах шарахнулся, но тут же одернул себя, приняв изначальный безразличный вид:

— Строганов, раз уж ты снова с нами, помогай адептам. Нечего без дела прохлаждаться.

Штрафник вздохнул и принялся ходить от адепта к адепту, разъясняя что делать. Михаил, свалив свою работу на другого, со скучающим видом отошел и достал телефон, уткнувшись в экран.

Ах ты же. Из головы с этими приключениями вылетело. А ведь мог попросить у Глеба. Да хотя бы спросить! Замечтался о выкосе демонов. Ладно, собрались, никакой твари больше не удивляемся. А на всякий случай ещё и здороваемся.

Призвать оружие больше ни у кого не получилось с первого раза. За это меня награждали ненавидящими взглядами. Особенно старался один чистокровный. Вероятно бесспорный отличник.

Высокий и довольно крепкий парень с хищным орлиным носом пыхтел и злился. Это, естественно ему и мешало сложить фигуру. Но виноватым ему хотелось сделать меня.

— Помочь? — в итоге достал меня его очередной злобный взгляд.

— Пшел в бездну! — он покрылся красными пятнами и тут у него получилось.

Не хотелось бы мне думать, что оружие выбирается больше подсознательно. Ну я точно не думал об уборке урожая. А вот этот носатый точно мечтал об огромном пафосном фламбеге. Столько удовлетворения вызвал возникший из воздуха пламенеющий двуручник.

Правда, от счастья он его чуть не выронил, но сподобился перехватить и кинулся на меня.

Нет, ну не debil ли? Беглый взгляд на монаха — тот отвлекся от мобильного, но наблюдал равнодушно. Попытки остановить психованного аристократа он не сделал. Отлично, значит всё сами.

Увернуться от несущегося на меня придурка было несложно. Фламберг его явно перевешивал, придавая ускорения и лишая маневренности. Да ещё и схватился за рукоять коряво, одну руку на другую положил. Так только на таран и получится пойти.

— Ааааа, — пронесся он мимо, не в силах затормозить.

На его пути расступались и парень так и долетел до стены, в последний момент убрав меч в сторону. Вписался он плечом, от удара меч выпал из рук и со звоном упал на пол.

Брат Михаил разочарованно хмыкнул и вернулся к телефону. Раздались тихие и осторожные смешки. Орлиный нос завелся от этого ещё больше. Он поднял фламберг, перехватил его уже как положено и двинулся на меня.

— Может не надо, а? — с надеждой предложил я. — Твоя игрушка круче, всё на этом, расходимся.

— Защищайся! — воодушевленно проорал он в ответ и махнул наискосок.

Я плавно ушел в другую сторону, а паренька занесло и острие добавило ещё одну борозду в каменный пол. Тут то я и заметил, что он весь покоцанный.

Можно было просто подождать, пока он выдохнется. Махал мечом он со всей дури, удерживать от инерции тоже приходилось, тратя силы. Ещё несколько таких упражнений и всё.

Но это могло затянуться, учитывая возросшие физические возможности после ритуала. Кто знает, на сколько хватит этого дурня? А мне хотелось поупражняться, привыкая к оружию. Тренироваться нужно очень много, чтобы действовать на автомате, освобождая голову для другого.

— Ааа! — опять раздался боевой клич и машина полетела сверху вниз.

Снова уворот, танцы какие-то. Фламберг, рухнувший вниз, выбил из камня приличный кусок. Так он тут всё разнесет... Жалко. Я подскочил сзади и, перехватив косу ближе к лезвию, приставил его к шее. Изгиб лишил всякой возможности дернуться. А удобно!

Аристократ застыл, мелко дрожа от напряжения. Кромка лезвия, более светлая, блеснула на солнце в сантиметре от ходящего ходуном кадыка. Пустить бы немного благородной крови, но острота лезвия мне неизвестна. Перерезать плотку на первом же занятии будет невоспитанно.

— Успокоился? — тихо прошептал я ему на ухо.

В этот момент дверь в аудиторию распахнулась и там появился взлохмаченный Глеб. Он оценивающе склонил голову, пробубнил «всё ясно» и приказал:

— Адепт Илья, за мной.

— И на каком основании вы забираете адепта посреди занятия? — холодно поинтересовался Михаил.

— На том основании, что я его наставник, брат. И могу забирать его куда угодно и когда угодно, — отрезал мужик.

И когда он успел стать моим наставником? И когда я на это соглашался, самое главное? Но при всех такое спрашивать я не мог. Поэтому отозвал косу и оружие, вспыхнув, красиво растаяло в солнечных лучах.

Парень облегченно задышал и схватился за горло. И тут же попытался изобразить грозный взгляд, но слишком перетрусил. Получилось такое выражение лица, словно он на

толчке пыжится.

И вот такого на демонов пускать? Я покачал головой, отправляясь на выход. Надеюсь, что обучают тут всё же хорошо, не смотря на происхождение и характер.

— Ты и пары часов не можешь без того, чтобы проблем найти? — беззлобно спросил Глеб, пока мы шли по коридору.

— Это они сами меня находят, — пожал я плечами и сменил тему: — А куда мы идем?

— К настоятелю, — недовольно ответил монах. — Хочет сам лицезреть выдающегося новичка.

— Ты чего ему наговорил? — тихо процедил я, озираясь.

Но в обители было пусто, похоже все находились на занятиях. Только издали слышались выстрелы, на полигоне шла боевая тренировка. И птицы чирикали, не обращая внимания на канонаду. Привыкли, наверное. Или оглохли давно.

— Пришлось импровизировать, — недоволен наставник был явно собой. — Потому что князь уже успел подсуетиться и озвучить свою версию. И ждал тебя долгий отдых в изоляторе. На месяц собирались упечь, пока ты там не свихнешься.

— О как... Ну спасибо тогда. Наверное.

— Вот именно, не торопись благодарить. Пришлось наплести, что ты чуть ли не самый перспективный адепт, коих принимала обитель за всё время своего существования. Занесло меня слегка, — виновато пояснил он. — Поэтому и сказал, что беру тебя в ученики. Это то настоятеля и проняло, первый ты у меня подопечный.

Я даже запнулся от такой новости. Вот и отмазал от наказания, теперь соответствуй самому из самых. А ведь с такой репутацией каждый высокородный теперь захочет на место поставить. Да ну чтобы вас всех.

Прости, брат Еврипий, не получилось у меня не отсвечивать. Совсем.

— Да и выбора не было, если бы не взял, то никакая «особенность» не спасла бы от наказания. А теперь на мне вся ответственность. За все твои проступки, — неохотно добавил монах и глянул с подозрением. — Но я могу тебя наказывать, так что не думай, что теперь тебе всё можно. И ещё раз врежешь признанному, отвечать придется. Во второй раз уже на случайность не списать.

Формально, взяв нас с собой, Глеб и стал нашим наставником на время задания. И уточнил, что если спросят, то принял меня под свое крыло ещё до возвращения. Бюрократия, чтобы её.

— О, — вспомнил я, — мне ещё вчера надо было в канцелярию зайти, что-то там оформить.

— Твои документы уже у настоятеля, вместе с личными вещами. Там и заберешь.

Личные вещи? Неужели хоть что-то прояснится о том кто я и откуда. Вот это хорошая новость. Если повезет, то и телефон среди имущества найдется.

Настоятель нас принял сразу же. Неприступная вахтерша всё равно окатила нас таким взглядом, будто мы преступники и незаконно пытаемся проникнуть на священную территорию. Я улыбался женщине из всех сил, но её не проняло.

— Брат, адепт! — радушно встретил нас колобок и жестом пригласил садиться перед его столом.

Кабинет настоятеля являл удивительную картину. Скромные пустые стены соседствовали с вычурным массивным столом, навскидку из того вида дерева, что давно исчезло с лица земли. То есть даже не дорогого, а бесценного.

Пол устлали шикарные ковры, а для посетителей стояли простые стулья. В то время как его антикварное кресло выглядело тронem. И хочется, и колется, что называется. Венчала эту эклектику огромная хрустальная люстра, отбрасывающая на всё помещение тысячи солнечных зайчиков.

Глеб не рассчитал силу, а может и рассчитал, но хлопнул дверью, хрусталь звякнул, а настоятель поморщился.

— Итак, — начальство лениво пролистнуло тощее дело, лежащее на столе. — Адепт Илья, из Оренбургской губернии, уезд... Пря... Как?

Лячь, да я откуда знаю? Я едва не схватил папку, чтобы посмотреть у кого там проблема с почерком, но вовремя спохватился и просто застыл.

— А, неважно, — настоятель, к моему облегчению, не стал дожидаться ответа. — Доставил вас сюда брат Еврипий. Ну у вас там и имена с названиями... Сирота, попал в обитель в годовалом возрасте. Подкидыш, понятно.

Толстяк лениво водил пальцем, зачитывая ценные сведения и я задержал дыхание.

— Так, для проверки искры был вызван искатель из Санкт-Петербурга. О как. Брат Еврипий, смотрю, возлагал на вас особые надежды. И тоже заметил потенциал, как и наш уважаемый брат Глеб. Что же вы, юноша, не смогли произвести такого же впечатления на великого магистра? Вот его пометки, весьма... Нейтральные.

Он уставился на меня, внимательно ожидая ответа. Мне показалось, что моя коса сильно впечатлила магистра. Так что произвести удалось. Не то, что нужно, но тем не менее. И что мне ответить? Старый ваш магистр, с головой уже совсем плохо, да и зрение подкачало?

— Смутился я, наверное, сам великий магистр как никак, — я выбрал версию получше.

Ведь чуть не спалился. Запнулся, но успел добавить «наверное». Но и на это настоятель махнул рукой. Ещё раз окинул приторным взглядом, что-то молча обдумал и благословил:

— Ну что же, подойдет.

Мне точно не понравится, куда подойдет. Тем более что мой наставник от вердикта помрачнел. Куда я вышел мордой, мне объяснили сразу же. Пухляш засиял слащавой улыбкой и торжественно изрек:

— Завтра состоится официальное посвящение, а сегодня вечером состоится, хм, скажем так, неофициальное. Великий князь организует прием, на который приглашают самых перспективных адептов. Это уникальный шанс познакомиться с высшим светом и завести полезные связи. Понимаю, что вас это тоже может смутить, но там уже заинтересовались вашей персоной, так что прятать вас от внимания его императорского высочества мы не можем. Брат Глеб вас подготовит, — настоятель царственно махнул рукой на выход, и добавил с угрозой: — Не опозорьте нашу обитель, юноша.

Вот тебе, Ильюха, ещё одной новостью по голове. Получите, распишитесь. Из ямы с демоном в высший свет. Высочество и великий князь — это получается принц? А я к нему с косой, нда.

Нас вдохновили оказанной честью и быстренько отправили прочь. Готовиться. Мне впихнули бумажный пакет с моими личными вещами, какие-то бумаги, вероятно расписание и памятки.

Внутри пакета заглянуть не удалось. Глеб бегом рванул к циркулюнику. И пока брадобрей колдовал над моей лохматой башкой, проводил спешную лекцию. Монах вооружился клочком бумаги, карандашом и втолковывал гербовые премудрости.

— К гербовым не лезть, слушайся совета матушки Карла. Сами гербы позже выучишь, будут у вас занятия. Но определить кто перед тобой можно быстро, по форме щита. Вот такой у светлейших князей, к ним обращайся светлостью. Этот княжеский, они у нас сиятельства, как и графья, но у тех щит каплевидный. Бароны на круглом, благородия.

Я ошалело слушал сквозь лязганье ножниц и запоминал. Тут то до меня дошло, что сам Глеб имеет графский щит. А значит признанный и высокородный. Эта новость удивила даже больше, чем новая форма.

Похожая на прежнюю, но выглядящая на порядок дороже и пошита умелее. У завхоза Владимира, который резко поменял своё отношение ко мне и лебезил, горячо обещая, что я получу ещё лучше, в самое ближайшее время. Для чего тот снял мерки и отвесил сомнительный комплимент хорошей фигуре.

Наставник мрачнел с каждым моим преображением. Я тоже не особо радовался, что меня разряжают, как девицу на выданье. Хотя, что скрывать, подстриженным и хорошо одетым быть приятно.

— Послушай, Илья, — остановился он в пустом коридоре. — Я вижу, что ты парень хоть и непростой, но всё же из уездных. Не позволяй себя купить этими тряпками и вниманием. И совет мой...

— Прежний, я понял. Ни на что не соглашаться, — я улыбнулся и попытался его успокоить. — Не переживай, чтобы меня заинтересовать, придется целую империю предложить.

Моя шутка с долей шутки ему не очень понравилась, но наставник немного расслабился.

— Постарайся, хм, молчать и не лезть на рожон. Дерзость твоя, вероятно, придется по нраву тамошней публике. Они привыкли, что все перед ними пресмыкаются. Так что мелкие орехи простят, да позабавятся. Только, ради объятий Вечной, не переусердствуй!

Да понял я уже, что княжичам не надо ломать благородные носы. Долго он ещё мне припоминать это будет? Ладно, потом объясню, что учусь я быстро.

Пока мы носились туда-сюда, день шел к закату. Обед я пропустил, но у цирюльника мне дали бутербродов. Как кормят на великосветских приемах, я знал. Никак. Их закуски разве что воробьев могут накормить.

Но на голодный желудок и соображается лучше. Потерплю до ночи, а там наведаюсь в столовую. Это мне снова пообещал Глеб.

Суета и беготня вкупе со множеством сведений, впихиваемых в память, меня измотали. Хуже марш-броска, видят боги. Вишенкой на торте для меня стал автомобиль с личным водителем в лице наставника. Тот, похоже, собрался меня поджидать и подстраховывать.

Пока он рассказывал про императорскую династию Романовых, я смотрел в окно. Небоскребы опять грозно нависали. Мы ехали к ним, в центр поднебесной жизни. И тут я увидел первый блок-пост. В эту часть города просто так не пускали.

Но, едва заметив наши нашивки, военные дали добро на въезд. Даже документов не попросили. А вот это интересно. Всё же не настолько плохое положение у служителей церкви, как мне показалось.

Мы углубились в царство стекла и неона и заехали на подземную парковку центральной башни. Здание напоминало шишку, то есть реально фаллический символ в самом крупном масштабе. Императорский?

Под землей этот императорский жезл уходил ещё на несколько этажей. Нам пришлось спускаться на шесть. Там Глеб и остался, напоследок напомнив «не дурить» и я зашел в

лифт.

На нём доехал до вестибюля, где для меня вызвали другой и, используя электронный ключ, отправили наверх. Никаких кнопок и цифр в сверкающей металлической кабине не было.

Лифт доставлял только в одно место, в пентхауз его императорского высочества, на самый верхний этаж. Одну из стен лифта занимало окно в пол. И, когда он устремился вверх, внутри ухнуло и сжалось. Улица с прохожими с невероятной скоростью исчезла внизу, а я поднимался над городом среди переливающихся небоскребов.

Меня одновременно тянуло подойти поближе и отталкивало. Завораживающее зрелище стирало границу. Казалось, сделай шаг и полетишь.

И только звуковой сигнал вывел меня из гипноза. Я был выше всех, остальные здания не смели спорить с главным и горели огнями посадочных площадок для вертолетов подо мной. Пришлось приводить себя в чувства злорадной мыслью, что будет, сломайся лифт. Сколько же по лестнице тут идти...

Двери с тихим шипением открылись и меня окутало шумом и ароматами. Голоса, женский смех, сигары и алкоголь. Я шагнул в холл пентхауса.

Приглушенный свет смягчал силуэты гостей, прохаживающихся по первому этажу. Наверху, в тени балконов второго, тоже скрывались фигуры. Я шагнул и ботинки утонули в густом ковре. С монстрами под землей я уже познакомился, теперь познакомимся с монстрами поднебесья.

Глава 16

Среди гостей выделялись, в первую очередь, адепты. Черная строгая форма сразу привлекала внимание, среди изящных и модных нарядов. Мой изголодавшийся взор сразу устремился к прекрасной половине.

Тут, в почти приватной обстановке, дресс-код позволял многое. Откровенные декольте и высокие вырезы, оголенные до ямочки на копчике спины, облегающие второй кожей шелковые платья... Ух, соберись, Илья, ты на задании.

На каком, правда, вспомнить я не мог. Ко мне подлетел официант и даже не предложил, а впихнул в руку высокий бокал с шампанским. Шипучку я выпил залпом и тут же вернул пустую тару немного удивленному парню.

На моё прибытие отреагировали женскими томными и мужскими оценивающими взглядами. Мимолетные, но внимательные. Посмотрели и вернулись к беседам.

Я привычно отметил входы и выходы, пересекая холл. Знакомых у меня тут не было. И слава яйцам. Точнее, к своему неудовольствию я обнаружил несколько перспективных адептов, успевших стать узнаваемыми.

Княжич Ростовский и носатый носитель фламберга держались рядом. С ними беседовал статный мужчина в парадной военной форме с махровыми эполетами. Высокий воротник держал его шею таким жестким корсетом, что голову он поворачивал вместе с корпусом.

Я гордо и одиноко встал у панорамного окна, задумчиво наблюдая за вечерним городом. Когда не знаешь, чем себя занять, делай вид, что решаешь в уме проблемы мирового масштаба. И люди сами к тебе потянутся.

И людьми потянуло.

Сначала я ощутил необычные духи. Необычные для девушки — тяжелые древесные ноты с чем-то сладким. Моя рука оказалась в плену у восхитительного создания. Пленяющие

изгибы тела, едва прикрытого струящимся золотым шелком. Как держится такая конструкция на тонких бретельках я никогда не понимал.

Кажется, одно неосторожное движение и платье водопадом хлынет на пол, обнажая её тело, как рабыню на невольничьем рынке. Зараза, что за шампанское мне подсунули?

Жгучая брюнетка с удивительно синими глазами улыбнулась мне по-дружески. Как если бы мы были давно и близко знакомы. Она повернулась к окну, смотря туда же, куда я уставился до её приближения.

И принялась с интересом разглядывать далекие огни.

— Вы тут впервые? — от её чуть хриплого голоса мурашки пробежали по спине.

— Так заметно? — с трудом собрался я и отвлекся от незнакомки.

— Ну, — она повернулась и наградила ещё одной улыбкой, полной обещаний. — Я могла бы сказать, что ваше поведение выдает вас. Но, во-первых, сегодня тут полно адептов, — она кивнула на нашивку. — А во-вторых, я знаю всех в лицо. И вас я вижу в первый раз.

— Меня устроит первый вариант, — вежливо оценил я её логику. — Вы меня вычислили. Простите, но мы не представлены...

Все инструкции наставника вылетели из головы, как только я почувствовал её близость. Девушка не прижималась вплотную, но при этом стояла так близко, что я чувствовал тепло её тела.

Соберись, Илья, нельзя сдаваться первой же... фее. Брр, наваждение какое-то.

— Ой, — умело засмузилась она. — Прошу извинить, вы так... Необычны. Меня зовут Мария, для друзей Мари. И я надеюсь, что мы подружимся.

— Илья, ваше светлость, — мои глаза нашли герб — в виде золотого кулона на шее.

Месяц и звезда из увесистых камней глубокого красного цвета, на княжеском щите из золота покоился между полушарий третьего размера. Терялся там, как и я, пытаюсь рассмотреть герб. Исключительно для того, чтобы разобраться, кто передо мной.

— Ну что вы, Илья, для вас просто Мари. Позвольте представить вас моим друзьям?

А вот уже было более продуктивно, чем залипать в княжескую грудь. Навязываться самому было неприлично, а милая княжна могла взять на себя роль моего «представителя».

— Благодарю, буду вам признателен, — я кивнул и улыбнулся.

И меня начали представлять. Князьям и графам, генералам и адмиралам. По одному и тому же сценарию. Обмен именами и титулами, осведомление о здоровье, погоде и экономике. Светские разговоры сводили меня с ума, но я держался.

Не без помощи княжны, которая умело уводила меня дальше и дальше, переходя от одной группы аристократов к другой. По пути я опрокинул, то есть уже неторопливо пригубил, ещё пару хрупких бокалов.

Торжественная часть с выступлением его императорского высочества, цесаревича Георгия, задерживалась. Но никто не беспокоился по этому поводу, обмениваясь любезностями и поглощая шипучку. Официанты метались, поднося поднос за подносом.

Закуски, кстати, я так и не увидел. От чего разгорелся аппетит. И не только на еду. Мари не отпускала мою руку, изредка позволяя чуть прижаться в пылу разговора. В такие моменты она тихо смеялась чьей-нибудь шутке, которую я уже не слышал.

— Не желаете освежиться? — лавируя между людьми, прошептала она мне на ухо и указала на приоткрытую стеклянную дверь.

За ней находилась терраса, огибая, похоже весь этаж. Там царил полумрак и вроде

никого не было, поэтому я согласился. Хотя на пять минут избавиться от болтовни. Пусть уединяться с княжной я опасался, но её поведение не было похоже на наглость баронской дочки.

Хотя такое внимание и благосклонность навевали..

Свежий ночной воздух немного остудил меня. Девушка изволила отпустить мою руку и я облокотился на перила, чуть перегнувшись через край. Голова тут же пошла кругом. Высота была настолько большой, что вестибулярный аппарат сдал. Но я стойко выдержал приступ тошноты, заодно избавившись от гипнотического воздействия красотки.

Разное в моей жизни бывало, взять хоть бы последнюю нифму, забравшую жизнь. Но чтобы так теряться перед женской притягательностью... Улица, прохладой и городским шумом, помогла включить мозг.

Магия, Илья, не иначе как долбанная магия. Ни на что не соглашаться? Мне ещё ничего не предлагали, наоборот вроде помогли, знакомя почти со всеми гостями. Так что же ей нужно от меня, безродного? Интересно.

Мари тем временем нахмурилась. Всего на краткий миг, но показала досаду. Она сделала небольшой шаг ко мне, затем ещё один. И смотрела, наблюдая за реакцией. Я не шевелился, ожидая, что же будет дальше.

— Ваше сиятельство? — изобразил непонимание я.

Посмотрим, как далеко она... Княжна обвила руками мою шею, притянула к себе и поцеловала. Уж не знаю, рассчитывала она на мою робость или нет, но я прижал к себе шикарное тело, с отдельным удовольствием запустив руку под глубокий разрез на спине.

Чего теряться, когда такая сладкая добыча сама тебе в руки падает? Разберемся по ходу дела, а пока...

— Что тут происходит? — грубо нарушили наше знакомство.

Да чтоб тебя, я только собрался выяснить стратегически важную информацию. Как далеко зайдет в своей игре княжна. В конце концов, одно дело дразнить, а другое дать. Ну или взять, как уж повезет.

От того, кто нарушил наше приватное общение с девушкой, я застонал. Доморощенный гангстер, княжич Воронежский, собственной персоной. С кобурой и целым лицом. Очень недовольным лицом.

— Брат? — удивилась Мари. — Ты что здесь делаешь?

Ну охренеть, повезло так повезло! И ведь никакого фамильного сходства. Ладно, парень на соблазнительную девицу похож не был. Да они вообще не были похожи.

— Как ты осмелился прикоснуться к моей сестре? — проигнорировал он вопрос и потянулся к своему единственному аргументу, двухкилограммовому «орлу».

Не ломай нос, выскорородным, Илья, не ломай... Ну как среди всех аристократок и адептов, сошлись именно мы? И именно в такой недвусмысленной ситуации? Я бы заподозрил княжну в провокации, но она искренне удивилась.

Настолько, что даже руки от меня не убрала. Да и я от неё. Уж больно приятно упругости сейчас находились в моих ладонях. Идеально легли.

— Тыыыы? — узнал меня княжич. — Ты! Ты должен гнить в тюрьме, за то, что...

Тут он запнулся, сообразив что выставит себя не в самом выгодном свете. Я неохотно оторвался от княжеской задницы, убрал руки девушки со своей шеи и шагнул к её брату. Ничего я делать с ним не собирался, но парень дернулся назад, одновременно судорожно хватаясь за застёжку на кобуре.

Да что же вы тут все нервные такие. В приличном обществе находимся, а всё туда же. Руку с пистолетом я перехватил и рывком вернул оружие обратно. Намек княжич не понял и опять попытался достать оружие. Я снова вернул. Повторили мы этот идиотизм ещё два раза.

Поняв, что я не дам ему вооружиться, но и морду не бью, братишка выгнул свободную кисть, прижимая большой палец к указательному. Он торопился и злился, не лучшие соседи для концентрации.

Я лишь догадывался, что он складывает какую-то печать. И перехватил его пальцы, легонько нажав. Болевой прием сработал, парень болезненно сморщился и рухнул на колени. Опять я не рассчитал силу, зараза.

— Илья! — очнулась княжна и бросилась ко мне, повиснув на руке. — Прошу, не трогай моего брата. Ваня, ты тоже успокойся!

Иванушка, очень подходящее имя. Я исполнил её желание и отпустил братца, но не отошел. Забрать бы у него ствол. Или хотя бы патроны. Будет это считаться дерзостью или непоправимым оскорблением?

Остудила меня, как ни странно, мысль о Глебе, ждущем внизу. Из-за него я вляпался в уйму неприятностей, но теперь отвечать за меня будет он. Стоит ли этого того, чтобы оставлять вооруженного придурка у себя за спиной?

Да не стоит, мать его! Я наклонился и выхватил оружие так резко, что никто не успел отреагировать. Передернул затвор, отсоединил магазин и принялся отщелкивать патроны, тут же запихивая их в свой карман.

— Ты... — хлопал ресницами Ваня, так и не поднявшись с колен.

А ведь не его я хотел бы на коленях перед собой видеть... Пока я сожалел об упущенной возможности, магазин опустел и вернулся на место. Вот теперь хватит.

— Простите, но вынужден вас покинуть, — откланялся я, заметив движение гостей за тонированными стеклами. — Похоже его высочество собирается говорить.

Воронецкие остались на террасе, а я вернулся в холл. Тут и правда началось оживление. Все стягивались к небольшому возвышению. До этого там играли музыканты, теперь же на подиуме стоял только один человек.

Проклятая семейка преследовала меня, как страшный сон. Светлейший князь, батя страстной дочурки и неуравновешенного сыночка, жестом призвал к тишине.

Прямо на него светил прожектор и меня князь не заметил. Его светлость ждал недолго, когда большинство гостей подошло ближе, он объявил:

— Его императорское высочество, цесаревич Георгий!

Справа бодро появился хозяин приема. Ещё молодой, лет тридцати. Статный, царственный и в военном мундире. Как я не старался, признаков особого высокомерия или прочего нарочитого величия, я не увидел. Принц живо оглядел толпу, широко улыбнулся и тепло заговорил:

— Рад вас всех видеть, друзья! Сегодня лично для меня повод особенно приятный. Завтра в имперской обители состоится посвящение новых адептов. Да хранят их всеблагие, как они будут хранить наш с вами покой.

Что-то странное было в будущем императоре. Что-то крутилось на подкорке, напрягая. Но речь его казалась вполне душевной. Вроде действительно радовался.

— И я хочу лично поприветствовать их и пожать им руку! Что и вам советую, — с легкой угрозой закончил он.

Цесаревич действительно пожал руку каждому из присутствующих тут адептов.

Спустился, сам подошел и пожелал удачи и благословения богов в нелегком деле. Удивил, ну хоть приятно.

Может мне и показалось, либо хотелось того, но рядом со мной он задержался чуть дольше, разглядывая с интересом. И даже вдруг спросил:

— Как служба?

— Не жалуюсь! — автоматом отрапортовал я, вытянувшись по струнке.

На что получил одобрительную усмешку и его высочество пошел дальше. Ладно, может меня утомили лицемерные рожи, но парень пришелся мне по душе. Только затаенная тревога не отпускала.

Чей-то взгляд почти физически прожег мне затылок. Я обернулся, но было слишком многолюдно и найти источник не удалось. Указания от Глеба были такие, что тут нужно торчать ещё какое-то время. Сразу после выступления наследника уходить не полагалось. Только с его позволения и по уважительной причине.

Поэтому я маялся по помещению, высматривая отпрысков Воронежских. Золотое платье княжны мелькало среди гостей и я держался подальше. В итоге поднялся наверх, на балкон второго этажа, и занял наблюдательный пункт в тени колонны.

Ну хоть умение слиться с обстановкой моему новому телу давалось без сбоев. Потому что те, кто тоже решили уединиться, меня не заметили. А я не успел выступить на свет, как завязался напряженный разговор.

— Сейчас же прекрати! — шипел седовласый мужчина в сюртуке, делающим его похожим на пингвина. — Если тебя услышат...

Он грубо одернул женщину, еще молодую и в прекрасной форме, но юной её уже назвать нельзя было. Мне с женским возрастом всегда было нелегко, либо хороша, либо нет. Двадцать, тридцать, сорок... Порой и меня могли удивить цифрами, так что я давно бросил пытаться оценивать.

— И что? — горделиво вскинулась она, вырываясь из цепких рук. — Я имею полное право сказать его высочеству, что он унаследует. Уж не ты ли учишь этих мальчиков правам и обязанностям, данным по праву происхождения от всеблагих?

Я ещё вжался в тень, затаив дыхание. Не хватает мне преподавателя обители подловить на горячем. Или холодном, неважно. Но стать свидетелем разговора, не предназначенного для чужих ушей, чревато. Укуси меня та рогатая собака за задницу, свалите отсюда.

Кто же в таких людных местах ведет беседы...

Им меня не представляли, так что я лишь отметил графский щит на его одежде. Никаких украшений на женщине не было, так что происхождение своенравной дамы определить не удалось.

— Не передергивай, Дарина, — раздраженно ответил её собеседник. — Твой идеализм вовсе не изюминка, как тебе кажется. Я же сказал, что передам совету твои слова.

— А совет их передаст его величеству? — женщина едва не зашипела, как разъяренная кошка. — Император вообще в курсе, что наши союзники играют на две стороны? А то и на три! И вообще вопрос союза с...

— Тихо! — шикнул граф и посмотрел прямо на меня.

Ну мне почудилось, что на меня. Тем не менее, я выдал себя проклятым животом. Он заурчал в самый неподходящий момент. Ну что за нетерпеливый организм, одного завтрака ему не хватает.

— Выходи сейчас же, — приказал он, молниеносно сложив неестественно кривую

печать.

— Простите, в мыслях не было вам мешать, — тут же покинул я укрытие.

Ловкость немолодых пальцев произвела на меня нужное впечатление. Этот уложит, моргнуть не успею. А мне ещё нужно научиться защите от подобного.

— Адепт? — удивился он и распрямил пальцы. — Что вы тут делаете? А, ну в смысле почему вы прячетесь наверху?

Седовласый из всех сил старался изобразить благодушие, но его спутница не стала притворяться. Ей, похоже, было наплевать, кто услышит. Она просто отвернулась, выискивая взглядом кого-то в толпе внизу.

— Я, ваше сиятельство, просто немного утомился. Не привык к столь важным мероприятиям. Я пойду, да? — сыграл я на старой шарманке в дурачка.

Оказаться такому персонажу тут было почти нереально. Но граф отчего-то поверил, не иначе как от растерянности, что их подслушали.

— Да, да, конечно, юноша, идите. Время уже позднее, обитель закрывается. Вам, вероятно пора. Но...

Я остановился на полпути, обернувшись:

— Я ничего не видел и не слышал.

— Конечно, конечно... — закивал он и махнул рукой.

Похоже, на этот раз пронесло. Всё равно я ничего не понял. Союзники, которые не союзники. Сведения, что оседают в совете, не доходя до императора. Оно мне надо вообще?

Спустился я напрямиком к лифту. Если что, на его светлость и свалю. Велел в обитель отправляться, что же мне — не слушаться? Только вот в той неловкой ситуации мы не представились друг другу.

Голова гудела от игристого, пустой болтовни, детей князя Воронежского и даже от цесаревича, от которого было не по себе по непонятной причине. Вернуться в монастырь, поесть, помолиться и спать.

Этот простой и реалистичный план грел меня, пока кабина стремительно ухнула вниз, на землю. Короткий переход, второй лифт на парковку и вот двери разъезжаются, чуть скрипнув.

Я как раз разминался, дотягиваясь до носков ботинок. Это мне и спасло жизнь. В то место, где должна была быть моя голова, прогремев выстрелом на всю парковку, влетела пуля.

Глава 17

Я бросился направо и вниз, перекатом вылетая из лифта. Остаться в этой ловушке равнялось скорой смерти. Где-то сбоку, совсем рядом, я запомнил толстенные основания, удерживающие перекрытия.

Тело снова сыграло со мной злую шутку и я перестарался, вылетев тут же на открытое пространство. Тем не менее и это мне помогло, линия огня оказалась не там, где я думал.

Бетон взрывался фонтанами, его прошивали пули. Здоровенные, бронебойные и в полуавтоматическом режиме. Хреновый расклад и версия о психованном княжиче отпадала сразу же.

Бежать наверх, прятаться за машинами или вызвать оружие? Последнее развеселило, как только я представил себя, на лету отбивающего пули косой. Такого нападающие точно не ожидают.

Где Глеб? Неужели его уже убрали... Мысли стремительно пронеслись в голове, пока меня поливали градом пуль. Настойчивые ребята и боезапас у них приличный. Я шарил в карманах, пригибаясь и убегая к замеченному закутку. Там стояли какие-то контейнеры и освещение еле добивало туда.

Не увидят, не смогут толком прицелиться, пусть и не лучший вариант. В моих руках оказалась монета подземного города. Сигма, так её назвал Глеб. Тут должен быть ход и я его найду.

Само провидение или интуиция привели меня сюда. Хотя я просто вычислил самый неприметный участок парковки. Дверь, скрытую за мусорными контейнерами я вышиб со всей дури. Может, она и открывалась, но пули под ногами придавали ускорения.

Уже когда я влетел в темный зев, одна такая «оса» меня задела. В лодыжке резануло, я заорал, запнулся и пропахал бетонный пол, собирая мордой мелкие камни. Вскочил и даже не думая о том, куда я несусь без фонарика, оружия и с открытой раной, я рванул направо.

Не снижал скорости я, пока не добрался до первой развилки. Потолок становился всё ниже, в воздухе витала сырость, оседающая влагой на лице. Я повернул направо, затем налево, ещё раз направо, зачем-то считая и запоминая развилки.

Понимал, что бегу хрен знает куда, но остановиться не мог. Замедлился только тогда, когда дыхание окончательно сбилось. Меня вело какое-то звериное чутье и ему полностью доверился.

Водил носом, как пес, выискивая изменения. Выход на поверхность. Несколько раз до ушей долетали шорохи, далекие и приглушенные, как из-за стены. Руки все перепачкались в грязи, пока я ощупывал путь в полной темноте. Бился с разбега, находил повороты и продвигался дальше.

Сколько я там бродил, я не понял. Как и то, с хрена ли я начал метаться. В башке творился полный сумбур, нога горела и я сделал привал. Пожертвовал рукавом, оторвав его и перевязав рану. Если тут водятся демоны, не лучшая идея оставлять кровавый след. Так я паровозом соберу весь bestiary.

Выход я почуял. Потянуло воздухом, таким чистым и вкусным, что я почти прослезился. Спустя десять минут увидел и свет. Веяло свободой сверху, так что я нащупал люк и выбрался выше.

Тут уже были какие-то технические тоннели, где трубы и провода змеями извивались под потолком, а места было лишь для того, чтобы ползти. И я полз, перебирая локтями и проклиная всех, кого мог вспомнить.

Стремительно с земли под облака и ещё быстрее под землю. Ты, Ильюха, точно особенный. Какого вообще происходит? Зачем кому-то устраивать засаду на подкидыша из богами забытых земель?

Каких я врагов мог успеть занять и о чем я не знаю? Вопросов было столько, что я ускорился от злости. Выкошу, сука, всех. Вы ещё будете бояться одного упоминания косы. Забыли, что ещё делают таким оружием? Я вам устрою знатную жатву.

Ярость подстегивала меня лучше любого стимулятора. И из люка, щелью тусклого света указывающего выход, я выскочил, как черт из табакерки. Но врагов поблизости не оказалось.

Ночь ещё не прошла, небо и не собиралось светлеть. Это мне показалось, что я провел в вонючих лазах целую вечность.

Я был на берегу залива. Пахло тиной и её разводы темнели на песке. Я брел к воде, запинаясь. Вытащив меня наружу, спасительный гнев растворился, оставив жуткий

отходняк. Нога пульсировала болью и отказала в метре от чуть поблескивающей водной ряби.

Меня свалило мигом. Просто тело, перестав слушаться, рухнуло в какую-то кучу мусора. Вот зашибись, отрубиться где-то на отшибе в мусоре... В башке промелькнуло воспоминание о регенерации и сне. И сознание помахало ручкой, вильнуло жопой и покинуло меня.

Меня жрали демоны. Это было первой мыслью, когда я очнулся от боли. И ощущения зубов, впившихся в плоть. Как я сложил печать и выкрикнул призыв — брат Михаил повесился бы в той аудитории, от гордости за лучшего ученика.

Вот что значит экстремальные условия обучения.

Крыса, принявшая меня за неожиданный, но этого не менее желанный, завтрак, даже пискнуть не успела. Свист лезвия и мохнатую тушку располовинило. От этой мерзости я подскочил и, на всякий случай, очертил круг косой.

Кровожадных грызунов больше не было. А в паре метров, у воды, стоял мальчишка с огромными от ужаса глазами. Мелкий держал в руках палку, к одному концу которой было привязано корявое и щербатое лезвие.

И целился он им в мою сторону.

— Ты чего? — спокойно спросил я, покрутив затекшей шеей.

— Помочь хотел, — шмыгнул пацан носом, сжимая палку ещё крепче.

— Кому? — решил я уточнить, раз уж выдалась возможность.

— Ну так вам, брат. Вы же оттуда? — он опасливо мотнул головой в сторону люка, откуда я выполз. — Вы же защитник?

Я скосил взгляд на грудь. Нашивка каким-то чудом осталась на месте. Хорошие у них тут липучки, как и металлурги. Убедившись, я кивнул и пацан тут же опустил самодельное оружие.

Я осмотрелся — за прибрежной линией темные силуэты строений, складские. Дряхлые деревянные столбы с тусклыми лампочками через один, а то и несколько. И вдалеке марево огней небоскребов. Ничего себе я пробежался.

По идее, я каким-то образом прошел под обителью и вышел на юго-западе, к заливу. Всё таки не показалось, что вечность внизу провел. Обрато я не полезу, а ориентироваться по поднебесным могу долго.

— Слушай, парень, где обитель знаешь?

— Ну да, — ответил он и сделал небольшой шаг назад.

— Можешь провести? Ну или хотя бы объяснить, как добраться. Недавно я тут, город ещё не знаю, без твоей помощи не справлюсь.

Использовать ребенка хотелось даже меньше, чем забираться под землю, но он единственный сейчас, кто мог помочь. Жаль ничего ценного у меня с собой нет. Не патронами же с детьми расплачиваться.

— Могу, — важно надулся парнишка. — Да и недалеко это, тут дворами, через остров и на месте. А вы идти то можете, брат? — с сомнением посмотрел он на мою перемотанную ногу.

Я осторожно наступил на неё. Побаливает, но смогу. Уже второй раз раны, пусть и не смертельные, заживают слишком быстро. Та самая регенерация, которая меня вырубил. Надо у Глеба спросить, про какие эликсиры он говорил...

Мысль о монахе вызвала неприятный холодок. Есть ли у меня ещё наставник? Ведь он оставался на парковке и обещал ждать меня. Может, это по его душу пришли, влез со своими расследованиями не туда. А меня рядом видели и заодно решили убрать.

Зараза, версий многовато, а вариантов выявления верной ни одного.

— Справлюсь, — ответил я и себе, и пацану. — Веди.

Мальчишку звали Мишута. Именно так, и никак иначе, бабушка так называет. Тощий и суровый, как беспризорник, он был не сильно то разговорчивым. Но на нашивку посматривал с детским любопытством.

Почти всю дорогу мы шли молча. Мелкий, пользуясь палкой как посохом. И я, прихрамывая рядом. Странная парочка, но самое то для этого района. Темные грязные улицы, шорохи и хриплые ругательства, доносящиеся из переулков, и запах заброшенности.

Косу я не отзывал. С ней как-то спокойнее было, пусть и на земле, но чувство опасности тут не пропадало. Обострилось оно, когда я понял, что мы уклоняемся на восток.

— Ты меня куда ведешь то? — резко остановился я и перехватил оружие поудобнее.

— В обитель, — соврал Мишута как на духу, но увидев, что я не верю, тихо добавил: — Только сначала к бабушке зайдем.

— Зачем? — пацана я не боялся, но хрен его знает, может и не ребенок это.

— Вы ей поможете, а я вам, — выпалил он.

Ох, святые угодники, бабок мне только не хватает спасать сейчас. Самому выбраться да разобраться нужно. Ну что ты сделаешь с этим мелким! Пацан упрямо сжал губы и смотрел волчонком. Уже решил, что пошлю его куда подальше.

— Пойдем. Поможем твоей бабушке, — махнул я, сдаваясь.

Пацан снова шмыгнул носом, но более радостно, и ускорился. Я поковылял следом, проклиная ещё и себя. А если там гнездо демонов? Меня же за полноценного служителя приняли, а их не зовут помочь дорогу перейти.

Чем мы больше углублялись в ветхие кварталы, тем больше я сомневался. Почему они не обратились в обитель, если им нужна помощь? На логичный вопрос Мишута принялся юлить, но в конце концов сознался.

Бабушка его категорически была против святош. Почему, он не говорил. И внуку своему запрещала идти к служителям. А тут я, прямо как знамение, считай на голову свалился. В общем, пацан уверовал, что это знак и нужно действовать, пока не стало поздно.

— Да что у вас там творится то? — строго рявкнул я. — Помогу, не отказываюсь, но объясни толком, к чему готовиться.

— Гули, — сообщил пацан.

Так, не время сейчас притворяться, что я понимаю о чем речь. Какие-то очередные сказочные монстры? Мне пришлось остановиться, заодно устроив передышку, и попросить объяснить.

Мишута удивился и тут же начал огрызаться. Но, как только понял, что я не издеваюсь, принялся рассказывать. Тут его прорвало, вперемешку с детскими страшилками шли реальные факты.

Выходило, что всё же демоны. Их вид, не крупный, но особенно гадкий. Потому что основной рацион их составляли трупы. Но здешние и на людей охотились, причем нагнали и всё больше загрызали в последнее время.

Мы продолжили путь и конце его рассказа дошли до цели. Старого заросшего кладбища, ещё более темным пятном проваливающимся в и без того мрачном районе. Я даже взглянул в

сторону небоскребов — на месте.

Причину, по которой не звали храмовников, мне озвучила сама бабушка. Не такая уж и древняя, но классическая. Замотанная в платок до пояса, в длинной юбке и злобная, как те гули.

Единственная родственница мальчика была сторожем на этом самом кладбище. Кто их знает, как, но тут они жили, в небольшом домике, он же сторожка у ограды. Ограда меня особенно изумила. Перепрыгнуть её не сможет разве что безногий. Высотой кованая решетка была мне по... тому самому, которое осталось сегодня без сладкого.

— Убирайся отсюда, святоша! — завопила тут же стражница, едва увидев мою нашивку. — Нечего тебе тут делать! Не звали вас.

И началась вакханалия. Орал пацан, убеждая её, что я «нормальный», верещала бабка, обрушивая на меня, обитель и самих богов проклятия. Я слушал внимательно, заодно думая, что нахрен мне тут сдалось торчать.

Понятно, что с таким отношением к официальной религии её пошлют куда подальше. Причину, правда, понять не мог. Сожгли родню на кострах инквизиторы? Я уже готов поверить в любую дичь, но не в такое.

Длилось это долго. Вконец озверев, я прикрикнул на обоих:

— Моооолчать!

От моего рева захлопали крыльями разбуженные птицы, но и семейка умолкла. На кладбище переться среди ночи мне не хотелось от слова совсем. Но если это было правдой, а только в этом я и не сомневался, то оставить просто так я их не мог.

— Так, слушать меня внимательно. Я приведу сюда команду и они вырежут ваших гулей подчистую. К вам лично, — ткнул я пальцем в старушку, уже открывшую рот для очередных возражений. — Никто не будет приближаться. Скажу, что сам заметил. А вы будете сидеть тихо у себя. А лучше на пару дней куда-нибудь уйдите. Да, лучше так. Договорились?

Пацан всё это время отчаянно дергал меня за целый рукав. И, когда я, высказавшись, повернулся к нему, то увидел, что тот от ужаса слова проронить не может. Мишута, как заведенный, дергал, второй рукой указывая за ограду.

— Гули! — очухалась вредная бабка и, резво схватив внука, метнулась в домик, хлопнув дверью.

— Да вашу же мать! — огласил я свое мнение пустой улице и клыкастым мордам, выглядывающим из-за деревьев.

Пока гули то ли стеснялись, то ли обсуждали как меня сподручнее разделить на всех, я подошел к сторожке и громко постучал. Мне не то что не открыли, там сделали вид, что никого нет дома.

Зашибись, ночка! С другой стороны улицы стояли остатки домов. Укрытие из них аховое, да и не факт, что успею добежать. Монстры тем временем определились с намерениями и заскрежетали когтями под надгробиям, подбираясь ближе.

Не такую практику ожидал, и не так скоро, но гулям было насрать на мое расписание. Они атаковали сразу с двух сторон. Только смазанные тени метнулись по бокам и раздался свист.

Высокий, сбивающий с толку. Звуковой удар и сигнал.

Правой рукой мне было привычнее сражаться, поэтому ушел от левого, и пока тот врезался и отлипал от хрустнувшего строения, рассек второго. На мгновенное поражение я и не надеялся, поэтому немало удивился, когда тварь плюхнулась на землю, превратившись в

месиво.

Демоны двигались быстро, но недостаточно. Проблема была только в том, что их было много. Как только я припечатал первого, словно букашку, избавив от головы, хлынули остальные.

Они подбегали и прыгали, раскинув лапы с тупыми когтями-лопатами. Мне оставалось только крутиться и размахивать косой, почти не глядя куда. Вторая атака тоже захлебнулась, нашинкованные тела падали к моим ногам.

А я остервенело полосовал их, отрываясь за всё произошедшее. Кровь, или что там было внутри этих тварей, облепила лезвие и стекала, делая руки скользкими. Я пропустил одного, меня сбили с ног, я споткнулся об останки и начал падать назад.

Тут же внутри забурлило жаром, коса воткнулась передо мной, заодно протыкая круглую башку ближайшего гуля. За оружие, воткнутое в землю, я подтянул себя и прыгнул в копошащуюся массу.

— Стоять! — заорал я, увидев, что демоны принялись разбежаться.

Визг перешел с устрашающего на трусливый, и гули кинулись врассыпную, виляя и прячась между могилами. И началась гонка. Я носился, по пути подрезая и деревца, вылавливая тварей по одной.

Мельтешение тропинок, могил и улепетывающих лап сливалось в одно пятно. Глаза словно перестроились, выискивая врагов и посылая сигнал в мозг. Не то, чтобы я не промахивался. Охотясь на остатки нечисти, я разнес половину кладбища, придавал новую форму деревьям и проложил несколько новых троп.

Когда стихли абсолютно все звуки, я сначала подумал, что оглох.

Возвращался к сторожке, волоча косу по земле. Руки болели от напряжения, а в голове ссорились пчелы. Светлеющее небо немного озадачило. Сколько я тут косил?

Как только начало светлеть, место перестало казаться жутким. Ещё убрать все эти ошметки и воняющие туши... К бабке, так и притворяющейся отсутствующей, стучал я долго.

Убедил её, лишь пригрозив разнести и их жилище, приведя всю территорию к единообразному виду. Дверь приоткрылась, оттуда высунулась голова в платке, а ниже ошарашенная моська Мишуты.

Спасенные мне как-то не сильно обрадовались. Ладно, видок у меня уже мало походил на годный для великосветского приема. Зато я понял, почему служители носят черное. Голая рука была измазана чем-то темным, как в мазуте перепачкался. Только пах он ещё хуже.

— Ты... — трясущимся пальцем указала на меня эта Ванга. — Ты демон!

— Уважаемая, я устал, дайте позвонить в обитель, — проигнорировал я её подвывание.

— А вы правда всех гулей извели? — захолопал глазами мальчишка, пытаясь протиснуться наружу, но цепкая родительская рука его не пускала.

Так, похоже провозжать меня никто не будет. Вот и помогай после этого людям. Я оглянулся и осмотрел пустынную улицу. И попутку тут не поймаешь.

— Демоон! — никак не могла угомониться бабулька.

— Так, старая, завязывай. Я реально задолбался вычищать ваш гадюшник. Не демон я, — моё лицо перекосило усмешкой, отчего виновница резни отшатнулась. — Я жнец.

Глава 18

Бабка на такое признание отреагировала не самым дружелюбный образом. С грохотом хлопнув передо мной дверь. Ну хотя, нашел от кого ожидать доброго слова. Я аккуратно

постучал древком, подхохатывая. Открывай, старая, смерть пришла.

Нервы сдали и мозг начал спасаться в иронии. Я и про жнеца то ляпнул, неудачно пошутив. В таком виде лучше бы это не делать конечно...

— Эй, мне обещали проводника до обители. Мишутаааа.

С той стороны двери послышалась какая-то возня и яростное перешептывание. Затем шлепок подзатыльника, вскрип и всё стихло. Ясно, ни провожатого, ни верного направления я не получу. Отправит меня эта семейка разве что в бездну. Спасибо, только что оттуда.

Я с сожалением окинул взглядом развороченное кладбище. В звенящей предрассветной тишине с громким хлопком отлип и упал ошметок с надгробия.

Тратить силы на то, чтобы разнести эту избушку с Ягой к демонам, я не стал. Адреналин окончательно отхлынул и начало потряхивать. Как бы мне не отрубиться снова в целебный сон.

Я перебрался через низкую ограду, вышел на пыльную улочку и побрел прямо по центру дороги. Мне куда-то на север, это точно. Ориентироваться по поднебесным махинам можно было хоть из области.

Выбраться из этих пустошей, а там кого-нибудь спрошу. Всё же в цивилизованном городе нахожусь, пусть в его цивилизованности я уже сам сомневался. Прибрежные полузаброшенные кварталы вывели меня к железнодорожным путям, за которыми, как по волшебству, виднелся приличный район.

Час был хоть и светлый, но слишком ранний, и прохожих мне не попадалось. Но справа я услышал шум проезжающей машины и, пройдя мимо рядов гаражей, выбрался на широкий проспект. Город, не спящий там, в центре, тут словно вымер.

По его узкой обочине и пошел, надеясь на попутку. Становилось прохладно — одежда, пропитавшаяся кровью демонов, липла к телу, а поддувающий ветерок с залива добивал. В голове маячила только одна мысль, достать себе уже наконец долбанный телефон.

Рев мотоцикла я услышал издалека. По проспекту неслась зверюга, громким звуком разрезая сонное безмолвие. Я обернулся, перекинул косу на левое плечо и вытянул руку, голосуя. Не подвезет, так может позвонить дадут.

Я устало ждал, особо не надеясь. Оборванец на пустой дороге, кто в здравом уме остановится? Но двухколесный монстр неожиданно притормозил посреди полосы, даже не сворачивая к обочине.

Не особо я разбирался в мотоциклах, но выглядела игрушка дорогой. Спортивный, явно кастомный, весь пластик был черным и матовым, а на баке красовалось скромное Ducati. А вот водитель, прижатый к рулю, тоже весь в темном и в глухом шлеме, показался мне слишком миниатюрным.

— Доброго утра! — вежливо поздоровался я, перекрикивая стрекочущий как пулемет, агрегат. — Поможете? Мне бы до обители добраться.

Я с сомнением глянул на пассажирское сиденье, вздернутое и тонкое, больше похожее на жердочку или насест.

— Ну или хотя бы позвонить, вызвать братьев.

Мой спаситель выпрямился и поднял забрало на шлеме. Но я и до этого заметил, что передо мной не парень, куртка плотно облегла немаленькую грудь. За защитой оказалось милое личико с курносом носом и карими, почти черными, глазами в обрамлении длинных густых ресниц.

— Ну чего бы не помочь защитнику? — немного смешливо ответила девушка и мотнула

головой за спину. — Запрыгивай.

Но я когда я радостно метнулся к ней, то остановился от вопросительно поднятых бровей.

— Ты так с этим и поедешь? — она пыталась сдержать улыбку, прикусывая губы.

Охренеть, коса! Я так сроднился со своим оружием, что совершенно забыл. Ну, Ильюха, молодец ты. Ещё и рассчитывал в таком виде попутку ловить. А она не из робких, даже коса её не смутила, не говоря уж об остальном.

Мысленно поблагодарив, я отозвал оружие и кое-как забрался на этот насест. Возвышался я над девушкой на две головы и под своим весом съехал к ней вплотную.

— Второго у меня нет, ты уж извини, — постучала она по своему шлему, повернув голову вбок. — Постараюсь тебя не угробить, тут недалеко.

— А как зовут-то тебя, спасительница? — опомнился я.

— Ты лучше держись крепче и рот не открывай, — велела девушка, закрыла шлем и газанула.

Про открытый рот я понял сразу же, как словил первого то ли жука, то ли муху. Захлопнул варежку и прищурился, защищая глаза. Забил я и на то, чтобы не перепачкать спасительницу, как и не лапать чрезмерно. Обхватил под грудь и прижался к её спине.

Пялиться в спидометр не нужно было, чтобы понять, что скоростной режим мы нарушаем. Девчонка втопила так, что ближайшие объекты сливались в однообразный поток. Дукати оглушительно ревел и нес нас в обитель с огромной скоростью.

Лихачка домчала за считанные минуты, проскакивая пустые улицы под зеленую волну светофоров. Я чуть не свалился, когда она круто повернула на дорогу к главным воротам, чиркнув подножкой по дороге.

У закрытых ворот я опять спросил её имя, но вместо ответа она только козырнула и умчалась, подняв в воздух облако пыли. Стучать мне не пришлось, рык движка перебудил всю округу.

Небольшая дверь для тех, кто пришел на своих двоих, распахнулась и оттуда высунулся заспанный монах. Мужик подслеповато осмотрел меня, нахмурился, но приглашающе махнул рукой.

— Ты из какой команды то такой красивый? — зевая, поинтересовался он, закрывая за мной засов. — И где остальные?

— Остальные на кладбище, — не удержался я от шутки и усмехнулся на его вытянувшееся лицо. — Один я, с императорского приема.

Такое объяснение ввело его ещё в больший ступор, но рассказывать всю историю было откровенно лень. И без того, чувствую, придется мне её несколько раз озвучивать. И охранник на воротах точно не тот, кому это вообще нужно знать.

Мужик вроде как обиделся, но допытываться не стал. А я направился напрямиком в душ. Благо хоть старая форма есть, я её предусмотрительно успел закинуть на свою кровать. Вот как чувствовал.

Рана на ноге оказалось поверхностной, ничего важного пуля не задела. Мало того, края уже срослись, ну хоть не до шрама, как с бедром. Тот, кстати, стал незаметнее. Неплохой бонус для одаренных, ещё бы болевой порог снизить, именно он и мешает больше всего.

В душевых нашлась и простая аптечка, стандартный набор в виде бинтов, пластырей и прочего. Смыв остатки гулей и немного подлатав себя, я задумался. К кому идти, я пока не знал. Ну не к настоятелю же сразу вваливаться?

Обитель всё ещё спала, адепты тихо посапывали в кроватях и я чуть не прилег отдохнуть. Горячий душ расслабил, напряжение отпустило и меня убаюкало спокойствием древним стен.

Нет, надо выяснить что с Глебом, доложить о нападении в башне и гулях на кладбище. Со всем эти стоит разобраться, не откладывая. А то мужики то не знают...

Шастал я по безлюдным коридорам долго. Даже к начальству сунулся. Но ожидаемо нашел там только наглухо закрытые двери. Вообще все будто вымерли. Пришлось топтать обратно к воротам, будить успевшего снова уснуть охранника и спрашивать у того.

Мужик указал на правый корпус позади храма и буркнул, что там есть дежурка. По пути к ней я встретил Глеба. Живой и невредимый, наставник бежал навстречу с обеспокоенным лицом.

Я вздохнул с облегчением и даже улыбнулся, пока он не начал на меня орать:

— Илья, ты где был, мать твою?! Ты какого рожна свалил с приема?

— Чего? — обиделся я на такую несправедливость.

Что-то меня все сегодня ночью не очень радушно принимают. Но монаха я успокоил быстро. Просто хмуро глянул и он заткнулся, дав мне слово. Тоже перенервничал.

Оказалось, что Глеб дожидался меня долго. И ничего не видел и даже не слышал. Все уже разошлись, прием закончился и ему пришлось выяснять и скандалить. Как я уходил видели гости, охрана и камеры. А вот камеры во втором лифте уже ничего не видели. Вообще получалось, что приехал я чудесным образом не на нужный этаж.

Где тоже, по удивительному стечению обстоятельств, произошла поломка систем наблюдения. В общем, наставник решил, что я слинял погулять без присмотра, а технические неполадки были совпадением. Потому что все этажи он тоже обыскал, причем следов перестрелки не нашел. И полночи пытался меня найти, обшаривая центр города.

От моего же рассказал он при... обалдел, и сильно. А когда услышал про мои кладбищенские приключения, так и вовсе предложил накормить ранним завтраком. Как он умудрился найти поваров в неуточный час и выбить горячую кашу, яичницу и стопку бутербродов, я не понял.

Пока я тут бродил в поисках живых, наткнулся только на закрытые двери, на стук в которые не реагировали.

А пока я сметал всё, что мне дали, монах рассказывал мне про нечисть. Очередная быстрая лекция, хотя он и умел емко объяснить главное.

Гули, а научно низшие демоны какого-то там подвида с хитрым латинским названием, не представляли большой опасности для одаренных. Как я уже понял сам, проблема была в их количестве, до роста которого обычно не доводили. Но вот обычному человеку справиться с отродьями бездны было почти нереально.

Уж не знаю почему, но вредную бабу я не сдал, сказав что вылез из под земли и сам набрел на это кладбище. Так что пусть её фобии по поводу святош с ней и останутся. Улучу момент, навещу и выясню.

В общем, я оказался молодцом, но не героем, спасшим этот город. Хотя Глеб заметно удивился, что я справился без ранений и психологических травм. И как-то нехорошо покивал. Впрочем, примерный адрес спросил и сказал, что туда отправят команду для проверки, что живых тварей не осталось.

А потом начался бюрократический ад. Наставник носился по обители, а я за ним. Сначала мы дошли до той самой дежурки, где меня выслушал магистр, выполняющий роль

начальника службы охраны. Его тоже пришлось поднимать с постели, что не прибавило ему дружелюбия и доверия к моим словам.

Взбешенный его равнодушием, Глеб рванул к настоятелю. Там он устроил скандал с секретаршей и добился ещё одного, на этот раз с настоятелем. Колобок тоже долго лютовал, а потом долго не верил моим словам.

Что-то мне подсказывало, что кроме слов, доказательств не найдется. Ну а рана в ноге могла появиться откуда угодно. Почти все аристократы пользовались разрешением на ношение оружия.

Тогда то и вызвали инквизитора. К тому моменту обитель уже проснулась, так что представитель подразделения расследований явился спокойным. Пожилой, подтянутый и невозмутимый, инквизитор сложил сложностоставную печать и меня словно парализовало. Я вроде мог двигаться и говорить, но как в чужом теле находился. Ну, то есть совсем в чужом.

Он вежливо попросил рассказать всё ещё раз, внимательно выслушал и вынес вердикт:

— Он говорит правду. По-крайней мере, юноша свято верит в свои слова.

А вот без таких уточнений нельзя было? Инквизитора отпустили и он ушел, чуть покачнувшись. Всё же не просто так их способности работали, мне полегчало. А то страшно представить, не имей они ограничений.

По услышанным оговоркам среди адептов, я догадывался, что эти ребята могут с ментальным планом работать на более серьезном уровне. Например, внушить нужные мысли или сделать идиотом, настоящим клиническим.

— Хорошо, — неохотно согласился настоятель после этой исповеди. — Я дам указание провести расследование, брат Глеб. Но тебя к нему не подпущу! Ты и так устроил, да простят меня и тебя всеблагие, демоны знают что в императорской башне. Ближе к ней не подходи! Хотя бы какое-то время...

Наставник этим удовлетворился, но пообещал проверить, чем вызвал новый приступ криков и угроз. Я уже не обращал внимания, поняв, что у них так заведено. Поорали, успокоились, поговорили продуктивно и на новый заход.

Время уже настойчиво шло к обеду, а после него должно было быть посвящение. О чём вспомнил настоятель после третьего взрыва эмоций и подтвердил ходившие слухи о прибытии императорских персон.

Из-за его очередного крика, объясняющего нам куда нам пойти, чтобы дать ему заняться своими делами уже, я не сразу услышал другие. Истошно вопили откуда-то с улицы.

— Тихо! — не удержался я и рявкнул на начальство.

Сам охренел, но предчувствие тревожно сжало всё внутри. Если мне показалось, то пусть посадят в карцер, хоть отдохну от ора. Но не показалось.

Настоятель резко заткнулся на высокой ноте и начал багроветь, но в наступившей тишине стало ясно. Снаружи кого-то убивают. Ну или пытаются, так орут не от радости.

— Кто посмел? — растерялся пухляш. — Непорядок...

Мы его не дослушали, одновременно рванув из кабинета. Глеб в порыве сорвал с петель дверь и чуть не зашиб Марью Степановну, невовремя решившую перенести горшок с цветком в другое место. Я даже успел подхватить несчастное растение, крутанувшись и сунуть в руки побледневшей женщины.

Цветок я спас, но насчёт тех, кто орал снаружи так уверен не был. Я бежал, не отрывая взгляда от спины наставника, пока тот сокращал путь какими-то лестницами и переходами,

покрытыми паутиной.

Крики приближались, усиливаясь. Но вдруг резко оборвались и я влетел в Глеба, который внезапно остановился. Мы на пару стали озираться и новый вопль не заставил себя ждать. Но с другой стороны.

Что за чертовщина происходит? Разворот и снова бег. К крикам добавились выстрелы. Редкие, словно хаотичные и от людей, не понимающих куда стрелять.

— Готовься! — крикнул мне наставник, на ходу складывая печать призыва оружия.

Фраза, вспышка в ладонях и в его руках оказалась цепь. Толстенная, как якорная. С обоих концов темнели длинные лезвия. Охренеть, я еще удивлялся необычности своего оружия... Да, брось он мне это в клетку, убился бы.

У меня вызвать оружие на бегу не получилось. Не та сноровка. Да дадут мне уже потренироваться нормально, или так и придется учиться в боевых условиях?

Мы наконец добрались до двери и выскочили к прилегающему парку где-то сбоку, храм маячил дальше, а тут шел бой. Точнее бойня.

На ярком солнечном свете происходящее выглядело нереально. На дорожке, посыпанной мелкой и светлой каменной крошкой, валялись служители. Кровь окрашивала пространство рядом с их телами в алый цвет.

Среди деревьев метались ещё живые. Там-то и раздавались редкие выстрелы. Я не понимал, кто напал. Никаких демонов или других противников я не видел. Но остановка позволила мне сложить печать, так что косу я на всякий случай выставил перед собой.

— Где враг? — как-то тихо спросил я.

И тут то меня бросило в холодный пот. В нескольких метрах впереди монаха, размахивающего мечом, подняло в воздух. Было видно, как что-то сминает его поперек тела, сжимая. Лицо искривилось в гримасе боли, изо рта его полилась кровь. Хрустнуло, невидимая тварь его отпустила и он упал на землю.

Лячь, кто это и где они?

— Да помогут нам всеблагие, — прошептал Глеб и приказал. — Периметр держи вокруг меня, нужно время.

Цепь из его рук исчезла и он принялся складывать печать за печатью. Пальцы замелькали быстро-быстро, но наблюдать за этим зрелищем мне было некогда. Если враг невидим, то остается только одно. Я защищал наставника, крутя древко с такой скоростью, на которое был способен.

И думал лишь об одном — не выпустить из рук.

Перед нами поднимались в воздух и ломались тела, а я ничего не мог сделать и рычал, продолжая бешено крутиться и крутить. Монах вскрикнул, выпалил тираду из непонятных слов, вспыхнул светом и тот устремился во все стороны, стелясь по окровавленной земле.

Миг и сияние пропало. Зато появились враги. Тощие трехметровые твари с длинными лапами, похожие на пугала. Они плавно перемещались между деревьями, выхватывая людей. Солнечный свет словно не отражался от них, а поглощался.

Их было слишком много. Сотня, две... Считать бесполезно, зеленый парк пропал, превратившись в жуткий черный лес из высоких качающихся фигур.

Глава 19

Я охренел.

Шансов у нас не было. Монах, сотворив неизвестную мне магию, пошатнулся, но

упрямо призвал свою адскую цепь.

— Ну, Илья, а теперь потанцуем, — жутковато усмехнулся он, изо рта хлынула кровь.

Псих, нравятся мне такие. Сработаемся, если выживем. Те братья, что ещё были живы, сориентировались быстро, наконец увидев врага. Лезвия мечей, копий, топоров и прочего холодного оружия замелькали среди демонов. Их было мало, а монстры словно стогнали их в одну кучу, окружая со всех сторон.

— Прикрывай спину! — бодро выкрикнул Глеб и рванул в самую гущу, на бегу закручивая и выпуская цепь. — С этими так просто, как с гулями, не получится, они крепче! Режь долбанные руки!

Забег к месту битвы вышел короткий. Мы тут же увязли среди высоких тварей, спина к спине. Обернуться и посмотреть, как он справляется, я не успевал. Только и слышал свист пролетающих над головой лезвий. И косил.

Выпад, поворот, захват и на себя. Повторить, раз за разом. Длинные лапы стрелами летели ко мне, а я только и выкручивал до боли запястья, пытаюсь удержать в поле зрения всех. Дыхание сбивалось, вздох слишком мешал концентрации.

Спина вспотела, прижатая к спине монаха и только это помогало понять, что он ещё жив. Воодушевленно материться мы перестали сразу же. Только по очереди надрывно кхекали от резкого удара.

Твари дошли медленно, не давая и секунды передохнуть. Сколько живых осталось, было непонятно. Горячка боя поглотила жаром, колотящимся в висках пульсом и одной целью — не подпустить, не ошибиться.

Один из пугал увернулся и я замахнулся сверху, чтобы рассечь тощее тело. Именно в этот момент Глеб раскручивал цепь над головой и наши оружия схлестнулись.

Цепь бешено закрутилась вокруг древка, намертво зацепившись, а лезвие взлетело вверх, выбив искры о встреченный металл. Руку дернуло так сильно, что затрещало. Я каким-то чудом не выпустил древко. Хотя, кажется, разлепить пальцы я бы не смог, так крепко держал единственное, что защищало меня от демонов.

Какой-то миг и нас выдернули за ноги, растащив в противоположные стороны. Монах успел ослабить цепь и она сползала, но мы не успели. Меня перевернуло, проволокло рожей по вонючим останкам, траве и ещё хрен пойми чему.

Я пропахал косой землю, затормаживаясь, и вывернулся, махнув наугад. В таком бешеном темпе в сторону захвата на ногах я бить не решился. Как бы вместо демона себе не подрезать конечности.

Куда я попал, тоже не увидел, оружие встретило сопротивление, а в следующий момент меня подняло в воздух. Демон держал меня за ногу на вытянутой длинной лапе и встряхивал.

Я попытался согнуться, чтобы достать до него, но меня так мотало, что все закружилось, сбивая с цели. Боковое зрение уловило движение, собратья отродья бездны качнулись в нашу сторону, протягивая свои загребущие лапы.

— Аргх! — плюнулся я в кого-то из них и распрямился.

Мне удалось воткнуть косу в землю и перестать изображать маятник. Вверх тормашками картина превратилась совсем в безумную. Под ногами чистое голубое небо, над головой зеленая трава, а между ними это долбанные тощие черные дыры.

А ещё они молчали. Ни одного звука не доносилось от демонов, даже когда я их резал, а цепь наставника крошила головы. И, пока я болтался, наслаждаясь бунтом вестибулярки,

увидел таки их хари.

Безносые и безротые, только глаза, вертикальные щели с одними белками. Видимо, этот вид с подвидом, дадут боги я узнаю и забуду их латинское наименование, приспособлен для беззвучной атаки в совершенстве. Невидимость и неспособность издавать звуки, вот же хрень!

Сбоку вдруг что-то бахнуло и меня обдало жаром, дав возможность нанести удар, пока твари отвлеклись. Я извернулся, качнувшись и засадил острие куда-то в подмышку демону.

Лапа дрогнула и согнулась, приближая к себе. Я просто подрезал ноги и, пока мы падали, воткнул косу промеж глаз. Перекатился и замахал косой перед собой, ко мне тут же потянулись их руки.

Держать древко за самый край было неудобно, но о моем комфорте твари ничуть не беспокоились. Я отползал на одной руке, крутя второй и со злорадством слыша, как там что-то щелкает.

Из-за деревьев нахлынула ещё одна волна воплей, но теперь похожих на призыв к атаке. Я избавил от лишних конечностей пятерых демонов, оставалось ещё трое и они сменили тактику.

Будто до них только что дошло, что их видят. Тугодумы принялись забрасывать меня трупами сородичей, обходя с флангов.

— Ильяяя! — раздалось справа и следом прилетело лезвие, насквозь пробив башку одной из тварей.

Я уже не отбивался, а перекачивался туда-обратно, уворачиваясь от бросаемых в меня тел. Но подрезать ноги другого зазевавшегося истукана успел. Третьего обхватила цепь наставника и он полетел ко мне, встретившись шеей с серпом.

Лезвие застряло, я дергал и он булькал в такт, пока наконец не начал оседать. Глеб подскочил и протянул руку, быстро поднимая меня на ноги.

— Живой? — озираясь, спросил монах и не дожидаясь ответа рванул в сторону криков.

Мы помчались, виляя между стволов в новый бой. И тут наконец на помощь пришла тяжелая артиллерия. Сколько эти безумные пляски длились, я не знал. В горячке битвы время всегда искажается.

Со стороны обители раздалось многоголосое «во имя Вечной!» и грохнул взрыв, а следом автоматная очередь. Впереди заволкло дымом и мы сменили направление. Так и под огонь своих попасть легко.

— Отходите! — гаркнул кто-то и бахнуло снова.

Полетела земля и ветки, началась канонада взрывов и вспышек. Демонов накрывали огнем и магией. Отступая, встретились мы и с другими выжившими. Совсем немного, пятеро перемазанных монахов, самих похожих на нечисть.

— Лоооожись! — снова заорало.

Мы рухнули и поползли. Уходить, надо уходить дальше, пока тут все не сравняли с землей вместе с нами. Громыхнуло и вздрогнуло, застрекотало пулеметом. Лячь, да тут базуки не хватает...

Меня словно услышали и с шипением в деревья влетел снаряд. Волной прибило к земле, но мы уже добрались до подкрепления. Я только и увидел десяток рассредоточенных людей, но уже оборачивался.

В развороченном горящем парке, среди полыхающих факелами деревьев, всё ещё шатались демоны. Да чтоб вас, сдохните уже!

Мы перебрались за спины монахов, окончательно уйдя с линии огня. Тут то они и оторвались. Демонов начали поливать очередями, твари подобрались слишком близко для гранат. Монстры сотрясались и безмолвно разлетались.

В центре вооруженного отряда стоял невысокий служитель. Мужик закрыл глаза и что-то сосредоточено бормотал под нос, складывая печати. Не обращая внимания ни на крики и грохот очередей, ни на дым и едкий запах пороха, проклятой крови и гари.

— Вооздух! — прорычало сбоку и все кинулись на землю.

Все, кроме стоящего посреди ада коротышки. Воздух перед ним вздрогнул и словно расслоился. Черные силуэты исказились, как в зеркальном лабиринте и тут то бахнуло. Дрожащий воздух загорелся десятками костров, опалая демонов, сжигая их заживо.

Горело и над нашими головами, вообще всё вокруг запылало, пространство превратилось в адскую сковородку. Монах и сам задымился, мелко задрожал и осел на землю. Ох, надеюсь он не одноразовым оказался.

Огонь погас так же одновременно везде, как и вспыхнул. Понесло паленой шерстью, в горле запершило, а глаза слезились от дыма. Было так тихо, что я слышал стук сердца Глеба.

Пелена дыма и пепла оседала. И из этого тумана вышла первая фигура. Демон двигался уже не плавно, а дергаясь, будто был взбешен. За ним проступил ещё один силуэт, и ещё. Да что же за неубиваемые твари?

— Призывайте оружие! — крикнули. — Освященные боеприпасы закончились!

Зазвучали быстрые фразы и в руках у монахов один за другим вспыхивали орудия. Мы сбились кучно, окружая бездыханного монаха и раненных. Один из братьев оглядел меня и достал из подсумка какой-то бутылек, сунув в руку.

— Ох, беда, — прокомментировал Глеб и согласно махнул. — Пей, это усилитель. Лучше уж потом отлежишься, чем сейчас ляжешь.

Я заметил, что у всех стоящих на своих двоих в руках подобные склянки. Монахи резво глотали содержимое и у них загорались пламенем глаза. Интересный поворот... Думать, что это означает, было некогда.

Остатки демонов снова сменили поведение и бросились к нам. Я проглотил содержимое залпом. Глотку обожгло, тепло поползло по желудку и охватило всё тело. И тут твари замедлились, прибавив в четкости.

Краски и без того разномастной картины стали ярче, а в нос ударило столько запахов, что я пошатнулся. Это ещё что за шкалик такой расчудесный?

Оставив мысли о вреде юношеского алкоголизма, я прыгнул к ближайшему врагу, замахаясь. И подлетел вверх метра на три! Так, охренивая, в полете я и зарядил монстру сверху в черепушку. Зашибись тут стимуляторы!

— Во имя Вечной! — гаркнул клич и монахи метнулись на тварей.

Кто-то, как и я, прыгал, кто-то летел по земле, сшибая с ног. Сил прилило столько, что следующее пугало я пробил насквозь древком, не успев развернуть оружие. Монстры разлетались на части, как от взрывов. Но даже с этим шаолинем умудрялись задевать наших.

Вот один упал на землю и тварь раздавила его ногой. Вот второго подняли в воздух и начали разрывать. Я кинулся туда, отрубая лапу и добивая лезвием по шее. Некогда благодарить, монах подскочил и один махом располовинил второго.

Когда врагов не осталось, я даже не понял. Так и дергался прыжками, размахивая косой. Уже добивали раненных. Монахи ходили между тел, проверяя и вытаскивая своих.

От руки, опустившейся на плечо и вздрогнул и чуть не резанул косой. И наконец

выдохнул. Рядом стоял Глеб, лоб рассечен, одежда разорвана, весь перепачканный в саже и крови. Но он улыбался.

— Всё, всё, тихо, — похлопал он меня. — Мы победили. Выдыхай, парень.

И я выдохнул. От души выдохнул и выматерился. Отпустило.

— Согласен, — внимательно выслушал меня монах и устало потер шею. — Теперь отдыхай, боец. Заслужил. И советую тебе прямиком в лазарет отправиться.

— Да я вроде не ранен, — прислушался я к своим ощущениям.

И, отозвав оружие, увидел что ладони прямо до мяса стер, пока судорожно держался за косу. Ни разу не выпустил, орёл. Аж сроднились, нда.

— Ну-ну, — усмехнулся наставник и выдернул из моего плеча обломок не то когтя, не то кости демона. — Но это даже не совет, это приказ, боец. Отходняк от эликсира будет жесткий, уж извини. Не с такого адептам начинать нужно, но обстоятельства...

Я задумчиво посмотрел на кусок демона в руках наставника и кивнул. Чувствовал я себя бодрым, хоть болью в плече и резануло. А ещё будто мышцы сами шевелились, внутри. Я потряс головой, отгоняя глюки.

Потом он мне всё расскажет. И про запрещенные вещества в этих эликсирах, и как вообще возможно, чтобы толпа неубиваемых тварей появилась в сердце обители. Хоть тут и калитки открытые, заходи кто хочешь, но не думаю что демоны гуськом через неё проникли.

В лазарете было плохо. Виденное до этого пустое и тихое место превратилось в растревоженный муравейник. Бегали врачи и сестры, кто-то стонал, чистые полы были перепачканы кровью и грязью, на каталках лежали монахи. Некоторые накрытые простынями.

Мне было неудобно прийти на своих двоих и отвлекать от серьезно раненных. Но и уходить не решался, без точных данных об этом «жестком отходняке». В любое другое время сам бы подлатал себя, да просто отоспался бы.

Поэтому для начала я помог перетаскивать раненых и бегал по разнообразным поручениям. Бинты, вода, наборы первой помощи. От помощи тут не отказывались. И только когда всё более менее успокоилось, присел прямо на пол, опустошая выданную бутылку воды.

— Парень, ты как? — затормозила пробегающая мимо целительница, узнав меня. — Неужели тоже оттуда?

— Ну да, — пожал я плечами. — Вроде нормально, но мне брат сказал прийти, после эликсира вроде там что-то...

Договорить не удалось. Меня вдруг выгнуло, бутылка выпала и покатила, расплескивая воду по полу. Боль не сразу пришла и я отстраненно наблюдал, как вода смывает грязные разводы.

А потом меня накрыло. Кажется, я заорал, меня трясло и выворачивало мехом внутрь. Я видел обеспокоенные глаза женщины, они меня держали маяком. А ещё был её голос, слов я разобрать не мог, но приятный тембр немного успокаивал.

Меня унесло в темноту, отрубаясь, я чувствовал что меня двигают, тащат куда-то. Ну и хорошо, я уже в лазарете...

Что за дрянь мне подсунули монахи? Очнулся я с таким сушняком, что Сахара показалась бы приятным местом. Ещё и тело одеревенело и не слушалось. Но едва я открыл глаза, как передо мной появилось лицо Карла.

— Илья! — обрадовался он. — Очнулся?

Я понадеялся, что вопрос риторический и стал изображать рыбку, еле разлепя губы. Попытка ответить превратилась в жуткий хрип. Парень, слава яйцам, сразу сообразил и заботливо напоил из стакана.

Сейчас палата была битком. На всех десяти койках лежали раненые, молодых среди них я не увидел. Либо всех адептов покروшили, но скорее всего они были на занятиях и пронесло. Да и в лесу я не видел своих ровесников. Вот и хорошо, не место им там.

Кроме страшного сушняка, который победили три стакана воды, отказа систем не было. Тело потихоньку начало отзывать и я зашевелился.

Карл, обрадовавшись моему возвращению в этот прекрасный мир, посмурнел.

— Много? — только и спросил я.

— Много, — мрачно подтвердил он.

Я дернулся подняться, отлетели датчики, запищали приборы и на их зов примчалась целительница. Уже не такая жизнерадостно румяная, но по-прежнему пышная. Она впечатала меня обратно, прилепила провода и укоризненно покачала головой:

— Ну и куда ты собрался? Ну а вы, адепт, просила же проследить, — разочарованно сказала она здоровяку и тот тут же стушевался. — Постельный режим!

— Сколько? — проворчал я, оглядываясь.

Поваляться в чистой кровати я не возражал. Тем более, что и меня отмыли, опять без моего ведома. Но любви к больничкам никогда не питал. Ни минутой больше, чем минимально необходимо.

— А это как пойдет, — ушла от ответа целительница и сделала вид, что внимательно рассматривает показания приборов.

— А сколько я уже тут? — зашел я с другого бока.

За окном было светло, но похоже что к закату время.

— Сколько надо, — не сдавалась эскулап.

— Два дня уже, — всё ещё смущенно выдал Карл.

Ну ничего себе отходняк. Два дня в отрубе, такого у меня ещё не было. А как же посвящение, неужели пропустил? Хотя какое там торжество, с такими то историями.

Пришлось мне подключать весь свой дар убеждения. А точнее тупого упрямства. По отговоркам врача понял, что можно уже выпустить. Когда дело серьезно, они не виляют, так и говорят — лежи и не рыпайся. Таким тоном, что слушаешься.

Но целительница скорее проявляла присущую женщинам избыточную заботу. Пусть, мол, ещё полежит, хуже не будет. Спор, который я почти выиграл, решил наставник. Глеб влетел в палату свежим, бодрым и в новой с иголки форме.

— Ну и чего разлегся? Отпускайте уже бойца, — приказал мужик и всё решилось.

Выписали меня оригинально. Целительница рявкнула «ну и иди» и никакого тебе анамнеза. А побегать несколько часов по кабинетам, собирая справки и печати? Я только настроился на следующую, самую тяжелую битву.

Пока монах куда-то нас вёл, рассказывал последние новости. Демоны нанесли сильный урон. Появившись в нескольких местах, они сократили ряды служителей почти на треть. Как я и подумал, адептов среди жертв почти не было. Только те, которые сбежали с уроков, погибли. Шансов у необученных не было никаких.

Обитель была переведена в режим боевой готовности, ввели комендантский час, перевернули вверх дном всё, закрыли все входы и выходы, и опечатали подвал. Какой-то

«печатью всеблагих», судя по тону Глеба, серьезной шпуккой.

Не успел я спросить, почему раньше такой бардак был, как выяснилось и откуда демоны. Подземные ходы, как и наземные выходы, всё же были защищены магией. В подвале были установлены какие-то сложные артефакты, которые дали сбой, как и система наблюдения. Угу, где-то я уже такое слышал.

В общем, все стояли на ушах и не расслаблялись. Посвящение адептов всё же провели, наспех и непразднично, как обычно это бывало.

Мы дошли до склада, когда я немного печально спросил:

— А я?

— А ты, Илья, пройдешь посвящение персонально, — наставник хитро улыбнулся, немного потянув время. — Так что получай новую форму и приводи себя в порядок. Сегодня император будет награждать тех, кто выжил. И ты станешь единственным адептом, удостоенным чести получить награду и благословение лично от его императорского величества.

Глава 20

Не выделяйся, Илья, говорил мне монах... Где еще больше привлечь к себе внимания, как не при личном благословении императора со всей светской и церковной верхушкой? Хм, дайте подумать и я, пожалуй, найду способ.

Мне идея этого пира во время чумы не нравилась, наверняка превратят всё в очередную вечеринку высшего света. Но наградить бойцов было действительно нужно. И простым спасибо за ту мясорубку не отделаешься.

Значит, приезжаем, по-быстрому получаем награду, благодарим и обратно. План простой, что может пойти не так?

Карл, следующий за нами безмолвной крупной тенью, совсем стушевался из-за обсуждаемой темы. Его болтливость вообще сошла на нет, что меня беспокоило. И смотреть он начал на меня, как на тех благородных. Не дело это, нужно добряка как-то подбодрить, но времени нет.

Зараза, я вообще попаду хоть на одно занятие? Два дня в отключке — это много, очень много полезных и, похоже, жизненно необходимых знаний. Но варианта отказаться от приема императором, потому что у меня домашка, нет.

Хоть бы учебник какой выправить себе, или конспект у кого-нибудь попросить, или... Лясть! Я остановился так резко, что собрал паровозом Карла и пару монахов, шедших за нами по каким-то своим делам. Как только мы выяснили, что повреждений не нанесено и братья недовольно, бочком, удалились, я наконец спросил про телефон у Глеба.

— А разве у тебя своего нет? — удивился наставник. — Тебе же вернули личные вещи.

И точно, пакет так и лежал у меня на постели. Наверное.

— Нет, — честно соврал я. — Был старый, сломался.

— А, ну что же ты сразу не сказал, — пожал плечами Глеб и развернулся.

Мы вернулись обратно на склад и завхоз выдал мне новенький смартфон. По виду ничем не отличающийся от тех, что я видел. Сенсорный, иконки, непонятный логотип, ну да боги с ним. Главное чтобы работал.

Я выдохнул так шумно, что монах это воспринял по-своему.

— Не противоударный конечно, так что осторожнее. Выдадут получше, когда на задания начнут отправлять.

Что-то мне подсказывало, что лучше бы сразу покрепче выдали. Но искренне поблагодарил и обещал беречь. Для меня сейчас это было действительно сокровище. Я тут же разобрался с контактами, записал телефон обители, дежурки и даже охраны на воротах. На всякий случай. И запомнил к тому же.

Наставник тоже поделился своим номером, любопытно заглядывая в экран, как я его назову. Мне хотелось назвать этот контакт «проблемы», но в более понятном матерном варианте. Но записал я его вежливо, брат Глеб.

Оживился и Карл, внезапно достав из своего кармана телефон, старый и потрепанный, но рабочий. Моя записная книжка пополнилась ещё, так мы и дошли до спален. Чего за нами шатается наставник, я не понял. Похоже, хотел о чем-то поговорить, но при здоровяке не решался.

— Ладно, собирайся, я тут подожду, — неохотно отстал он, усевшись на скамейку в помещении перед нашей «общагой», служившим чем-то вроде гостиной.

Адептов в этой части обители не особо баловали изысками, так что кроме широких скамеек ничего и не было. Ну ещё небольшой стол у окна, без стула. Высокородных морд я среди соседей не видел, так что невзначай спросил о том, где они обретаются.

— Так это, по своим домам они, — подтвердил мои догадки Карл. — Тут то только те, кто из приезжих. Ну или сами ежели захотели, значит. Но этих немного. Ну вот а я доволен, тут оно лучше, чем дома. Белье чистое, вода горячая прямо всегда. Кормят хорошо, — подытожил отзыв о проживании добряк, почесав пузо.

Впрочем, условия были не то чтобы спартанские. Терпимые и уж точно не самые худшие из тех, в которых довелось побывать. Но привык я уже к лучшему. Хотя бы жилищный вопрос немного прояснился. Если проживание в обители необязательно, то нужно найти берлогу. Недалеко отсюда, в тихом спокойном районе... Есть же тут такие? Главное, чтобы никаких кладбищ по соседству. Гулей не предлагать, в общем.

Размышления о собственном жилье, без сопящих соседей, общего душа и вылезавших из подвала демонов, немного улучшили моё настроение.

Да и странные ощущения по поводу тела прошли. Они и без того были непонятные, привыкнуть к иному сложению это как играть в кукольный театр. Но после эликсира творилось совсем уж что-то запредельное.

Я даже осторожно попрыгал, благо потолок в спальнях был высокий. Но чуда не произошло, сшибать лампы я не улетел. Зато проходящий мимо адепт посмотрел настороженно.

— Разминка, — зачем-то оправдался я и отправился в душ.

Ни минуты отдыха мне не дали. Наставник перехватил сразу после неторопливых водных процедур и нетерпеливо попросил пошевелиться. Я с сожалением взглянул на запечатанный пакет и рассовал по карманам своё скромное имущество, телефон и монету.

— Оружие когда выдадут? — буркнул я, пока мы быстро шли на парковку.

Коса это конечно хорошо, но сколько мне ещё везти будет? Мастерство требует тренировок, а я пока одной дурью свихнувшуюся мельницу могу изображать. Ну и не бздеть, что тоже немаловажно.

— Когда надо, тогда и выдадут, — проворчал всё ещё недовольный задержкой Глеб, но смилостивился, увидев как я нехорошо нахмурился. — После посвящения и подготовки. Сдашь нормативы, сразу и выдадут. Судя по тебе, это произойдет скоро.

Наставник явно немного нервничал, даже с его опытом такое мероприятие заставляло

напрячься. Там уже не поорешь, как с настоящим. Поэтому объяснял он мне суть присяги сумбурно.

Посвящали в служители в том числе и при помощи магии. Клятва верности главе империи и церкви давалась на крови. Причем на крови самого императора, а не адепта. Какая-то лютая древняя магия, что привязывала обещание, не дав его нарушить.

Тут я немного напрягся. Не то чтобы я планировал свержение монарха, но вдруг... Выманил я и некоторые подробности, воспользовавшись взволнованным состоянием монаха. В другое время он бы точно задумался, почему я такие странные вопросы задаю.

Выходило, что клятва приносилась именно императору. Не всей императорской семье или государству. А отдельно взятому человеку. Служить на благо церкви и императора и не применять против него оружие. Про голые руки в словах клятвы речи не шло. Нюансы, в них вся суть.

Эту тему пришлось свернуть, как только Глеб начал внимательнее обдумывать ответы. И переключиться на другую, не менее интересную:

— Что за эликсир мне дали?

— Обучение адептов и получение ступеней происходит не только тренировками и сдачей боевых нормативов, но и при помощи эликсиров, — нудно забубнил он. — Состав у алхимиков выведывай, если расскажут, чертовы параноики. А вот дозировки и вариации распределены поэтапно. Для того, чтобы изменения в организме могли произойти постепенно. Иначе эликсир станет ядом и убьет.

Шикарно, то есть мне дали отраву и понадеялись, что усвоится? Ладно, в тех условиях можно понять такое решение, пусть меня оно категорически не устраивало. Впрочем, во время боя оценка рисков по-другому идет.

— А глаза чего светились? — меня немного взбесила информация о возможности отравления, но я держался.

— А, это. Временный эффект при употреблении любых эликсиров, в которых содержится божественная пыль. Редчайший и невероятно дорогой ингредиент, гораздо дороже золота, между прочим.

Откуда из богов посыпалась эта пыль, знать я не очень хотел. Да и вряд ли монах знал, судя по его благоговейному тону. Но её побочный эффект наблюдал уже три раза. Когда очнулся в этом мире, во время ритуала пробуждения и от эликсира. Каждый раз это явно было связано с магией.

А последствия с болью. Кроме первого. Махнуть бы на Урал, найти Еврипия и поговорить по душам. Но для начала в свои документы наконец взглянуть, чтобы прочитать название того уезда.

И в этот раз Глеб сам сел за руль представительской машины. Видимо не доверял перевозку своей персоны кому-то другому. Ну или хотел иметь колеса на всякий случай, что неплохо.

Тем более, что это дало возможность продолжить мое просвещение. Наставник действительно выполнял взятую роль, объясняя разнообразные вещи. Иногда отвечивал не самые лицеприятные эпитеты, но так было даже понятнее.

Помню, как однажды уснул на очень полезной конференции. Тогда я узнал про себя сразу несколько вещей. Что мне не чуждо чувство стыда, что меня способен смутить публичный позор и что я очень громко храплю. И пусть среди возмущенных взглядов было немало завистливых, ошибку я такую больше никогда не повторял.

— А есть вообще какая-то классификация демонов этих? — расспрашивал я, забив на осторожность.

Нет времени изображать всезнайку, раз такое происходит. Пусть считает хоть дебилом, хоть глухой деревней, но узнаю я всё возможное. Даже откладывать это на момент, когда удастся уединиться с телефоном, не стану. Вдруг не удастся. Или тут гугла нет. Или там информации нет.

— Конечно есть, — нормально отреагировал на этот вопрос монах, притопив по прямому проспекту. — Вам на демонологии всё расскажут. И про низших, и про высших, и про нечисть всякую, в наследство от забытых богов доставшуюся. Умники до сих спорят, к демонам их относить или другой хтони, но как по мне — всё, что вредит людям одна фигня.

Так тут ещё и забытые боги есть. Многовато всякой дряни, это я про нечисть.

— Низшие демоны, в основном довольно тупые и однообразные. Внешности разной, некоторые характеристики отличаются, но главная их опасность в силе и крепком теле.

— А которые на обитель напали?

— Тоже низшие, — помрачнел мужик, вцепившись в руль. — Но одни из сильнейших. Помимо невидимости, их крайне сложно убить, как ты сам видел. Они, хм, перемещаются, исчезая и появляясь в пространстве. Недалеко и ненадолго, но непредсказуемо. Скоростью особой, в отличие от остальных, не обладают, но вот эти их «прыжки» с лихвой это компенсируют.

— А высшие? — мне и от не самой умной части бестиария не по себе было, но надо всех посмотреть.

— А высшие, — Глеб едва не сплюнул, но вовремя вспомнил, что он в машине. — Умеют воплощаться и вселяться. Это, мать его, разумный вид. Наш главный враг.

Его так перекосило, что я побоялся за безопасность на дороге и не стал расспрашивать. Хотя очень подмывало. То есть те неубиваемые твари ещё не главный враг? Глеб вдруг резко переключился с высших демонов на императорскую династию, втолковывая дворцовый этикет и запутанную родословную самодержца.

Нынешний император носил имя Михаил в честь самого первого из правителей династии Романовых. Родных братьев не имел, все они по разным причинам умерли. Кто от болезни, кто на охоте. Единственным наследником был цесаревич Георгий, которого я видел на приеме.

Что, кстати, оказалось, редким событием. У императора больше сыновей не было, только дочери, старшую уже отдали замуж за австрийского принца, две другие были совсем мелкими. Так что принца берегли, опасаясь за престолонаследование. Вроде как у императора были двоюродные сестры, но те то ли были отстранены от двора, то ли и вовсе в монастырь сосланы. Но единственный какой-то юродный племянник тоже не перенес лихорадки и отправился в объятья Вечной, едва достигнув совершеннолетия.

В общем, что я понял, так это что император человек непростой и за власть держится мертвой хваткой. Вроде даже собирался жениться повторно, так как нынешняя супруга рожала только дочерей. А запасного наследника так и не было.

Ничего необычного для главы империи, да ещё и церкви. Благо хоть мне в этой каше вариться не придется. Поопаснее, чем с демонами, как по мне. Тут и коса не аргумент.

— От меня ни на шаг. Лифтов там нет, но не суйся никуда, прошу, — давал последние указания монах, когда мы парковались у дворца.

Императорский двор был более консервативным и размещался в собственном Версале,

то есть Петергофе. Среди парка, раскинувшегося больше чем на сотню гектар, блистал великолепием дворец.

Не бывай я тут множество раз в своем мире, как на экскурсиях, так и просто прогулять прекрасный пол, меня бы зрелище поразило. И дворец, и парк с каскадом фонтанов, впечатлял. Воистину императорский.

В общем, батя, в отличии от своего сына, давил царственностью. Хотя сравнивать невероятный небоскреб и огромный дворцово-парковый ансамбль было невозможно. Везде гигантомания, пафос и трата огромного бюджета на обслуживание.

Наставник едва заметно, но выдавал, что чувствует себя неудобно. Я же, в новой форме, как обещано, сшитой по моим меркам, вполне соответствовал обстановке. На фоне такой роскоши можно было не потеряться лишь в строгой черной форме.

Именно так и произошло. Только служители и выделялись среди ослепительных залов дворца. Прочее дворянство разрядилось в дорогие наряды, но они меркли. Меня немного удивило, что ни один мужской костюм не был темным. Словно сегодня вечером только храмовникам можно было носить этот цвет.

Солнце село, в парке за окнами загорались огни и подсветка убранства. Фонтаны и статуи светились, выделяясь яркими пятнами. Журчал женский смех, гости прогуливались, а официанты подавали охлаждающие напитки.

Пол огромного зала, выбранного для сегодняшнего события так отполировали, что будь у присутствующих дам короткие юбки, можно было бы увидеть интересное зрелище.

Император, как и положено, задерживался, я ходил строго за Глебом, пока он здоровался со знакомыми. В основном с вояками, но и братья тоже тепло приветствовали моего наставника. Даже настоятель, сияющий дружелюбной улыбкой, сделал вид, что очень рад нас видеть.

Присутствовала тут и уже печально знакомая мне семейка светлейшего князя. Нервный сынок в императорском дворце был без оружия и меня не заметил. Княжна была одета в более благопристойный наряд, небесно-голубое платье, хоть и с открытой спиной, но на приличную глубину. Мы очень удачно обошли их всех со спины.

Я перехватил официанта с закусками и схватил сразу несколько крошечных канапе, проглотив махом. Вкуса нежнейшей черной икры я не почувствовал. От количества высокородных на один квадратный метр разыгрался аппетит.

И я с удивлением понял, что тоже немного нервничаю. Не из-за дворца и аристократов. А от разницы между этой картиной и тем, что произошло в обители. Так и свихнуться недолго, кидай меня постоянно из одного интерьера в противоположный.

Поэтому я решил освежиться, да и просто выдохнуть, расслабиться на пару минут от удержания осанки. Отвык, как мой разум, так и это тело явно не было приучено.

Лакеи тут стояли на каждом углу, к моему счастью. Понятное дело, что указателей «туалет» в жилом дворце не было. Пришлось пройти анфиладой гостиных, чайных и прочих комнат, чтобы добраться до уборной.

Тут на свете сэкономили, да и не было никого. Так что, вволю подумав и насмотревшись на суесящихся за окном садовников, я возвращался обратно в полном одиночестве, тишине и полумраке.

Шел я, раздумывая как же они не задалбываются столько ходить по дворцу в поисках облегчения. И сколько показывают их шагомеры. Так я мысленно себя развлекал, пока не услышал шорох впереди.

Первой мыслью было призвать косу и с ней идти проверять, что там шумит. Но демоны под носом у императора? Перепугаю какого-нибудь из чувствительных дворян, опять потом оправдывайся.

В очередную гостиную, обставленную диванчиками и столиками, я заглянул очень осторожно. И тут же отпрянул обратно. Там-то в тенях и шевелились. Местный вид демонов, грешники. Сомнений, в том чем занимается мужчина, стоя на коленях перед раскинувшейся на диване женщиной, не было.

А если и могли быть, то их развеивали тихие постанывания и звуки.

Твою же мать, ну и как мимо пройти? Просто сделать вид, что ничего не происходит? По этому поводу указаний от наставника я не получил. А если я застукаю тех, кого нельзя? Вдруг там шальная императрица веселится?

Я на цыпочках вернулся назад в поисках иного пути. Видел у туалетов совсем темный коридор, уходящий вглубь дворца. Шляться тут было не самой лучшей идеей, но связываться с благородными реально могло быть опаснее.

Коридор нашелся там, где я его запомнил. Я постоял пару минут, прислушиваясь, но посторонних звуков не было. Откуда-то сбоку доносился далекий гул голосов и смех. Я подобрался и шагнул в темноту.

Через короткое время глаза привыкли. Лампы позади и в конце этого длинного прохода давали достаточно света, чтобы не запнуться и не разбить какую-нибудь дорогую вазу, которые обычно любят ставить в таких узких и темных местах.

Слева на стене висели картины, слабо различимые. В основном портреты. По этой же стене действительно находились изящные пьедесталы с вазами, статуэтками и прочей мишурой. А слева были двери. Так близко расположены, словно там кладовки или комнатухи размером с чулан.

Откуда — то вспомнилось, что в подобных местах размещали многочисленных подданных при дворе, но не самых приближенных. Но сейчас другое время, сомневаюсь что благородным гостям вот таки апартаменты предоставляют.

Скорее всего кладовки и есть. Но все мои надежды рухнули, когда одна из дверей приоткрылась с тихим скрипом. Оттуда раздался томный вздох, а затем шепот:

— Ох, ваше величество...

Действовал я на автомате. В таких местах не уединяются официально разрешенным способом. А значит я только что застукал императора. Ясно, где он задержался.

Рука сама нашарила ручку ближайшей двери и та, слава богам, не скрипнув, открылась, впуская меня внутрь. Аккуратно прикрыв дверь, я обернулся. В слабом свете ночника было видно, что это действительно спальня. Не такая маленькая, как мне казалось, хоть до кровати, занимающей почти все пространство, было близко.

На переливающихся серебристых простынях лежала девушка. В чем-то воздушном и струящемся, даже не скрывающим тело, а лишь подчеркивающим его достоинства. Она подняла белокурую голову, нахмурилась, но тут же улыбнулась и плавным движением соскользнула ко мне.

С кровати она не вставала, проползла те пару метров, что нас разделяли, на коленях и встала передо мной, смотря снизу вверх.

— Ну наконец-то, соизволили прислать, — промурчала красавица и схватилась за мой ремень, ловко с ним расправляясь.

Кажется, я только и успел, как поднять руки в примирительном жесте, как вжикнула

молния и нежные руки рывком стянули с меня брюки.

Глава 21

Я охренел. Но в этот раз хотя бы в самом приятном смысле.

— Мад... — начал я обращаться и запнулся.

Мадам, мадемуазель, сударыня? Из башки нахрен вылетели все полагающиеся слова. Госпожа, мм? Но прекрасная незнакомка не обратила внимания на мою заминку, её пальчики пробежались по бедрам и ловко лишили меня последней брони, то есть трусов.

Она на миг застыла, рассматривая явившееся во плоти доказательство моего радушного к ней отношения. От её довольного и восхищенного взгляда кровь окончательно отхлынула от головы и дружелюбие стало готово вот-вот лопнуть.

Какие-то тревожные мысли промчались в башке. Что похоже я залез в императорский курятник. И меня точно с кем-то перепутали. Ни на что не соглашаться...

Но в этот момент она крепко перехватила член у основания и облизнула губы и проглотила сразу почти на всю глубину, и мне стало откровенно плевать. Зайди сам император прямо сейчас, не смог бы остановить.

Кажется меня пошатнуло и я застонал, но девушка впиалась пальцами в бедра, не выпуская из восхитительного плена. Её прелестный ротик уносил меня на небеса, белокурая макушка мелькала, ускоряясь, а моя рука сама легла на затылок, помогая ей.

Оху... Как я не держался, пытаюсь растянуть это внезапное удовольствие, надолго меня не хватило. Молодое тело сдалось под напором умелой красотки. Да чтоб, немолодой разум тоже. От разрядки я ударился затылком в дверь, а девушка чуть не захлебнулась, но справилась.

Она отстранилась и уселась на пятки, шумно дыша.

— Ммм, — промурчала чертовка, кокетливо вытирая губы одним пальчиком.

Взгляд снизу вверх снова стал игривым, рот приоткрылся, щеки зарумянились и мой герой участливо вздрогнул, готовясь к новой битве. Это быстрое знакомство мы сейчас немного усугубим.

Наградой мне стала многообещающая улыбка и в этот долбаный момент в дверь аккуратно постучали. От мысли о том, что это его величество делает обход своих владений, прыти у меня поубавилось. Застать адепта с голой жопой внезапному гостю не удалось.

Норматив по скоростному одеванию я перевыполнил и дверь открылась под застегивание молнии. В неё просунулась голова парня, на умильной мордашке было вопросительное выражение.

— Разрешите, госпожа? — тихо спросил тот.

Девушка оживилась, но позу не поменяла.

— Да у меня сегодня просто праздник! — она сладко потянулась и махнула рукой, приглашая войти.

Ситуация становилась всё более странной. Парень зашел, бросил на меня быстрый и не очень довольный взгляд, прикрыл дверь и вытянулся по струнке, словно ожидая приказа. Этот точно не был адептом. Белая рубашка, светлые брюки и герб. Какое-то растение, то ли чертополох, то ли кактус, на круглом щите. Баронский.

Госпожа всё таки поднялась, наклонила голову на бок, оценивая нас обоих и хмыкнула:

— Ну вы уж сами договаривайтесь, кто куда, — и повернулась к кровати, потянувшись снимать одежду.

Барон посмотрел на меня, нахмурился. Ну хрен, на групповушку я не подписывался. Вот если бы в ней участвовала ещё одна госпожа... Я, собственно, вообще просто мимо проходил. В такой неловкой ситуации мне не приходилось ещё оказываться, но я понимал, что надо валить.

Тц, что мне сказать? Извините, дверью ошибся? Парень ждал моей реплики, девушка тоже обернулась ко мне, изящно подняв одну бровь.

— Прошу меня извинить, меня ожидают на церемонии награждения, — сообщил я, заправляя рубашку и разглаживая брюки, и добавил, стараясь подражать барону: — Разрешите идти, госпожа?

Хрен с ним, поиграем в послушание. Лишь бы скандал не закатывала, не лучший аккомпанемент для того, чтобы объявиться перед императором.

— Нуууу, — капризно протянула она, но соизволила разрешить: — Ладно, иди, ты милашка.

Милашка, лять. Эта милашка тебе только что... Так, не отвлекаться. Я кивнул, зачем-то ещё и топнув пяткой и спешно скрылся, передав эстафету тому, кому она изначально и предназначалась.

Обратно я несея, забив на тех, кто ещё может скрываться в тенях. Хрень какая-то творится с прекрасным полом в этом вашем высшем свете. Ладно, допустим, что той самой божественной крови настолько мало, в соотношении с обычными людьми. Допустим, что большинство и правда даже притрагиваться к себе неодаренным не дают. Тогда круг тех, с кем можно повеселиться, сильно сокращается.

Но все равно это слишком. Не было у меня высоких моральных принципов, я вот уже пару лет как был свободен от обязательств, да и в увеселительных заведениях бывал. Но там-то я хоть сразу знал, что к чему.

Нда, внезапные минеты мне делали, но вот случайных ещё не было. Стало немного стыдно, хоть бы спасибо сказал. Разврат развратом, но вежливость даже в борделе нужна. Но возвращаться и благодарить за доставленное удовольствие я не стал. Боюсь, что больше оттуда меня не выпустят, а лицезреть мужские мудя — увольте.

Настроение качественно поднялось, но захотелось нормально поесть и вздремнуть. Лучше сначала вздремнуть. Мои фантазии разбились об обеспокоенную рожу наставника. Тот дежурил у распахнутых дверей зала, крутя головой и всматриваясь в сумрачный коридор.

— Ты где был? — прошипел он, когда я подошел. — Во что на этот раз вляпался?

Вляпался, это точно, в один чудесный ротик. Но озвучивать такой ответ Глебу предусмотрительно не стал.

— Заплутал. Тут пока туалет найдешь, состаришься, — изобразил я полное спокойствие.

— Облегчился? — с сарказмом спросил мужик.

Ухмылку пришлось держать изо всех сил. Организм ликовал, мозг недоумевал, но я сиюминутно был счастлив. Так что кивнул я с таким выражением, словно поход в уборную принес мне долгожданный результат.

— Вот тогда с таким же лицом и дуй, объявили десятиминутную готовность, его императорское величество скоро выйдет.

Гости уже неторопливо стягивались к сооруженной временной сцене. Всех служителей выстроили в ряд у дальнего края. Немного, около трех десятков тех, кто сражался с демонами и смог прийти. Мы поднялись по невысоким ступеням и встали в строй.

Выставленный напоказ, я тут же собрал уйму внимательных взглядов. От женских мне

уже реально не по себе стало. В каждой виделась хищная охотница на самое святое. Вспыхнул, узнав меня, и княжич Воронежский. Белобрысый прищурился и что-то прошептал на ухо своему бате. Светлейший князь эмоциями управлял гораздо лучше, чем нервный сынок, и лишь кивнул, раздраженно махнув рукой.

А вот княжна сверкнула синими глазами и послала мне воздушный поцелуй, из-за чего брат её аж подпрыгнул. Ну святые угодники, сгиньте вы, светлейшие.

Боковая дверь распахнулась, оттуда вышел важный мужчина в вышитом золотом белоснежном сюртуке и со всей дури треснул тростью об пол, призывая к тишине.

— Милостью всеблагих, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский Болгарский и иных...

Титулы полились великой рекой, вызвав во мне одновременно и скуку, и уважение к мужику, без единой запинки перечисляющего всё это бесконечное полотно из царей, государей и великих князей.

Ну да насколько я помню, за ошибку в государевом титуле и на каторгу отправить могли. Заучишь тут.

Самодержец явился ровно на последнем слове, бодро шагая и приветственно кивая. Статный мужчина, с чуть посеребренными сединой висками, был крепок и осанку имел военную.

При этом взгляд его темных глаз выдавал самое высокое положение. Опасный взгляд, словно он примерял к шеям своих подданных петлю. Годы его пощадили, но не до конца. Под шикарным выходным мундиром угадывалось небольшое брюшко, да и щеки уже обвисать начали. Это чуть смягчало угрозу, которой от него так и веяло.

Таращиться на императора было неудобно, приходилось держать голову прямо. Я подготовился к долгой витиеватой речи, но монарх сначала пожал руку каждому из храмовников. Дошла очередь и до меня.

Рукопожатие оказалось крепким и цепким. Император чуть нахмурился, увидев мою молодую рожу, но затем улыбнулся, немного измученно. Кто его так утомил, я знал.

— Жаль, что так рано пришлось тебе начать непростую службу, адепт, — заботливо сказал он.

— Благодарю, ваше императорское величество! — заученно выдал я. — Рад служить импе...

— А ты откуда будешь? — неожиданно прервал меня государь.

— Из Оренбургской губернии, — я моргнул от неожиданности и торопливо добавил: — Ваше величество.

Меня слегка прошиб холодный пот. Долбанный уезд, какой уезд, чтоб его? Если он спросит, что делать — в обморок от великой чести грохнуться? На нас и без того смотрели все, ловя каждое слово и жест императора.

— Волконского вотчина. Надо поблагодарить его светлость за таких бойцов, — ответил правитель и наконец отпустил мою руку.

Выдыхал я осторожно, уже когда он отошел и повернулся к гостям. Только тогда

император и задвинул речь, как положено. Про честь, отвагу и борьбу со злом. Выражал сочувствие, подбадривал монахов и кидал неявные угрозы аристократам. Мол, без него и его церкви пойдут все на корм демонам.

Обычная речь при награждении, просто враг тут был хтонический. Хотя, судя по взглядам некоторых, присутствовали враги и внутренние. Династийное правление всегда вызывало зависть, а уж учитывая, что древних родов тут немало...

Перед награждением провели моё посвящение. Торжественно, в центре всеобщего внимания и софитов. Под пристальным холодным взглядом его величества я произносил слова клятвы. Ну хоть зачитывал из книги, не требовали наизусть.

Как я понял из объяснений Глеба, кровь самодержца подавалась в кубке с очередным непонятным пойлом. Уж не знаю, сдавал он её и потом хранили, или свежая была. Но со мной сделали иначе.

Император достал из поясных ножен кинжал. Рукоять, щедро украшена драгоценными камнями, сверкнула в ярком свете. Раздался удивленный вздох толпы, быстрый взмах и на левой руке мужчины проступила кровь.

О такой дичи меня не предупреждали, но я смело протянул свою руку и стойко не вздрогнул, когда лезвие обожгло ладонь. В следующий момент наши руки сомкнулись и в голове загудело.

— Так раньше принимали клятву верности у всех служителей, — негромко и с ностальгией сказал монарх и неожиданно весело подмигнул. — Мы теперь кровники с тобой, юноша. Не подведи своего императора.

Я так ошалел, что поблагодарить забыл. То, что происходит что-то необычное, было ясно по вытянутым лицам аристократии. Даже у наставника, стоящего рядом, нервно дернулась щека.

Насчет своей особенности я не заблуждался. Просто я был единственным адептом, участвовавшим в битве. Можно было и устроить из этого представление. Повезло мне.

Сама клятва оказалась без сюрпризов. Служить, защищать, не обращать оружие против императора. Интересно, когда меняется власть, заново кровь пускают новому правителю? Сразу на всех храмовников или это мероприятие днями длится? Во время диковатой присяги мы так держались за руки, окропляя светлый подиум лениво капающей кровью.

Атмосферно прошло, ничего не скажешь. По завершении я получил платок от самого и был отправлен обратно в строй. Монахи на меня уже смотрели, как на новоявленного святого.

Затем всем нам прикрепили на грудь по ордену. Нескромно золотой, а может и скромно позолоченный, в треугольниках был вписан императорский герб, знакомый мне двуглавый орёл. Украшало это всё уйма завитушек. Дорого, богато в общем.

Но все восторженно смотрели и я не отставал. Надеюсь, что к красивому знаку отличия прилагается и денежный довесок. Премия за истребление зла. Меркантильные мысли меня не отпускали с того момента, как я удостоверился в возможности жить вне обители.

— Наслаждайся своей минутой славы, — сказал мне знакомые слова наставник, когда награждение завершили, а император пошел степенно обходить высокородных гостей.

— Брат Глеб, — тихо спросил я, когда убедился, что поблизости нет чужих ушей. — Это всё конечно хорошо, но что насчет более материального?

— О как заговорил, — усмехнулся монах. — Императорская кровь выиграла? Или просто решил перестать придуриваться?

Подколку я проигнорировал. Сдавать меня он не станет, я слишком много о нем знаю. И догадываюсь такого, за что в обители по головке не поглядят. А то и вообще в очистительное пламя, или как тут. Отрекут, короче говоря.

Мы оба друг о друге поняли, что непростые, на том и сойдемся. Монаха, видно, что уважали свои, побаивались другие, а высокородные знали в лицо и предпочитали обходить стороной. Прибавить полезные связи среди населения. Если не влезать в его расследования, то окажется очень полезным.

— Я не про это, — похлопал я по ордену. — Ты говорил, что нам с Карлом премию выпишешь, за наши, хм, приключения у ганзейцев. И под...

— Да тихо ты, — шикнул Глеб и набычился: — Я и выписал, как обещал. Своё слово я всегда держу, так и запомни. И за это, — кивнул он на мою грудь, — тоже положено. Куда тебе столько денег то? Кормят, одевают, амуницию получишь в лучшем виде.

На его наигранную обиду я не обратил внимания. С чего бы мне ему просто на слово поверить сразу, я его знаю несколько дней. Да и проблем из-за его шила в заднице уже огреб.

— Уж разберусь, — удовлетворенно усмехнулся я ответ.

Больше наставник меня одного не оставлял. Словно что-то заподозрил. Больше про причину моего отсутствия не спрашивал, но даже в туалет ходил следом, как охрана. Незнакомка в зале не объявлялась, так что и с ней встречи не было. Надеюсь, её там ублажили как следует.

Мы прогуливались, пригубляли шампанское, беседовали о погоде и обнаглевших демонах. Оказалось, что всё же такие нападения не были обычным делом. Но в последнее время отродья стали более активными, а работы у монахов прибавилось.

Император, коротко побеседовав со всеми, сослался на государственные дела, пожелал нам отличного отдыха и удалился. В этом я с ним был солидарен, прохлаждаться без толку я тоже не любил.

Да и не понять, нужны ли мне знакомства среди присутствующих. Со светлейшим, периодически посматривающим на меня, вот уже познакомился. Лучше сначала изучить расклад сил, основных конкурентов и участвующие стороны. И Глеб мне в этом точно не помощник.

Надо найти кого-нибудь относительно нейтрального, но вовлеченного в светские игры. Пока у меня было два рабочих варианта. Семён Строганов, признанный и столичный, явно в курсе этой тусовки. Хоть он и страдает, что выбора нет, но значит точно знает в чем придется крутиться.

Второй вариант был на крайний случай. Подземный король Артур наверняка тоже знал всё и про всех. Но вот цена таких сведений мне могла быть не по карману. Учитывая его пристрастия к зрелищам.

Прием закончился к полуночи. Возможно из-за того, что служителям нужно было с утра на работу. А может из-за траура, всё же людей полегло немало. Но тем не менее разошлись мы с надеждой на нормальный сон.

Возвращались по пустому городу, дорога от дворца в обитель проходила через спокойные районы, где в такое время все спали. Только висящие в небе на севере сияющие колоссы никогда не затихали.

В открытые окна задувал приятный теплый ветер, солнечная погода нагрела землю и та не хотела охлаждаться даже ночью. Но я видел грозовые всполохи далеко на западе, в заливе.

Мне уже хотелось привычного дождя и его свежести.

— Идет буря, — проследил наставник за моим взглядом.

Прозвучало это устрашающе и я даже не сразу понял, что он говорит о стихии.

— Теперь, Илья, обучение начнется ускоренное, — Глеб нервно постучал по рулю. — Из-за гибели братьев за адептов возьмутся серьезно. Надо срочно пополнять команды, да и новые создавать. Мне тоже придется... В общем, ты и так мой подопечный, поэтому твое участие не обсуждается. Этот твой друг, Карл, что про него скажешь?

Этого я и боялся, и ждал. Демоны не станут меньше лютовать из-за того, что в обители недобор. А значит придется молодых бросать, наспех готовя. Времени нам много не дадут. Если уж Глеба заставляют взять адептов, то дело швах.

— Хороший парень, — что я ещё мог сказать. — Наивный немного, да перед благородными теряется, но перед демонами не станет, как мне кажется.

— Ну значит, решено. Возьму Карла, этого Строганова, раз уж сам отправил на первую ступень. Нам бы оракула хорошего, но где же его найти. Есть кто на примете?

Нашел у кого спросить. И когда по его логике я бы успел узнать про новеньких? Но наставник, похоже задавал этот вопрос себе, особо не ожидая ответа. Кто такие, мать их, оракулы вообще?

Глеб задумался, а я достал телефон. Сейчас то мы и узнаем кто все эти люди...

Глава 22

Информация в местной глобальной сети, к моему счастью, была. Вместо гугла был свой поисковик, под названием Архивариус, а вместо Википедии все знания хранил Библио. Но был такой же помойкой, редактируемой кем угодно. Пришлось шастать по источникам, сверяя данные.

Для начала я стал искать про оракулов, раз уж речь о них зашла. Выходило, что ребята эти не были боевой единицей. А больше стратегической. По сути выступали своеобразными сонарами, способными видеть приближение демонов и их разновидность. Через стены видеть. В том числе и предугадывать за несколько минут. На картах они не гадали и будущее не предсказывали. Впрочем, наверняка были у них и другие способности, не выносимые на общее обсуждение.

Потом до меня дошло спросить о электронной библиотеке обители. С технологиями всё нормально, не может же быть, что монахи по-прежнему исключительно над книгами чахнут.

Оказалось, что такая есть, доступ можно получить в библиотеке физической. Но оцифровано далеко не всё. Магические печати, алхимия и даже демонология в электронный вид не попадала. Боялись утечки.

Да и оказалось, что гримуары, в которых описывались те самые печати, ещё и защищены от копирования магией. Причем переписать даже вручную нельзя было. Только изучить со слов владельца или допущенного, воспроизвести и тогда уже можно записать в свой собственный.

Защитным печатям для сохранения данных обучали в первую очередь. Получалось, что у особо вредных студентов списать не получится, даже если украсть конспект. А я то размечтался, что сразу изучу что-нибудь мощное. На всякий случай.

Придется учиться, сдавать зачеты и, в зависимости от своих успехов, получать допуск к более серьезным вещам. Бахнуть фаерболами не получится, в общем. Много за время поездки изучить не удалось, так что я продолжил в кровати, накрывшись одеялом. Пока

глаза не начали слипаться и голова кивать, в итоге уткнувшись в экран.

Моя тяга к знаниям стоила мне недосыпа, но меня бодрила сама мысль о том, что я разберусь, дайте только уединиться. Но у обители на адептов были свои планы. В плотном расписании было место только на завтрак, обед и ужин.

Нас учили не просто по ускоренной программе, а словно завтра апокалипсис и нужно сегодня изобрести вечный движитель. Даже высокородным некогда было цепляться и изображать презрение. Задолбались все.

Не все преподаватели были этому рады. Тот самый седовласый, чей разговор я подслушал на приеме у цесаревича, оказался учителем по печатям. И его указания сконцентрировать предмет не устроили, так что он ворчал и следовал своему темпу.

Хотя его можно было понять. Правильное сложение фигур из пальцев занимало уйму времени. И каждая печать изучалась не один день. А ещё и слова на странном языке нужно было запомнить. До тех сложносоставных, что я видел во время нападения, учиться надо было... Много, в общем.

И если поначалу мы на предмете были все вместе, то затем адептов разделяли, выделяя для каждого направления своего магистра.

Защитники заучивали те, что помогут бороться с демонами. Удары, защиту и подобные. Чем дальше, тем сложнее. На изучение той, что использовал Глеб для снятия невидимости, мог уйти и месяц. А ещё чем дальше, тем тщательнее нужно было выбирать свой арсенал, всё выучить было невозможно. И оружие, как оказалось, могли призывать только защитники.

Инквизиторы работали с людьми. И их печати позволяли выявлять ложь, успокаивать и усмирять. То есть действительно внушать свою волю. К счастью, такие шутки тоже требовали долгой подготовки.

Экзорцисты должны были уметь удержать одержимого и изгнать демона, захватившего человека. От такого у меня мурашки побежали, но да. Высшие демоны могли завладеть человеком, крайне редко одаренным, в основном обычным. Одаренных защищало божественное происхождение и простейшие артефакты.

С хранителями я не совсем понял. Они вроде были живой картотекой, историками и теми, кто просчитывал родословные до колена богов. Последние особо редкие и ценные, потому что там вместо головы вычислительный центр был. А вот технике такие знания не доверяли.

Искатели искали. В общем-то и всё. Они были способны разглядеть искру непробужденного и оценить его потенциал. Оценка лишь показывала возможность, не гарантировала результат. И чем продвинутое был искатель, тем точнее оценка совпадала с результатом.

Глеба я видел только на боевой подготовке. Там то он лично и занимался нами. Разжалованного Семёна он, как и Карла, взял в будущую команду. Даже оракула нашел. Правда по собственным словам того, слабого.

Оракул, он же Герман, а точнее, после подзатыльника монаха, Ермолай, выглядел как ходячая проблема. С вечной усмешкой, растрепанный и нарочито неряшливый. Вкупе с довольно яркой внешностью и крайне однозначными взглядами, бросаемыми в сторону всех без исключения женщин, вердикт был ясен. Неисправимый бабник и граф, судя по щиту.

Ещё оракул постоянно таскался с бумажными стаканчиками, употребляя кофе литрами. Оказалось, что в дежурке есть кофейный автомат. Который, похоже, исключительно на Германа и работал круглые сутки.

От интенсивности занятий и того, что я хотел знать всё и сразу, запихивая в себя дополнительную информацию после отбоя, головная боль стала постоянной спутницей. Только на стрельбище она отпускала. Там я отрывался, радуя наставника и раздражая остальных.

Кодекс стрелка и в этом мире был таким же, а вбитые давно знания легко ложились в новые руки. Поэтому меня почти сразу отправили сдавать норматив и выдали допуск.

— Но не выделывайся, — поздравил Глеб и сказал, что носить пушку, пока не сдаст хотя бы половина, мне не дадут.

Я не обиделся, понимая, что популярности так я себе точно не прибавлю. Адепты и без того были на взводе от нагрузки. Главное, что могу получить боевое и чувствовать себя увереннее. Тем более что и патроны на задание выдавались освященные. Артефакторы колдовали над обычными патронами, превращая их в подобие призываемого оружия. Такая пуля, если не убьет, а шанс был маленький, то ослабит.

— Выучите у кого какое слабое место, тогда и будете прицельно стрелять, — поучал наставник, выстроив нас в ряд и прохаживаясь туда-сюда. — Да и не все попасть смогут... Тварей развелось столько, что в башке вашей, хоть и пустой, не уложится сразу. А уж вспомнить в тот момент, когда на вас несется демон, мало кто может.

Тренировки по боевой подготовке продолжались тренировками с оружием. Мне выделили какого-то лохматого и бородатого старичка с копьем. Он меня удивил сразу же, сбив с ног и с невероятной скоростью обезоружив.

Брат Матвей был мало того, что крепок, так ещё и соображалкой обладал такой, что тут же напридумывал мне упражнений, подстраивая их под косу. Помимо мельницы, на которой он особенно настаивал, были и другие.

Разнообразные выпады с замахами и поворотами, которые требовали исключительной ловкости. Древко стирало мне ладони, коса выпадала и улетала, пока я находил баланс для каждого хвата.

— То, что ты напоил оружие демонической кровью, не дает тебе право расслабиться, — с порога заявил мне он. — Не обманывайся силой, которой напитывается оружие, не забывай о постоянных тренировках. Только всё вместе будет работать.

Так то я узнал, что чем больше демонов я покрошу, тем лучше мне станет подчиняться коса. Тогда и понял, как мне на самом деле повезло с гулями. Эти не самые опасные для одаренных твари дали мне возможность не умереть при встрече с более страшным противником.

Становилось всё страннее и интереснее. Погода испортилась в тот день, когда мы вернулись от императора. И солнце упрямо пряталось за низкими свинцовыми тучами, а дождь лил и лил целыми днями.

Обитель наглухо закрыли, выковывая новых воинов. Даже самых благородных загнали внутрь, хоть и разместили в отдельном корпусе для особо важных гостей. Их вялые жалобы, что у них только три, а то и вовсе две комнаты, мы слушали на каждом приеме пищи.

А ещё нас начали накачивать эликсирами. Без приходов и жутких отходняков, тем не менее они понемногу меняли организм. Выдавали их на ужине, после чего пара часов головокружения и очень крепкий сон.

Я же реально подозревал, что это мутагены, замеряя свои способности. Сила, скорость, реакции — всё улучшалось. И я понимал, почему не смог справиться с Семёном при нашей первой встрече. Я сам себе прежний уже казался слабым, вялым и заторможенным.

Забыл я про высший свет и их интриги, так и не уделив времени на разговор со Строгановым. Нам всем было не до бесед, в конце дня волновало только одно — горячий душ и кровать.

Один день был похож на другой и они слились в череду однообразных событий. Подъем, душ, завтрак, теория, обед, практика, практика и ещё раз практика. Медосмотр, ужин и, если не давали эликсиров, пробежка, душ, кровать.

Заявление наставника в этой монотонности прозвучало как гром среди ясного неба:

— Собирайтесь, выезжаем на задание.

Мы как раз явились на боевую подготовку и вместо практики получили приказ отправляться за снаряжением и бегом в гараж.

Глоки получили только мы с Германом, остальные так и не сдали на допуск. По два запасных магазина и один увеличенный, на тридцать три. Все освященные, о чём не забыл упомянуть завхоз, жадно поджав губы.

Разгрузка, подсумки — всё в облегченном варианте. Мне даже выдали гранату, почему-то одну с коротким указанием «только если совсем плохо станет». Что, мать их, за экономия на боеприпасах? Но я слишком обрадовался, ласково держа в руках австрийца, чтобы выбивать ещё что-то.

Выдали нам и наушники, но они молчали, пока мы не загрузились в ту самую черную «буханку», где нас дожидался Глеб. Он проверил наш комплект, хмуро покачал головой, но успокоил:

— Задание простое, проблем возникнуть не должно, тем более что нас пятеро. Я с таким и один управлюсь, но и вам уже пора увидеть, с чем защитники имеют дело.

Всем стало не по себе, даже мне, хотя я уже насмотрелся. Но неизвестность давила. В ухе пискнуло и ласковый голосок Ани поприветствовал «проверкой связи». Работало у всех, но оракул принялся узнавать, какие у нашего координатора планы на ужин.

После целебного подзатыльника и гневного вопля в ухе с приказом не засорять эфир, мы отправились на своё первое задание.

Аннушка, немного остыв, бегло посвящала нас в подробности.

— Портовый район, на границе с ганзейскими, но ещё наша юрисдикция. Здание склада, заброшенное, стоит особняком. Камеры засекли тварь, она проникла внутрь. Быстрая, зафиксировать вид не удалось. Камеры там, простите, хреновые стоят. Я прогнала спутниковые снимки за несколько дней, никакого другого движения не обнаружено.

— Что там рядом, есть гражданские? — уточнил монах.

— Нет, никого в радиусе километра. В ста метрах на север вода, сканирование не дало никаких результатов. Но будьте осторожны.

— Как всегда, дорогая, как всегда, — усмехнулся Глеб. — Принято, конец связи.

В наших руках оказались распечатки довольно плохого качества. Смазанное темное пятно и шкала измерений. Метров пять в холке, здоровая тварюга. Можно было разобрать и двухметровый хвост. Надеюсь, что это хвост.

— Так, похож на зубра, — прищурился на снимок наставник. — В худшем случае это помойник.

Мы разом изобразили непонимание и мужику пришлось объяснять, вспомнив что перед ним новички, ещё не сдавшие зачет по бестиарию и кличкам демонов.

— Зубр, потому что туша похожа на бизонью. Только хвост у них длиннее и используется как плеть, таким влетит и вырубить может. Здоровенные и шкура почти

непробиваемая. Слабое место — живот, примерно в том месте, где у животных яйца, короче.

Он замолчал, рассматривая фотографию, вопрос решился задать Семён:

— А помойник это что?

— Этот любитель в помойках прятаться. В вонючее лезть никому не хочется, а этому лафа. Пахнет он не лучше. Хотя может поэтому и воняет так... В общем, не смотря на то, что выглядит он как шерстяной шар, передвигается по любой поверхности, прыгает далеко и вообще на редкость трудноуловимый. Слабых мест... пока не обнаружено.

Ясно, мохнатого колобка надо ловить, а там ногами затопчем. Мне хотелось встрять, но наш наставник, а сейчас командир, сам задал интересующий меня вопрос.

— Берёзка, — хлопнул Глеб по уху. — Что с выходами из катакомб?

— Ближайший в пятидесяти метрах на юго-восток, отмечен на карте. Запечатал местный страж, но лучше проверьте.

Да уж, получить ещё несколько таких с тыла не хотелось бы. Теперь понятно, откуда появилась эта неведома зверушка.

До места добирались мы молча. Карл насупился и подобрался, повторяя жест призыва. Здоровяку не терпелось призвать свой топор. Топорище, я бы сказал, под стать могучему защитнику.

Семён, недовольный, что ему так и не удалось пересдать на ношение, как-то нехорошо взбледнул, но держался молодцом. Тощий парнишка, хоть и считался слабоватым, но восполнял с лихвой соображалкой. Один из немногих, у кого было спаренное оружие, в его случае короткие мечи-близнецы.

Герман витал в каких-то неприличных фантазиях, судя по его улыбке. В его руке трясся, расплескивая кофе, проклятый бумажный стаканчик. Но на общих тренировках оракул показывал себя нормально, под руку не лез, не терялся, команды выполнял. Ещё бы не болтал постоянно о девицах.

— Так, бойцы, — заговорил монах, притормаживая у покосившегося металлического забора, в котором зияла дыра вместо двери. — Я иду первым, за мной Ермолай, по бокам Карл и Семён. Илья прикрывает. Призывайте оружие сразу, как выйдем. Тварь одна, но не расслабляться. Действуем слаженно, следим за линией огня и периметром. Ну, всё как на тренировке, но с живой мишенью, — хохотнул под конец он, но не особо весело.

Снаружи нас встретила хлипкая грязь под ногами и ливень. Зазвучали слова призыва и повспыхивали ладони. Только оракул так и остался со своим стаканчиком. Он не обращал внимание на дождь и прихлебывал уже сильно разбавленный кофе. Но под взглядом командира пожал плечами и выбросил стаканчик за спину, чуть не попав в Семёна.

— Выдвигаемся! — скомандовал Глеб, удержавшись от ругани.

Сначала мы проверили вход в катакомбы. Канализационный тоннель был закрыт решеткой с амбарным замком. Для того, чтобы убедиться в его крепости, попросили дернуть Карла. Железо жалобно скрипнуло, но выдержало.

Вытянутый в сторону воды складской ангар выглядел очень дряхлым. Весь в ржавых потеках, местами зияли дыры, а оставшаяся одна створка ворот косо висела, грозя рухнуть в любой момент.

— Заходим внутрь, — прошептал Глеб координатору.

— Слежу за вами, движения нет, — отозвалась Аня и добавила нежно: — Удачи.

Думать о том, какие теплые чувства связывают этих двоих, времени не было. Мы в установленном порядке бесшумно зашли внутрь, огибая препятствия и держа фонарики

наготове.

Тут не было так уж темно, крыша тоже прохудилась, но мрачное небо и захламленность видимости не добавляли. Мы высвечивали пространство перед собой, рыская по углам, стенам и даже потолку.

А в это время готовился Герман. Оракул складывал две печати. Концентрации и очистки сознания, и поиска. Выделялся на самом деле, рано ещё две сразу лепить. Парень побледнел и сжался, но справился.

Его ноздри расширились, словно он на нюх учуял демона, рука поднялась и мы следили за её движением. Указующий перст странно дернулся, но затем продолжил движение, вверх. Я резко задрал голову и тут то демон и прыгнул.

Как он затаился на потолке, не попав под свет фонарика, кто его знает. Огромная туша полетела на нас, а Глеб проорал:

— Помойник, мать его!

Мы бросились в разные стороны, разворачиваясь на ходу. Карл отпихнул Германа так, что оракул улетел, рухнув в какие-то коробки. Тварь плюхнулась на пол и мы атаковали одновременно, как по учебнику.

В один бок вонзился топор, в другой два меча, лезвие на конце цепи впилося спереди, а я подбежал и припечатал сверху серпом. Этот безмолвным не был. Нас чуть не опрокинуло от высокого визга, в ушах заложило, но команду к повторной атаке я понял и без слуха.

Все отступили и бросились снова. Во все стороны полетели брызги и клоки шерсти вместе с плотью. Монстр оглушительно заверещал и вдруг закрутился, разбрасывая нас всех, как котят.

Я неудачно завалился, подмяв оружие, но успел достать Глок и, отправив патрон в ствол об ремень, выстрелить. Грохнуло, опять взвизгнуло и демон прыгнул обратно на потолок. Вслед полетел один из мечей и выстрелы. Глеб с Германом подключились к стрельбе.

Тварь снова упала, отскочила мячком и поскакала, уворачиваясь от пуль. В его боку так и торчала рукоять оружия Семёна, пока он ждал момента швырнуть второй меч. Подловил шерстяного ублюдка наставник. Сбил цепью на подлете к полу и мы рванули добивать.

Демон булькал и пытался раскрутиться, из его туши вылезли сразу несколько то ли хвостов, то ли лап, но мы их резво отрубали. Карл ухнул и воткнул топор с такой силищей, что почти разрубил тварь, увязнув руками внутри.

Шар все ещё дергался, когда прозвучал тихий голос Германа:

— Кажется, у нас проблемы. Я чувствую ещё... пять, нет, шесть.

Сбоку тут же зашуршало и на нас выскочили сородичи затихшего наконец демона. Только помельче немного, всего пару метров в диаметре.

— Берёзка, подмогу, тут гнездо, мать их! — рявкнул Глеб по связи.

Это что, детки? Умилиться ими не удалось. Распустив свои хвосты демоны шуранули в разные стороны и резко обратно, атакуя. Одного я отбил на лету, как бейсбольный мяч, но с таким размером мы покатались на пол. Я стрелял, пока не закончился магазин. Перезарядка и снова.

Второго успел перехватить прямо за спиной у Германа, целящегося в скачущего по потолку выродка бездны. Закричал Карл, придавленный другим «детенышем» и мы бросились к нему, исполосовывая тушу кто чем.

Оставшиеся вдруг скучковались и рванули туда, откуда вылезли.

— Храни меня Вечная, там ещё, много! — у оракула глаза расширились от страха.

— Отходим! — скомандовал Глеб, рывком поднимая Карла. — Илья, граната.

Серьезно, у меня, лять, одна единственная граната на всех? Я выдернул чеку, швырнул и понесся вслед за выбегающей наружу командой. Пятьсот один, пятьсот один... Взрыв всё таки кинул нас в какую-то жижу, сверху накрыло обломками.

Мы лежали, прикрыв голову, я думал какого хрена нам не выдали шлемы, а за спиной протяжно скрипнуло и затрещало. Склад осел, сложившись крышей внутрь и радостно запылал пламенем.

Топот ног известил нас о прибытии подкрепления. Те уже особо не церемонились, выпустили несколько очередей и докинули ещё одной гранатой. Мы наконец выбрались из лужи, и пока наставник убежал к братьям, уселись у остатка какой-то стены, прислонившись спинами.

Так и сидели, отходя от стремительного боя. Сверху поливало, смывая налипшую на одежду дрянь, но мы не шевелились. Дождь чуть ослаб, да и теплым был... Перед нами догорал склад, за ним высились небоскребы. Красота.

Наставник, решив какие-то организационные вопросы, вернулся, внимательно оглядел каждого из нас, и бодро спросил:

— Ну чего расселись? Отдохнули, и хватит, подъем. А сейчас...

— А сейчас, ваше сиятельство, было бы неплохо в бордель... — мечтательно произнес Герман, задумчиво оттирая от ботинка какой-то кровавый ошметок.

Мы заржали так дружно и заразительно, что и Глеб начал расплываться в улыбке, тщетно пытаясь её сдержать. В итоге махнул рукой:

— Будет вам хлеба и зрелищ, святоши.

Глава 23

— Хлеба? — заинтересовался Карл.

— Зрелищ? — подозрительно уточнил я.

— Лучше бухла и девиц, — не отступал от своего плана Герман.

Монах уставился на Семёна, ожидая его комментариев, но парень успел задремать и дернулся, отреагировав на наступившую тишину и открывая глаза:

— А? Да, конечно.

Со стороны забора началось какое-то оживление и наставник обернулся, поморщившись.

— Сначала у вас смотрины будут, как у девиц, — сообщил он и махнул нам подниматься.

То ли он сделал это не слишком настойчиво, то ли нам всё равно было, но никто не поднялся, только все дружно головы повернули в ту сторону.

Перескакивая на цыпочках лужи и разбросанный мусор, к нам приближался мужчина. Он балансировал в этом царстве грязи, держа высоко над головой ярко-красный зонт. Во второй руке был сжат белоснежный платок, который он то и дело прикладывал к носу, страдающие закатывая глаза.

Движения, жесты, костюм с иголки, небрежно накинутый на одно плечо плащ и всё ещё до блеска начищенные ботинки выдавали в нём особого представителя аристократии. Брезгливо-манерного, но исключительно вежливого.

— Господа, — мучительно выдохнул он, с трудом добравшись до нашей компании. — Это вам я буду благодарен за доблестную очистку моего имущества от злобных исчадий

ТЪМЫ?

От постановки вопроса Герман невоспитанно хрюкнул и тут же закивал, прикрывая рот. Меня это «буду» тоже смутило, но похоже в лексиконе хлыща слова «должен» в принципе не существовало.

Мужчина с искренним ужасом посмотрел на пятнышко на своем рукаве, нервно протер платком, тут же выбросил его на землю и извлек из кармана такой же. Надушенный платок занял своё место у носа, а хозяин этой клоаки представился:

— Граф Дмитрий Алексеевич Демидов.

Герб мы его заметили, но пришлось всё же подниматься. Пусть антураж не очень соответствовал, но этикет требуется соблюдать даже рядом с горящими демонами.

— Ваше сиятельство, — по очереди кивнули мы.

Граф мельком задержался на наших нашивках, но так как мы не все были признанные, решил не выделять титулы и снова повторился:

— Господа. Тогда выражаю вам благодарность и мои заверения, что ваша отвага не останется незамеченной, — важно пообещал Демидов. — Мы с радостью воспользуемся вашими услугами в будущем, — он задумался на секунду и замахал на нас платком. — Только, безусловно, отмойтесь сначала.

Кто это «мы» и какие им услуги могут потребоваться, я уточнять не стал. Глеб всё так же болезненно морщился от каждого жеста и слова графа, остальные довольно равнодушно внимали. Даже Карл не стушевался и слегка нахмурился, взирая на франта сверху вниз.

Его сиятельство впихнул каждому в нагрудный карман по визитке, после чего тщательно вытер руки, опять сменил платок и удалился. Я наблюдал, как он виртуозно скачет обратно, и поинтересовался у наставника:

— И что это за повелитель помойки такой?

— Зря смеешься, Илья, — монах тоже с любопытством глядел вслед графу. — Демидову принадлежат почти все прибрежные территории. То, что ты называешь помойкой, в скором времени превратится в новые торговые кварталы. Его сиятельство намерен стать конкурентом ганзейцам, благо средства у него на это есть. Несмотря на это, — он спародировал жеманное размахивание платком, — хватка у него железная, да и дела вести умеет.

Ладно, пусть мне не совсем была понятна суть подработки мордой у таких вот людей, но как вариант почему бы и нет. О такой возможности засветиться и отметиться мечтали почти все непризнанные. Да что уж, и некоторые признанные с законниками, кто был не из самого богатого и известного рода.

Платили хорошо, но самое главное тут было именно в том, чтобы примелькаться среди знати и заработать себе репутацию. Церковь не то что не запрещала такие халтуры, а наоборот поощряла, сама выписывая отличившихся служителей аристократам.

Те же охотнее поставляли отпрысков, а отпрыски могли сами увидеть, какой их ждет карьерный рост. В общем, одно от другого зависело, делало вид что не зависит, но система работала.

— Высший свет мы видели, — встрял Герман, — Давайте уже посмотрим полусвет.

— Да откуда в вас, ваша светлость, такое берется? — усмехнулся наставник, осуждающе качая головой.

Оказалось, что наш граф Ермолай нахватался манер и образа жизни, прохлаждаясь целый год в салонах Парижа. Оттуда появилось и имя Герман, взамен труднопроизносимого

иностранцами настоящего.

В чём он и признался, причем только сейчас, чем вызвал больше доверия к своей персоне. Слишком уж много разнообразных хвастунов тут было. Но парень просто пожал плечами и вновь поинтересовался развлекательной программой.

— Ладно, — неожиданно согласился монах. — Первый боевой выезд можно и отметить. Будет вам полусвет, молодежь. Но сначала в обитель, сдавать снаряжение и приводить себя в порядок. Выправлю вам выезд в город.

Полусвет в столице отдыхал под боком у высшего и неподалеку от обители, Ганзы, старинного делового квартала и более простых жилых. Можно сказать на удобном расстоянии ото всех слоев общества, сплавом которых и являлся.

Целая улица ресторанов и салонов каждый вечер принимала самых разнообразных гостей. Едва услышав Рубинштейна, я уже понимал, что нас ждет. Композитор и тут отметился, дав имя одному из самых известных мест Питера.

Здесь мирно соседствовали их светлости и сиятельства с авантюристами и купцами. Ну, в основном мирно. По словам Глеба, который вводил нас кратко в курс дела, пока вёз после ужина на место. Он посоветовал в темные переулки не соваться, так как там не посмотрят князь ты или служитель, могут и по башке дать.

Местной тусовке такие переулки приносили ещё больше острых ощущений, поэтому с такой обратной стороной особо не боролись. В общем, тут правил гедонизм и высмеивание вместе в восхищением высшим обществом.

Аристократы отправлялись сюда расслабиться, при этом придерживаясь своеобразного этикета. Представители купечества сорили деньгами, финансово поддерживая этот карнавал. Обычные люди или небогатые дворяне приходили приобщиться к чему-то недостижимому. Ну а иностранцы пользовались всеми, шпионя и заводя нужные связи.

— Время у вас до полуночи, — напутствовал монах, сверив часы, когда мы добрались до самого сердца полусвета, салона Павловой.

Большой четырехэтажный дом с парковкой во внутреннем дворе, что было очень кстати с учетом отсутствия свободных мест на улице. Вечер уже наступил, загорелись фонари и по количеству припаркованных автомобилей и их уровню было понятно — высший и не очень свет гулять изволят.

Мне было гораздо интереснее пройтись по улицам, изучая местных и их жизнь. Вечерний город способен показать многое. Но навлекать на себя неприятности, которые мне монах наверняка устроил бы, пока не хотелось.

Вроде комендантский час в обители скоро должны были отменить, тогда и начну свои личные исследования. А пока, здравствуй, вертеп.

Убранство внутри осталось вполне классическое — паркет, арки, лепнина, ниши со статуями и шикарные люстры. Пусть они и не сияли, а еле светили, создавая интимную обстановку. Переходы между залами закрывали тяжелые бархатные шторы, везде стояли диваны, кушетки, кресла и столики.

Запах сигар, женского парфюма и алкоголя обволок, едва мы переступили порог. И тут же к нам подскочила распорядительница.

Хостес была одета вполне прилично, не считая практически полностью обнаженных ног. Наглухо застегнутый пиджак с воротником-стойкой напоминал генеральский мундир. А вот снизу были шорты, ну по-крайней мере больше похоже на шорты, чем на трусы. Она

умело балансировала на высоченных шпильках и улыбалась так, что Герман сразу поплыл.

— Господа у нас впервые? — проворковала девица, быстрым оценивающим взглядом окинув нас всех.

— Они — да, — тут же сдал нас Глеб, усмехаясь.

И моментально испарился. Только я отвлекся, мысленно прикидывая длину девичьих ног, как наставник улизнул. Девушка уже увлекала нас вглубь мерно гудящего салона, показывая владения.

Я бродил за компанией, внимательно всё рассматривая и стараясь при этом не сильно пялиться на гостей. Неприлично в таких местах смотреть в открытую. А явно было на кого, судя по периодическим приветственным кивкам Строганова.

Нам показали разнообразные гостиные, бары, литературные, музыкальные и игральные комнаты. Вереница помещений уводила всё глубже, опьяняя запахами, смехом и призывными взглядами.

Я отстал через какое-то время, увидев запасной выход, а рядом уютный бар. Хотелось просто посидеть в относительной тишине и покое. Тут был камин и горел самый настоящий огонь. Несколько столиков с глубокими креслами, изогнутая барная стойка и высокие окна, выходящие на балкон.

Всего несколько человек, пара мужчин тихо беседовали в дальнем углу, ещё один сидел в одиночестве с газетой и пил кофе. Я сел на лучшее место в барах — на высокий барный стул у дальнего края стойки. Так, чтобы видеть всех присутствующих и вход.

И достал карточку, зажав её двумя пальцами. Мне её выдали через пару дней после награждения. Самый главный банк тут тоже принадлежал церкви, где и открывали счета служащим. Абсолютно черная, с золотым тиснением в виде треугольников, без каких либо других символов.

Украсть и воспользоваться картой было невозможно, при выдаче она привязывалась печатью к владельцу. И работала только в его руках, что делало её и своеобразным удостоверением.

Такие выдавались только служащим, что вызывало отдельную зависть у прочих аристократов, обладателей золотых именных карт. Ведь не все пробужденные становились храмовниками.

— Что желаете? — бармен плавно перетек ко мне.

Я растерянно глянул за его спину, где на полках стояли десятки разнообразных бутылок, графинов и прочих тар разнообразных форм и размеров. И вспомнил одно из любимых местечек моего города и улыбнулся:

— На ваш вкус, не сладкое и побольше льда.

Бармен, оправдав мои ожидания, уверенно кивнул и ушел колдовать. Через минуту передо мной появился хрустальный низкий стакан с чем-то янтарным, среди поблескивающих острыми гранями кубиков льда. Небольшой глоток, удовлетворенная улыбка и растекающееся по горлу приятное тепло. Вот теперь хорошо...

Напряжение потихоньку отпускало мышцы, в камине убаюкивающе потрескивало и хотелось так и сидеть, даже не двигаясь. Все эти дни в бесконечном движении и обучении как-то разом навалились и отпустили после ещё одного глотка.

Через распахнутые двери иногда доносились смех и разговоры прогуливающих гостей, но долгое время никто не заходил внутрь и не нарушал покой этого места. Я уже было взялся за телефон, хотел внимательнее изучить столичные фамилии, а точнее узнать побольше про

Демидова, как заметил движение.

Комнату целеустремленно пересекла нифма. Как прелестницы способны порхать на таких каблуках, до сих пор было для меня тайной. Но я каждый раз не забывал вознести мысленную благодарность всевозможным высшим силам за зрелище. Девушка, стройная, смуглая и черноволосая, в коротком черном платье, подлетела к стойке и махнула бармену:

— Водочки дай мне.

Она лихо хлопнула поданную запотевшую рюмку, велела повторить, выпила её и попросила эспрессо, наконец присев и оглядевшись. Её взгляд остановился на мне, в глазах промелькнул профессиональный интерес, затем она заметила нашивку и немного смущенно произнесла:

— Ох, извините, брат.

Симпатичная девушка, только блудница поди. Я улыбнулся в ответ, подняв свой стакан и слегка им покачал. Чего она пристыдилась, я не понял. Не в таком месте и не после всего того, что я видел.

— Можно вопрос? — нерешительно и тихо спросила она.

— Конечно, — сделал я приглашающий жест.

Девушка шустро пересела ко мне, покрутила в руках кофейную чашку, отставила её и хитро улыбнулась:

— А вам совсем ничего нельзя?

Я чуть не поперхнулся божественным напитком. Похоже она тут впервые, как и я. И явилась из настоящего монастыря. Нельзя, как же. Только что трое таких братьев отправились явно не стихи слушать. А Герман перечислял требования к внешности точно не чтеца.

Стоит ли разбивать девичьи мечты или я могу спасти эту грешную душу? Но тут мой взгляд упал на её коленки и святости слегка поубавилось. Я задумчиво поглядел в свой стакан, покручивая его в руках и вспоминая хоть что-то подходящее из кодекса.

Тем более, что девушка достала утопленный в декольте кулон с символом всеблагих и сжала его в ладошках.

— Все мы в руках всеблагих, — ляпнул я невпопад.

Да что я несу? Но начинающая жрица любви фразу про руки интерпретировала по-своему и положила свою руку мне на колено, медленно поднимая вверх. Тут же окатило жаром и ударило в голову. Так, надо освежиться.

Я остановил эти поползновения, мягко положив свою руку сверху, улыбнулся как мог более дружелюбно и встал:

— Прощу меня простить, скоро вернусь.

Блудница захлопала ресницами и закивала, а я направился к запримеченному запасному выходу. Нужно немного остудить голову и охладить молодое и горячее тело. В башке совсем дурные мысли плавали. Что минет по случайности я уже получил, а теперь могу за отпущение грехов.

Выход вел во внутренний двор. Безлюдный, тихий, небольшой и с проездом на боковую улицу. Тут стояли крупные мусорные контейнеры и пара простых автомобилей. Скорее служебный, чем используемый гостями.

Я прогулялся до улочки, осмотрелся, надышался свежим после дождя воздухом и развернулся идти обратно. Сделал я всего лишь пару шагов. Дверь распахнулась и оттуда вылетел человек, запнулся, перекатился пару раз и замер. Но стон дал понять, что живой.

За ним в светлом проеме появились фигуры. Одна, вторая, третья и ещё одна, пониже. Света тут почти не было, только с улочки попадало немного от тусклых фонарей. Но разглядеть, что вышедшие не задохлики, я смог. Да и двигались они очень уж уверенно.

Компания собралась у лежавшего, окружив со всех сторон. Фигуры задвигались, раздались звуки ударов и стоны. Кого-то довольно слабо, но настойчиво отпинавали ногами. Меня они явно заметили, я торчал здоровенным истуканом посреди прохода. Но внимания не обратили.

Ладно, не моё это дело... Меня блудницы ждут.

Рокот мотоцикла взорвал тишину и, отражаясь от стен, усилился, оглушая. Через минуту со спины полыхнуло фарами и высветило всю сцену детально. На земле лежал парень, белая рубашка уже перепачкана в крови и грязи, он держался за голову, неумело её прикрывая.

Его обидчики были все как на подбор — крепкие спортивные ребята в немаркой и удобной одежде. А вот четвертый уже больше смахивал на аристократа, по крайней мере на его пиджаке был герб. Щит я заметить не успел.

Я обернулся, прикрывая глаза. Мотоцикл остановился на въезде, с него слезла очень знакомая фигурка... Да неужели? Пока я всматривался, девушка сняла шлем и сначала обратила внимание на меня.

— Ты? — удивилась моя спасительница и добавила с откровенным разочарованием: — Тут? Ну конечно...

Объясняться с ней о причинах присутствия в таком месте я и не хотел, и не успел. Девушка заметила тех, кто был за моей спиной и бросилась туда:

— Оставьте его в покое сейчас же!

Парень на земле на её крик активно зашевелился и простонал:

— Ну куда ты опять лезешь, сестренка?

— Сестренка, вот как? — тут же оживился низкий. — Так может она за тебя расплатится, ваша светлость? Так уж и быть, проценты за такую малышку мы тебе простим.

Девчонку перехватили на подлете двое и приподняли в воздух. Сопrotивлялась она отчаянно, тут же врезав одному ногой в колено. Его подкосило, но второй обхватил её сзади, придушивая и выдавливая жалобный писк.

Третий повернулся ко мне и прищурился, пытаюсь рассмотреть:

— Ну а ты чего уставился? Вали отсюда, пока цел.

Я посмотрел вверх, ловя лицом мелкие капли вновь припустившего дождика. Ну и нахрен мне это нужно? Тяжело вздохнул и начал закатывать рукава.

Глава 24

Четверо против одного плюс неугомонная девица. Не лучший расклад, учитывая что по крайней мере трое в хорошей форме. Но и не худший, если они не одаренные. Никаких гербов на их одежде я не видел, но это не значит, что они обычные люди.

На своё преимущество в виде усиленного пробуждением и эликсирами тела я рассчитывал, но пока ещё с опаской. Испытать его кроме как против демонов случая не представилось. Оружия я не заметил, но это тоже не означает, что его нет. Расклад не очень ясный.

Для начала попробуем договориться.

— Господа, — вежливо, но холодно сказал я, медленно приближаясь. — Будьте так любезны и отпустите девушку.

Держащий в удушающем захвате девушку гоготнул и чуть расслабился:

— Мы будем так любезны, что ты уйдешь целым, паря. Опа...

Я подошел сбоку и на мою форму упал свет от фар мотоцикла. И вся компания увидела знак защитника. К моей удаче отреагировали они скорее положительно.

— Брат, — уже более спокойным тоном обратился ко мне благородный главарь. — Извините, сразу не признали. Но, видят всеблагие, не духовные это дела и не стоит вам вмешиваться.

Что же, диалог возможен, уже неплохо. Близко я не подходил, остановился в паре шагов, держа руки на виду. Не стоит их раньше времени нервировать, раз уж они в курсе кто я такой и на что способен защитник.

Видимо уже имели дело с храмовниками, раз даже на возраст скидку не сделали. Опытные и разумные — вдвойне опасные. Это не дворянские отпрыски с самомнением богов, эти будут валить сразу и наверняка.

Девчонка, судя по неудачной попытке освободиться, непробужденная, но скорее всего просто необученная. Как и её брат, не смотря на то что светлость. А значит из светлейших князей, верхушки аристократии. А эта смелая лихачка, выходит княжна.

И пока княжич просаживает состояние, с большой долей вероятности, в карты, княжна рассекает по ночному городу на Дукати. Ещё одна светлейшая семейка, любящая неприятности.

— Согласен, не моё это дело. Но у вас дела с ним, — я кивнул на парня, подглядывающего на нас с земли. — Девушка тут не при чём и не заслуживает столь грубого обращения. Отпустите её и мы уйдем.

Уж прости, дорогая, не надо на меня такими умоляющими глазами смотреть. Но до твоего дурного брата мне точно дела нет. Нечего влезать в долги, большой мальчик, пусть сам и разбирается.

Низкий даже особо не раздумывал, просто жестом приказал отпустить княжну и та тут же схватилась за горло, злобно поглядывая на всех, включая неудачливого родственника. Ой, не нравится мне её взгляд...

— Вы правы, приношу свои искренние извинения, — с легким сарказмом откланялся главарь. — Погорячились, ваша светлость. Не смеем вас задерживать. А теперь...

— Отпустите моего брата! — приказала княжна, гневно топнув ногой.

— Яна, да уходи ты, — неожиданно поддержал мою идею княжич, качественно улучшив отношение к себе.

Кредитор чуть нахмурился, но бросив на меня быстрый взгляд, попытался разрешить проблему:

— С вашим братом разговор ещё не окончен, а вам действительно пора. Не волнуйтесь, живым он останется, не уверен насчет целого. Доброго вечера, — немного раздраженно закончил он.

Дальше произошло сразу несколько вещей. Я шагнул к княжне, чтобы попросту схватить её и, если надо, унести. Княжич начал приподниматься и один из подручных пнул его ногой под ребра, кажется на автомате. Девушка тут же воинственно взвизгнула и со всей дури зарядила обидчику между ног.

Тот резко согнулся и ударил её огромной башкой, от чего она отлетела ко второму, метнувшемуся на помощь. Третий же врезался в меня, наши траектории именно в этот момент сошлись.

Такое развитие ситуации я называю — всё полетело к ебням.

Налетевший на меня воспринял моё движение как атаку и я едва успел увернуться от его хука. Кулачище пролетел, мазнув по уху, я перехватил его за запястье, резко выкрутил и пнул коленом под дых, когда того согнуло от боли.

— Сука! — прозвучало сбоку и следом раздался звук мощной пощечины.

Ненормальная девица успела расцарапать рожу последнему стоящему на ногах, а он вlepил такую оплеуху, от которой княжна плюхнулась на пятую точку. Сильно впилась, на щеке у того были глубокие борозды, а рука потянулась за спину.

Кровь ударила в лицо и дальше я действовал на рефлексах. А последние вбитые рефлексy были простыми — сложить печать и призвать оружие. Вспышка и быстрое движение вперед.

Я влетел между девушкой и третьим, плавно выводя косу перед собой. Лезвие едва коснулось толстой шеи, на ней тут же проступила кровь и озверевший мужик застыл, распахнув глаза.

Меня немного сорвало. Во-первых хрен пойми, что у него было за спиной, нож или пистолет, неважно. И нет, во-первых меня конкретно срывало, когда били женщин. С детства пошло, когда бухой папаня дубасил меня с сестрой. Пока я не вырос достаточно, чтобы отдубасить его.

Долбаный триггер, из-за которого я не раз впутывался в истории. Знал, но ничего не мог с собой сделать. За каждый синяк, оставленный ублюдком, за каждую слезинку, пролитую Таней.

Видимо в моих глазах стояла такая тьма, что главарь отшатнулся. Понял, что сейчас погромсаю их всех. Аристократ сглотнул, нехорошо прищурился и отдал приказ:

— Уходим.

Я чуть потянул древко на себя, давая понять мужику, что он может валить. Тот поднял остальных и они, пошатываясь, пошли к двери. Замыкающим следовал главарь и уже в проеме он обернулся, обращаясь ко мне:

— Нехорошо, брат, лезть в чужие дела, нехорошо.

Напрямую угрожать, пока у меня в руках коса, а его ребята не в лучшей кондиции, он не осмелился. Но посыл был ясный, и тут меня запомнили. Хотелось послать к демонам ростовщика, но я сдержался.

Не в таком состоянии нужно огрызаться, иначе точно кому-нибудь подрежу длинный язык.

— Благодарю вас, — парень уже поднялся при помощи сестры и пытался отряхнуть рубашку. — И простите, что вам пришлось вмешаться, моя сестра несдержанна...

— Я не сдержана? — завелась княжна. — Я твою шкуру спасала, неблагодарная скотина!

— Мою, как и твою, шкуру спас этот добрый, — он замялся, глянув на мою косу, — слугитель всеблагих. А тебе, Яна, я уже говорил не вмешиваться. Я сам способен...

— Тебя избивали ногами! — перебила девушка. — И ты опять играл! Ты же обещал мне!

— Прости, не удержался. Баккара моё проклятье и моя отдушина, — грустно сообщил княжич. — Увы, такова цена невезения и моей, признаюсь, небрежности к финансовым вопросам. Я запомнил, сколько уже должен и был удивлен, когда мне назвали сумму. У нас возник небольшой спор...

Его печальная любезность меня позабавила бы, в любое другое время. Но после драки

кулаками не машут, я спас, пусть и временно, светлейшего, а тот оказался вполне нормальным.

— Ох, прошу меня простить, — княжич тщательно обтер руку о брюки и протянул её мне. — Не имел возможности представиться. Светлейший князь Сергей Александрович Меньшиков, к вашим услугам, брат...

— Илья, — принял я его руку.

Вот как, если он князь, значит глава рода. Понятно, почему батя ремнем по светлейшей заднице не бьет за такие пристрастия. А сестренка ночами экстремальными видами транспорта увлекается. Высочайшие беспризорники.

— Ещё раз благодарю, надеюсь смогу отплатить за вашу помощь. Яна, будь добра, сообщи защитнику наши номера. Боюсь, мой телефон разбит, мои карточки рассыпались где-то тут, а один из ударов по голове вынудил мой рассудок слегка помутиться.

Выглядел Меньшиков и правда не очень. Его пошатывало, губа была разбита, а волосы на виске слиплись от крови. Но он тут же заверил, что в порядке и всё скоро заживет. Да, заживало на пробужденных всё поразительно быстро, но чтобы притупить реакцию на боль, этого мало.

Княжна замешкалась, растерянно переводя взгляд с брата на меня. Вроде тоже поблагодарить хотела, но в глазах оставалась эта детская обида, что застала меня у злчного места. Умеют же женщины начать ревновать прежде, чем познакомиться.

Я лишь покачал головой и достал свой телефон. Мы обменялись контактами, Яна снизошла всё таки до смущенного «спасибо» и тоже назвала свой номер.

Светлейший в салон возвращаться не стал, сестра грозно велела ему отправляться домой, усадив за свою спину. Под адское стрекотание они ещё какое-то время переругивались, затем попрощались и умчались в ночь.

До полуночи оставалось ещё полчаса и я решил пойти сразу на парковку, дожидаясь там остальных. Возвращаться внутрь могло быть опаснее, чем короткая прогулка по улице. Встретил я лишь Глеба, который тоже заранее вышел наружу.

Наставник подозрительно осмотрел меня, заглянул за спину, но так как я даже одежду испачкать не успел, не спросил с какого я пришел с улицы.

Пользуясь случаем, поинтересовался я насчет Меньшикова.

— Его светлость? — удивился монах. — Знаю, конечно, завсегдатай салона. Неужели успел познакомиться? Ну ты шустрый. Известная персона в картежных кругах, увы. Как отец их погиб год назад, новоявленный князь топил горе в самых разнообразных утехах. А сестра его, княжна Ульяна, столько уже скандалов закатывала тут, вытаскивая братца. Её светлость же в другую крайность бросило, тоже известная персона, но уже другим...

— Да видел, — усмехнулся я.

— А, понятно, — хитро прищурился Глеб. — Княжна, значит, тебя зацепила, а не князь. Да боги меня упаси от такой взбалмошной девицы. Это же ходячая проблема. Ну или проблема на двух колесах. У неё же крышу срывает по любому поводу. Я поежился:

— Нет, просто удалось познакомиться с обоими, случайно.

— Ну раз случайно... — ничуть не поверил он. — То Меньшиковых пока все избегают. Хотя их капитал огромный, несмотря на все попытки князя его спустить, но пока его светлость за ум не возьмется, дел с ним вести не будут.

— Ты тут часто бываешь? — я вдруг понял, что он слишком уж хорошо ориентируется в гостях.

А мне то казалось, что монаху все эти светские дела безразличны.

— Иногда, — ушел от прямого ответа Глеб. — Тут удобное место для встреч, так сказать.

Ясно, снова шпионские страсти. Хотя логично, где ещё встречаться со своими информаторами из высших и средних слоёв общества, как не здесь. Публика самая разнообразная, затеряться и найти укромное место несложно.

Поболтать ещё не удалось. Из дверей буквально выпала будущая гордость императорской обители — в дупель пьяные адепты. Рубашки не заправлены, волосы взлохмачены, а Герман так и вовсе был весь перемазан в губной помаде.

— Ик! — громогласно сообщил Семён. — Прибыли вовремя!

И начал оседать. Его вовремя поймал Карл, самый стойкий, благодаря массе и деревенской закалке. Взгляд у здоровяка тоже был мутным, да и штормило, но брата он удержал. Затем подумал немного и подхватил под руку и Германа, на всякий случай.

— Красавцы! — сказал наставник с гордостью вперемешку с неодобрением.

Красавцы на следующий день сильно страдали, но поблажек наставник им не делал. Гонял усиленно, напоминая о расплате за отдых. Герман было пытался намекнуть, что отдых же был наградой за успешно выполненное задание и что-то не сходится. За что заслужил ещё десять кругов вокруг обители.

Комендантский час, как и обещали, отменили. Но времени на прогулки по-прежнему не оставалось. Нас точно готовили к апокалипсису. Я каждый день ожидал, что вот-вот развернется земля и оттуда ползут легионы демонов.

Но всё было относительно тихо. Пили эликсиры, учились, тренировались, сдавали нормативы и зачеты, не успевали, списывали у тех, кто не защищал свои конспекты.

Княжич Ростовский пытался пару раз подстеречь меня в тихом месте. Первый раз я ему просто сломал нос, довольно аккуратно. Жаловаться он не побежал, но через два дня вернулся. Подмогу княжич не звал, так что я пожалел беднягу и устроил всего лишь множественные ушибы тела. После этого он успокоился, надеюсь занялся тренировками, рефлексy у парня никуда не годились.

Пополнялся и счет, боевыми выездами. Нашу команду, как самую успешную среди новичков, отправляли чаще всего. Оказалось, что остальным не так везло, одному адепту даже руку откусили, но в основном обходилось несколькими днями в лазарете.

Больше на гнезда мы не натыкались. Да и такого месива не было. Ползали по заброшкам и канализации, вылавливая мутантов. То каких-то крыс размером с аллигатора вытравливали. То ловили по подстанции чертей. Реально чертей, как я их из детских сказок помнил. Козлообразных, хвостатых прямоходящих и быстропрыгающих. Ну хоть не блеяли, а ядом каким-то плевались.

Не то, чтобы я заскучал. Твари пугали размерами, силой, разнообразием и способностями. Но ко всему начинаешь привыкать, по мере изучения бестиария. Пока нам попадались демоны подвида мелких, по их меркам, паразитов.

Изменилось всё, когда мы вновь отправились под землю. Не в Авалон, а в технические тоннели под один из заводов того самого графа Демидова. Похоже, что владения его сиятельства привлекали особые редкие виды.

Мне к тому времени уже доверили замещать командира и мы разделились. Со мной отправился Герман и Карл, а наставник с Семёном пошли в другую сторону. Тоннель

образовывал круг и нам нужно было не упустить воющую ночами тварюгу.

Граф сам вызвал именно нас, сетуя на то, что работники наотрез отказывались выходить в ночные смены из-за этого воя. Но как выяснилось после настойчивых расспросов Глеба, помимо пугающих звуков, была проблема серьезнее — пропали двое человек.

Мы изучили план тоннелей, обошли их все и последним оставался этот. Передвигаться приходилось очень осторожно и пригнувшись. Потолок тут был совсем низким, а стены облеплены трубами и кабелями.

Через несколько минут моргнул и без того слабый свет, и мы включили фонарики. Карл призвал топор, а мне оставалось лишь достать Глок, в такой тесноте от косы толку не было, только своих зацеплю, да все провода перережу.

Двигаться приходилось гуськом. Я шел первым, за мной Герман, а за ним уже пыхтел Карл. Оракул хлопнул меня по спине, в знак того, что впереди что-то может быть. Мы уже наловчились быстро подавать знаки. Один хлопок — вероятность чего-то живого, не факт, что демона. Два — это не человек. Ну а про более серьезные проблемы он уже в голос орал.

— Возможно обнаружили объект, — шепотом доложил я по связи.

— Осторожнее, мальчики, — промурлыкала нам в уши Аня.

Мы удостоились чести стать и её любимчиками, к явному неудовольствию Глеба. Я всё больше подозревал, что она его дочь, уж больно по-отечески он её берег от Германа. Граф уже получил в морду за намеки и успокоился.

Лампы совсем погасли и мы рассредоточили свет фонариков. Я вперед, а Карл назад, чтобы никто не подкрался со спины. Герман из-за моего плеча высвечивал поочередно потолок и пол. Там то я увидел нашего врага.

Обычный дворовый котяра, бело-рыжий и с разодранным в драке ухом, свернулся клубочком и дрых на теплой трубе. Он недовольно открыл глаза и предупредительно зашипел.

— Отбой, это кот, — доложил я.

— А какой породы? — тут же начала любопытствовать Аня.

— Да ну какая... — хотел возмутиться я и тут котяра стал меняться.

Шерсть за мгновение потемнела, он начал стремительно расти, морда вытягивалась, появились острые клыки, а на лапах высунулись когти. Вот похожий коготок я видел на камерах наблюдения. Размером с мою ладонь, он резанул меня по щеке, обжигая острой болью.

— Ёб твою мать! — четко определил я породу нечисти и выстрелил, шарахаясь назад.

Запнулся о Германа и мы повалились на пол, но я продолжал стрелять. Тут то демон завыл, перекрывая грохот выстрелов. И я понял, чего так резко сократилось число работников завода. Кажется, кровь из ушей пошла от жуткого протяжного воя.

— Что это за хрень? — орал подо мной граф.

— Да я откуда знаю, чужой какой-то! — орал я, продолжая жать на спуск.

Тварь дергалась от попаданий и её отбрасывало назад, но демон так и норовил прыгнуть на нашу кучу-малу, извиваясь прямо как упомянутый мной ксеноморф.

— Какой? — не понял Карл, устоявший на ногах.

Ему было не дотянуться своим топором и здоровяк обиженно сопел, не забывая при этом светить за наши спины.

— Да похрен какой, кидай паутиной!

Топор исчез и парень принялся складывать печать, бормоча под нос слова. Я стрелял и

молил богов, чтобы тот справился. Зачет по печатям Карл сдал еле-еле, ловкости в крупных пальцах было пока немного.

Паутина, сдерживающая на короткое время, вышла небольшой и оплела только три ноги и часть морды демона. Тем менее он завалился на бок, пытаясь содрать с себя невидимую сеть.

Это дало мне возможность перезарядиться и наконец слезть с Германа. И если с оракулом мы ещё могли разойтись в узком тоннеле, то пропустить вперед Карла шансов не было. Застрали бы намертво, на радость демону.

— Мы в пути, держитесь! — еле услышал я сквозь вой запыхавшийся голос наставника.

Если бы тут ещё побегать можно было... Но Герман тоже очухался и достал пистолет. Я снова упал на пол, ему в ноги, а он стрелял сверху. Мы окончательно оглохли от выстрелов и воя, так что Карлу пришлось стучать нас по макушкам. Подмога прибыла и не могла подойти из-за линии огня.

— Ложиись! — всё таки услышали мы.

Куда, лять? Я чувствовал себя тем медведем в дупле, который слишком много ест. Но мы каким-то образом умудрились отползти назад и прижаться к холодному бетону. Бахнуло, окутало дымом и окатило жаром, затем прошла ледяная воздушная волна и наконец всё стихло.

— Живые? — прозвучало из тумана.

— Да вроде! — жизнерадостно ухнул Карл, ощупывая нас, и закашлялся.

Противогазы, нам нужны противогазы... Я в очередной раз проклял жадного завхоза и достал из кармана платок, закрывая нос и рот. Выбирались мы почти на ощупь и очень быстро. Глеб волок за хвост нашего «котика».

Я подумал, что он прихватил тушку, чтобы отчитаться перед заказчиком, но оказалось всё немного иначе.

— Я вызываю инквизиторов, — хмуро сообщил монах, когда мы выбрались и предстали перед манерным графом.

Ещё и демона подбросил ровно к начищенным ботинкам. Демидов чуть ли не вдохнул свой неизменный платок внутрь от возмущения.

— Чтоооо это?

— Это, ваше сиятельство, перекидыш. А значит в вашем заведении ведьма.

— Чтоооо? — повторился хозяин и чуть не рухнул в обморок от такого обвинения.

Я аж за щеку схватился. Перекидыш? Я что теперь, стану в полнолуние обращаться в драного кота или чужого? Такого мы не проходили и фантазия разгулялась не на шутку.

— Вызывайте кого хотите, — наконец взял себя в руки Демидов. — Я к этому не причастен.

В общем, когда Глеб сообщил в обитель и мы дождались целой команды дознавателей, выяснилось, что я останусь человеком. Перекидыш не оборотень и вообще это чушь, человек в животное обращаться не умеет.

Но сделать низшего демона способным превращаться во что-то безобидное с виду, можно только той самой магией забытых богов. А те, кто её практикует, ведьмами и называли.

Граф вдруг начал обвинять конкурентов, упрямо не называя конкретных имен. Впрочем, его мы быстро покинули, у инквизиторов к нам вопросов не было. Только сдержанно заявили, как нам повезло.

Повезло нам и с оплатой за редкий вид и обнаружение потенциальной ведьмы. Пока мы ехали обратно в обитель, я только этому и радовался. Деньги на счету прибавлялись, пора было подыскивать берлогу.

Не успел я явиться в лазарет и получить заплатку на щеку, как меня позвали к воротам. Я гадал, уж не явились ли по мою душу тревожные ребята ростовщика. Кто это ещё может быть? Да и этим чего являться в обитель?

Вечерело, солнце клонилось к горизонту и проскочило между грозowych туч, прицельно ослепляя меня последними лучами. Но кто стоит за дверью ворот я увидел.

— Бабку твою больше спасать не буду! — сразу заявил я.

Передо мной, щербато и хитро улыбаясь, стоял мелкий засранец Мишута.

Глава 25

Так не улыбаются, чтобы душевно поблагодарить. Чего я от этой семейки и не ждал уже. Так скалятся перед тем, как попросить о маааленьком одолжении.

— А не надо её спасать. Я спасибо хотел сказать, — мальчишка лучился счастьем, как кот перед миской сметаны.

— Ну тогда ладно, пожалуйста, — вернул я ему хитрую улыбку и развернулся, чтобы уйти.

— Пойдите, брат, — тут же всполошился Мишута и сознался: — Бабушке помощь не нужна, но вот дядьке...

— Так, скажи сразу, сколько у тебя родственников?

— Дык никого почти не осталось, — шмыгнул он и начал искусно давить на жалость. — Папка с мамкой померли, одна бабушка, стаааренькая. Ну и дядька, но его она на порог не пускает, да и мне запрещает с ним водиться. Но я втихую иногда...

Ну артист, того и гляди сейчас заплачет. И куда только та озлобленная гордость подевалась? Вот и помогай людям просто так, на шею сядут тут же. Видимо что-то такое на моем лице отобразилось, что мальчишка перестал гримасничать, ещё разок шмыгнул носом и добавил:

— Дядька заплатит. Он богатеи, из купцов.

С чего бы тогда им на кладбище жить? Нравится там, экология хорошая и место спокойное? Да, демоны с их взаимоотношениями. Я сложил руки на груди и сурово спросил:

— Что у дядьки твоего случилось? С места не сдвинуться, пока честно не расскажешь.

— Мара у них завелась, — неохотно ответил пацан.

Какая ещё шмара? Ох уж эта классификация обычных людей. Я продолжал стоять в той же позе, ожидая разъяснений.

— Ну эта, душит во сне. Женку его почти в могилу свела.

— А этот чего к храмовникам не идет?

Генетическое что ли у них это? Это аристократы за свои вызовы сами платили, обычно же всё оплачивала обитель и с простых людей денег не брали. Кто мог, сам приносил в виде пожертвований, не мог — и боги с ними. Церковь далеко не бедствовала.

Вот амулеты всякие охранные уже продавались за материальные блага, от самых простых до баснословных. Хотя я прикинул, что хороший амулет купить себе далеко не все могут. И что-то мне подсказывало, что суть проблемы в этом.

— Ну так это... — замялся парнишка и мельком глянул на высящийся вдалеке за воротами храм. — Они там в общем, сами пытались. Давайте дядька вам сам расскажет,

а? — принялся умолять он. — Чеснслово, просто поговорите с ним хоть.

— Если этим не доверяешь, — я кивнул за спину. — Чего ко мне пришел?

— Так вы это, нам с бабушкой помогли. Святошам, ой простите, не сдали. Они же приезжали, забрали всех гулей, проверили погост то, а к нам даже не совались.

— Так, — раздраженно поморщился я. — Мишута, давай с тобой договоримся, по-мужски. Завязывай тарахтеть по-деревенски и не придуривайся. Не ври и ничего не утаивай. Прав ты, не сдал вас и не собираюсь. Но только если и ты хотя бы по-человечески будешь разговаривать.

Пусть пацан мелкий, тощий и оборванный, но по глазам видно, смышленный не по годам. Ну да с его образом жизни не удивительно. Уже не ребенок, так что и разговор взрослый должен быть. Пацана проняло. Осанка выпрямилась, лицо стало серьезным, дурацкая улыбочка исчезла. Ну как тот перевертыш, видят боги.

Мелкий демоненок почесал подбородок и изрек:

— Миха тогда я. А вы брат, хитрожопее остальных то.

— А ты не выражайся, Миха, успеешь ещё, — добавил я немного воспитательной работы, но довольно усмехнулся его преображению. — Ну так что там у дядьки твоего на самом деле?

— Да правду я сказал, мара у них завелась. По всем признакам выходит, что мара. Уж извини, как по вашему не знаю. Жена Афанасия, дядьку так моего зовут, начала болеть. Бессилие, сонливость, спит много, да не высыпается. Ходил он к... знающим людям, вроде помогло, но потом резко хуже стало. Но Афанасий переполошился, когда его самого слабость начала с ног валить.

— Что, и правда купец? — переспросил я.

— Правда, не самый богатый, но есть и деньги, и имущество. Заплатит, не сомневайтесь. Мне на жену его плевать, — озлобился мальчишка. — Она меня выгоняет, когда дядьки дома нет, да ещё и поколачивает при любом удобном случае. Но дядька мне помогает иногда, хоть они с бабушкой не ладят совсем. Я ему правда помочь хочу.

Я глубоко призадумался. Конечно, меня не оплата в первую очередь волновала. Хоть и этот пункт я вычеркивать не собирался. Если купец и может заплатить, то пусть платит. Не сможет, то и ладно.

Мишута, а теперь Миха, вызывал во мне странные чувства. Вроде и юлил отчаянно, и хитрил, но казалось искренне хотел помочь. Ещё и про вознаграждение, похоже, для меня договорился.

Но что там за демон такой? Мы только начали изучать тварей, чуть умнее тех, с кем в большинстве времени имели дело защитники. Был там раздел созданий бездны, питающихся различными нематериальными вещами. Страх, похоть, гнев — самые сильные человеческие эмоции.

Похоже что эта зверушка из этого вида. Я наплевал на то, что обо мне подумает мальчишка и залез в телефон. Архивариус по запросу «мара демон» выдал мне уйму городских легенд и страшилок. Нет, так не годится.

— Так, Миха, мне нужно узнать побольше о том, с чем придется работать. Уж извини, не самого опытного брата ты нашел. Никому не расскажу зачем, — успокоил я его, увидев испуганное лицо. — Давай адрес дядьки своего и дуй домой. Я разберусь.

Пацаненок недоверчивосмотрел несколько секунд, но всё таки решил довериться. Я записал адрес и имя, Афанасий Побегает. Место не самое престижное, но и не трущобы.

Вблизи от залива, а именно у тех помойных складов, где мы вылавливали мохнатые шары. Что-то там много активности...

— Спасибо! — выкрикнул на бегу мальчишка, улепетывая со всех ног от обители.

Я ещё посмотрел ему вслед, красиво парнишка убежал в закат. Вдохнул и отправился в библиотеку. Там меня уже узнавали. Ещё бы, самый частый посетитель, остальных адептов за уши не притащишь за книжками.

А вот я, наоборот, ловил любой удобный момент, чтобы полистать старинные фолианты. И настолько я зачастил и приглянулся, что милая библиотекарьша, еще не старушка, но уже уважительно пожилая дама, наложила на меня постоянную печать допуска.

— Ильюшенка, — проворковала она, едва я переступил порог большого безлюдного зала. — Как твои успехи по алхимии? Ох, кто же тебя так, милый? — заметила она заклеенную пластырями щеку.

В последние дни я старался найти информацию по эликсирам и их ингредиентам, поэтому изучал все алхимические труды подряд. Но пока без особого результата, только общей информации нахватался по верхушкам.

— Благодарю, Настасья Павловна, ничего страшного. Кошка поцарапала, ерунда. Алхимия мне пока не дается, но я не сдамся.

— Вот и правильно, — довольно улыбнулась она в ответ. — Всем бы твою старательность. Что на этот раз?

— Интерес мой сегодня лежит в сфере демонологии. Только вы можете мне помочь, — взмолился я, зная что против такого Настасья Павловна не устоит.

Женщина, оказавшаяся исключительно умной и образованной, страдала в застенках от недостаточного внимания адептов к талмудам. Те прибегали, хватали обязательную литературу и убегали из библиотеки, как от огня.

Я вообще редко кого тут встречал, кроме клинических заучек, над которыми посмеивались свои же. Но умники вообще ничего не замечали, благо пока гоняли всех так, что на конфликты время нашлось разве что у княжича Ростовского.

Я прямо таки радовался, не замечая обычного шпыняния, но хорошо понимал, что всё встанет на круги своя, чуть ослабнет учебный гон.

— Если я чего-то не знаю, а это крайне маловероятно, — торжественно ответила хранительница знаний. — То обращай к магистрам хранителям. И уж поверь, найдется всё.

Добившись полной готовности мне помочь, я заверил милую женщину, что мои интересы не настолько глубоки и объяснил суть. Мне почти сразу выдали номера всех изданий по демонологии и добавили «интересные», специально для меня.

Кто такие мары узнал я довольно быстро. Не самые редкие и опасные демоны, хоть и в городских условиях встречались они нечасто, не любили шум и суету. Питались они, конечно же, не снами, а жизненной энергией. Просто ночь позволяла им подобраться к человеку и, используя яд, который парализовал и усыплял жертву, усаживались им на грудь.

Действовали очень осторожно и постепенно, поэтому человек не сразу понимал, что происходит. Особо опытные и старые особи и вовсе были способны годами поддерживать такой рацион, что жертва жила долго, хоть уже и не очень счастливо.

Поймать и прибить тварь можно было только во время кормежки. Нужно было дожидаться момента самого крепкого «единения» и тогда брать чуть ли не тепленькой. Но даже в таких обстоятельствах требовалось действовать очень быстро, на что обычный человек был не способен.

Не то чтобы простая задачка, но я уже был готов к любому развитию ситуации. Поэтому оружие не сдал. Магазин у меня остался только один, но стрелять в жилом доме можно было разве что при самом плохом раскладе.

С завхозом Володей потом разберусь, бывало адепты забывали сдать снаряжение, засыпая. И вообще, как я понял, нам можно было постоянно пользоваться всем выданным. Просто кое-кто был слишком жадным и чах над каждым потраченным патроном.

Оставалась одно, самое сложное.

Подвальный коридор встретил меня как обычно мигающим светом, странными звуками из лаборатории по исследованию демонов и затхлым запахом из темноты. На меня это место по-прежнему наводило жуть, хотя я и знал, что всё запечатано.

В дверь к нашему прекрасному координатору я даже не постучал, а тихо поскребся. Всё равно у неё камера была. Железо щелкнуло, скрипнуло и толстенная преграда медленно поползла в сторону.

— Чего случилось? — махнула хвостиками Аня, не отвлекаясь от мониторов.

— Чисто теоретически, — лениво начал я. — Если бы вдруг мне подвернулась подработка, так, совсем небольшая, ты могла бы меня подстраховать? Чисто теоретически и без протокола?

Девушка лихо крутанулась в кресле, заинтересовавшись. Её изучающий взгляд я встретил стойко, делая совершенно невинный вид.

— Ну кто бы сомневался, что ты первый объявишься с теориями, — рассмеялась она. — Чисто практически, тут половина дел без протокола проходит. Главное получать данные, из анонимных источников, ага. И решать проблему. Так что у тебя? Чисто теоретически.

Я не думал, что будет так просто, поэтому немного растерялся. Уверен был, что уболтаю, но не так быстро. Что ж, это вселяло ещё больше надежды, что справлюсь без потерь среди гражданских.

— Мара, она же сомниум нутриоци... — я запнулся, но Аня меня поняла.

— А, шмара, — повторила девушка первую же мою ассоциацию. — Ничего себе, в городе нашел, везунчик.

— Везунчик, — не очень уверенно подтвердил я. — Какие могут быть подводные камни?

— Сейчас... — она повернулась к клавиатуре, взмахнув хвостиками и заколотила по кнопкам. — Так, брать нужно, когда будет питаться. Твари чувствительны к звукам, спугнешь и придется ловить «сачком». Если присосется к тебе, времени совсем немного, несколько секунд, потом вырубись. Очнешься и не вспомнишь даже.

Сачок был простой печатью, держалась она не больше минуты, но работала лучше прицельной паутины на хаотично движущемся объекте. Поймать и уже потом резать. В общем Аннушка подтвердила всё, что я узнал.

— Когда? — единственный вопрос, который она задала.

— Сегодня ночью, собственно, — я посмотрел на часы, — Скоро.

— Ну ок, — пожалала девушка плечами и легонько постучала себе по уху. — На связи?

— Да, — я подтверждающе моргнул. — Ты спишь вообще?

— Нет, я киборг, — с издевкой ответила она. — Иди уже, я обеспечу поддержку. И с тебя печенюшки.

Я, в общем-то собирался поделиться выручкой. Правда не знал, какая она будет. В любом случае не обижу, такая поддержка дорогого стоит. И открывает колоссальное

количество возможностей.

— Хоть целый вагон пряников, Ань, — клятвенно заверил я.

На первую свою халтуру я шел, как рыцарь в сверкающих доспехах. Готовый спасти мир, котят и девушек в беде. Даже успел душ принять, хоть интуиция мне подсказывала, что зря. В полной боевой и информационной готовности. Ещё и с Аней в ухе.

Выпустили меня без каких-либо вопросов. По виду было понятно — не развлекаться иду. Отойдя от обители и добравшись до набережной, я решил не вызывать такси, а прогуляться, заодно и размяться.

Прохладный, после постоянных дождей, воздух бодрил, а свет ночного города добавлял нужной атмосферы. Призвать бы косу и брести так вдоль реки, но это уже ребячество. С шуршанием по мокрому асфальту пролетали редкие машины, а я шел спасать дядьку.

Я даже почувствовал аромат победы над злом, но потом понял, что это запах шашлыка из ближайшей забегаловки. Ничего, отпраздную, лично наградив себя отменным мясом и бутылочкой темного.

Мой воинственный и слишком оптимистичный настрой слегка угас, когда я прибыл на место. Многоэтажка нависала серой махиной, совершенно обычная и неромантичная. Где-то ещё горел свет в окнах, но в основном царила темнота.

Пришлось совершенно обыденно звонить в домофон и дожидаться, когда дверь откроется. Меня впустили, даже не спрашивая кто это, только тихо сообщили, что мне на второй этаж.

Внутри всё выглядело приличнее. Светло, чисто и просторно. Ладно, не дышащая на ладан хрущевка, вполне современный дом. Это у меня в голове засел мрачный темный особняк с привидениями среди пустоши.

Дверь в квартиру открылась до того, как я подошел. За ней меня ожидал измученный мужчина. Под полтинник, наетая пухлость и контрастирующая с этим бледность. Он представился тем самым Афанасием и проводил в кухню-гостиную.

Не дорого-богато, но весьма недурно. Может у почти почившей тетки был вкус, а может наняли специального человека. Уютно и современно, такое нужно уметь. На столике перед диваном стоял графин, а под ним лужица, показывающая что достали его из холодильника и давно.

— Выпьешь? — по-свойски предложил хозяин, кивнув на угощение.

— Благодарю, на работе не пью.

— Ну и ладно, — ничуть не расстроился купец и налил себе. — А я, пожалуй, хряпну.

— Как угодно, — я посмотрел на него и понял, что мужик ещё в полном адеквате, хоть и на грани отчаяния.

— Слушай, — доверительно сказал Афанасий, опрокинув залпом полстакана. — Избавишь от напасти, по гроб жизни обязан буду. Уж не знаю, что там племяш тебе наговорил, добрый он парень, не серчай ты на него, брат. Немного у меня добра, но отдам всё...

То, что он доведен до ручки, было понятно. Последняя стадия, полное смирение и своего рода безразличие. Именно это и дало мне принять окончательное решение. Хрен с ним, пусть хоть графином расплачивается, но нельзя до такого доводить. Не стал я спрашивать, почему к монахам не пошел. Видно, что готов на всё, значит и причина веская есть.

Понял я и причину, почему не обоих сразу демон доил. Хозяин с хозяйкой спали в отдельных спальнях, уже лет пять. Видимо, почти уморив женушку, мара принялась за более здорового и румяного Афанасия.

В квартире воняло какими-то благовониями, да и на дверях были выцарапаны непонятные символы. Но ничего из этого явно не помогло.

Мы договорились, что Афанасий ляжет спать, а я буду дежурить в углу, затаившись в кресле. Для засад была специальная печать, сокрытия. Невидимости она не давала, только поглощала любые звуки и движения. Человек для всего окружающего мира застывал. Чем дольше она держалась, тем больше утомляла, но с пугливыми тварями была незаменимой.

Я устроился поудобнее, чтобы поменьше шевелиться и тратить энергии на поддержание печати.

Мара явилась через час. Мелькнула полупрозрачной тенью откуда-то из угла. Настороженно замерла у кровати, поворачивая голову туда-сюда. Нелепое бесформенное существо, словно дымчатая мелкая фигура. Но насчет её опасности я не обманывался.

Демон присматривался и прислушивался долго. Осторожная тварь. Сонливость с меня слетела тут же, как я заметил движение. Сердце заколотилось, но печать скрывала и это.

Я даже не успел уловить момент, когда тень переместилась на кровать. Нависла, покачиваясь и уселась пировать. Оттуда прозвучал глухой стон и дыхание Афанасия стало тяжелым, надрывным.

— Объект на месте, — прошептал я, прикоснувшись к устройству в ухе.

— Принято, ожидай, — тут же откликнулась Аня.

Ждать и смотреть, как из человека высасывают жизнь, было невыносимо. Особенно слышать тихие хрипы и видеть покачивание сумрака. Искромсаю, тварину! Команду я услышал уже в движении, подскочил одновременно с голосом в ухе.

Тварь меня тут же услышала и удивленно курлыкнула. Но лезвие мгновенно призванного оружия рассекло пустоту. Мара скакнула на потолок и заметалась по нему, испуганно рыча.

— А ну стоять, сволочь! — приказал я ей, пытаясь зацепить острием.

Демон воспринял это как команду к атаке и прыгнул на меня, сбив с ног. Я повалился через кресло, роняя и его и себя на пол, чувствуя цепкие мелкие лапки, ухватившиеся за мои плечи.

Между нами была зажата моя коса и я вцепился в острый металл, отталкивая тварь от себя. Почувствовал, как течет горячая кровь по рукам, моя кровь. Бесформенная морда или то место, где она по идее была, тянулась ко мне. Я рванул лезвие вверх, вскрывая маре горло.

В голове начало как-то резко мутнеть и тогда я заметил, что демон уже прижался ко мне, выпуская свой яд. Он зацепился шеей и трясся, пытаясь освободиться. Тем самым убивая сам себя.

— Да сдохни ты уже, — еле пролепетал я, чувствуя, как голова кружится.

Времени прошло слишком много, тварь дергалась, разрубая себе шею, а я не вырубался. Последний рывок стоил, кажется, всех сил. Но голова наконец отлетела на пол, а дрожь затихла.

Я долго лежал с трупом демона сверху. Кружилось и уносило в даль, Аня в ухе постоянно спрашивала как я, а я раз за разом повторял, что справился. Девушка тревожно уточнила, вызывать ли подкрепление, и это меня окончательно привело в чувства.

Нет, пожалуй тут графином с водкой не обойдешься. Я сходил на кухню, пошарился в

ящиках и нашел пакет для мусора. Большой и черный, то что надо. Упаковал трофей, поставил аккуратно у входной двери и проверил вторую спальню. Вдруг демонов тут тоже семейная пара?

Но там посторонних не было, только блеснули в темноте глаза супруги и прозвучало испуганное:

— Вы за мной?

Я не сразу понял, что зашел высокой тенью с косой. Нда, неловко вышло. Поэтому успокоил, как мог. То есть мрачно буркнул «нет», потом добавил «если детей обижать перестанешь» и ушел. Угостился всё таки из графина, нашел в холодильнике открытую банку с хрустящими маринованными огурчиками и под эту шикарную закуску успокоил нервы.

Задремал, кажется, я ненадолго. По крайней мере, когда меня разбудил Афанасий, за окном ещё было темно. Он включил неяркий торшер и присел на соседнее кресло.

Пока я тер глаза, просыпаясь и соображая где я вообще, мужик успел прибраться и сварить нам кофе. Мы молча потягивали крепкий бодрящий напиток, заговорил он только, когда на дне остался густой осадок.

— Спас ты меня, вот что. И дуру мою, за это тоже спасибо. Могу деньгами отплатить, не вопрос. Но знаю, что в обители живешь. Есть у меня одна недвижимость...

Глава 26

Странно он это сказал. Вроде как хорошая новость, но чувствовался подвох. Но мне было откровенно плевать. В хорошем смысле. Я, в общем-то, любую халупу в дворец могу превратить. И руки из нужного места растут и счет в банке позволяет.

— Что за недвижимость? — интерес у меня спросонья получился вялый.

Это смутило Афанасия окончательно. Мужик принялся крутить блюдце, а то выдавало неприятные скрипы, соприкасаясь со стеклянной столешницей.

— В общем, честно скажу, недвижимость не самая престижная, но место отличное и вам, брат, как мне кажется, подойдет идеально. До обители пешком минут за двадцать можно добраться, равно как и до других важных мест.

Мягко стелет. Звучит прямо как мечта, в чём же подвох?

Подвох я увидел воочию примерно через час. Хозяин меня накормил сытным завтраком, предоставил душ и все средства для очистки. Не особо это помогло заляпанной в демонической крови форме, но лучше, чем ничего.

Аннушка получила от меня краткий отчет и успокоилась, позволив обращаться в случае необходимости. Оказывается, координатор всё же спала, но в это время дежурил её помощник.

Головокружение отступило почти полностью, оставалась легкая слабость, но меня такая мелочь не беспокоила. Я вообще был знатно удивлен, что тварь меня не вырубил. Видимо, совсем молодая и неумелая была.

Но вся навалившаяся за сутки усталость тут же прошла, когда увидел её. Недвижимость. Сдвинуть её действительно могло разве что смещение тектонических плит. Купец привез меня в реально отличный район. Река тут рассекала два знаковых места — ганзейский остров и деловой, за которым почти сразу располагалась обитель.

Именно у широкого разлива, выходящего через несколько сотен метров в залив, мы и остановились. Я глянул на стоящие на этой стороне здания, старинные, но прекрасно сохранившиеся. Но Афанасий смотрел в другую сторону...

Не на пряничные домики Ганзы. И не на парящие за ними небоскребы. А прямо на берег, где была пришвартована ОНА. Вообще тут было немало пришвартованных лодок, катеров и яхт. Но чуть дальше, в элитных яхт-клубах, распустившихся лепестками причалов.

Но ОНА стояла особняком. В смысле выделялась и довольно сильно, особенно на таком величественном фоне. Древняя, как забытые боги, вросшая в край набережной, баржа. Весьма скромная, если сравнивать с длиннющими грузовозами. Сотня метров, может чуть больше.

Самоходная когда-то, в махровые времена, судя по возвышающимся кубрику и рубке. Эта конструкция, к моему удивлению, занимала чуть не половину корпуса. Оригинальная конструкция, ничего не скажешь.

— Спаситель, — с какой-то особой гордостью объявил мне хозяин её название.

Спаси меня святые угодники... Нет, судно впечатляло. Тем, как оно так уверенно на плаву держится. Даже не просело, стремясь ко дну, где его заждались уже который десяток лет.

— Что это? — не сдержал я скепсис, хотя и заинтересовался.

Всегда мечтал о яхте, да как-то не до того было. Нужно было инвестировать, сначала в бизнес, затем в квартиру, потом в дом, да еще сопутствующие расходы росли. Представительские так и вовсе такую дыру в бюджете прожигали, что даже задумывался бросить женщин на годик-другой. Ненадолго, но задумывался.

Но моя мечта совершенно точно никогда не принимала такие формы.

— Вы не смотрите, брат, что снаружи он не очень. Подлатать, подкрасить и даже пойдет. Внутри всё в отличном состоянии, все удобства. Ну, почти...

Пришлось немного охладить этот воистину отеческий пыл и уточнить. Оказалось и правда не всё так плохо. Под рулевой рубкой размещалось большое единое пространство. Хряпнув еще из купеческого графина, можно было бы назвать это лофтом. С небольшими круглыми окнами и слегка покачивающимся лофтом.

— От батюшки моего ещё достался, — сообщил зарумянившийся от гордости Афанасий. — К брату старшему перешел по наследству, но как тот отправился в объятья Вечной, тут никто и не бывал.

Не сомневался, что от прадедушки. Или ещё дальше, из тех времен, когда волоком тащили такие штуки по обмелевшим рекам. Но наследие внушало. Внутри всё скрипело и жило какой-то своей жизнью. Купец замолчал, погрузившись в воспоминания.

А меня вдруг проняло. Какое-то спокойствие навалилось. Такое, что разом смывает из головы все тревоги, печали и страхи. Будто место меня приняло, а я его почувствовал своим. И все эти мелочи отошли на задний план.

Вид с открытой палубы открывался самый шикарный. Лубочная Ганза и небоскребы на севере, темные воды залива на западе и старинный город на востоке. За спиной обитель, близкая, но невидимая. А ведь хорошо...

Чуть подмазать, подкрасить, артефакты охранные поставить, несколько вещичек прикупить и будет нормально. Я вышел на палубу, по-хозяйски попинал якорные цепи и с удовольствием потянулся. Беру!

С залива подул приятный ветерок, донеслись крики ненормальных чаек, страдающих бессонницей, и соленым морским воздухом. А ведь прямо на палубе можно поставить мангал и шезлонги...

Фантазии немного разбились об обсуждение деталей. Паркинг «Спасителя» обходился

относительно недорого, по старой памяти и долговременности стоянки. Заканчивалась годовая оплата через два месяца. Обслуживание в виде электричества, водоснабжения и очистительных мероприятий стоило тоже терпимо. Относительно текущего дохода от боевых выездов.

Немного обмозговав во сколько обойдется легкий ремонт и закупка предметов первой необходимости, получалось, что денег у меня впритык. Но ничего, начать можно с самого необходимого. Душ есть, пусть выглядит он порталом в ад. Клининг в помощь, я к этому точно не прикоснусь.

Кровать, холодильник и походная плитка. Что ещё нужно для счастья? Ой, мать вашу, как много...

Я отбросил все мысли, могущие испортить настроение здесь и сейчас. Осмотрел владения, залез зачем-то в машинное отделение и сделал зарубку в памяти, хоть немного изучить принципы.

— Отлично! — резюмировал я, пожимая руку Афанасию.

Мы договорились, что вечером отправимся к юристам, всё заверять и оформлять. И я отправился в обитель, заодно проверяя сколько мне идти. Действительно пятнадцать минут бодрым шагом, ну да медленно ходить у меня получалось с трудом. Есть цель, не вижу препятствий.

Впустили меня так же молчаливо, как и выпустили. Только снова пришлось будить охрану ворот. Но, так как я явился относительно чистым и со всеми конечностями, то интереса не вызвал.

Даже большой мусорный пакет, который я так и таскал за собой, не привлек внимания стражей. На кой я его притащил в обитель, я не знал. Но не выкидывать же демона на помойку у многоэтажки? Сдам завхозу, как причину отсутствия.

Вряд ли он станет заглядывать внутрь и изучать разновидность демона, чтобы уточнить откуда у меня дохлая мара. Там уже так хлюпало, что даже я не рискнул бы его развязать. Да и подванивало оттуда ощутимо. Я припрятал трофей у калитки, которая давно была заперта, другого безлюдного места я не знал.

Подъем, душ, завтрак — строго по расписанию. Я с особой радостью соблюдал эти ритуалы, ведь уже через несколько дней я собирался отправиться на относительно вольные хлеба. Мою беспричинно счастливую рожу заметила команда и пришлось сознаться. Не в том, что подрабатывал ночным сторожем, а что сумел подыскать доступное жильё.

Герман тут же в своей манере, легко и крайне безоговорочно, потребовал личную кофеварку. Семён заявил, что без музыкального и игрового автомата берлога таковой считаться не будет. Ну а Карл просто порадовался за меня, ухнул «ух ты» и от души хлопнул по спине. Если бы не мутация благодаря эликсирам, сломал бы хребет, а так только хрустнуло что-то.

Мне тут же нашли знакомого артефактора, плиточника, сантехника и целую бригаду очистительных дел мастеров. Оказалось и таким одаренные промышляют, причем не слабо, судя по озвученным ценникам. Команда зачистки подрабатывала.

У завхоза я отметился, Володя устроил обычный скандал, который быстро решил отсылкой на внутренние правила и предоставленным мешком, который я просто плюхнул на стол. Узнал я и стоимость снаряжения с боеприпасами, которые списывались с моего счета.

От суммы я немного удивился и много возражал. Торговался завхоз отчаянно и до

последней копейки. Грозил чуть не прямым божественным вмешательством и анафемой от самого верховного магистра лично. Меня не проняло, так что сумму сократилась вдвое, для начала неплохо. Потом можно добить этого предпринимателя, и без того спор отнял слишком много времени.

Купец не обманул и вечером мы оформили все бумаги. У меня появилась первая официальная собственность, пусть это и был «Спаситель», у которого я уже думал стереть буквы «ль». Но, посетив его ещё пару раз, я окончательно сроднился со ржавой баржей и даже что-то успокоительное пробормотал в борт, расчувствовавшись.

— Хм, вот тут шатер можно поставить, — расхаживал по палубе Герман, которого я позвал оценить обстановку и дать рекомендации.

Это было, безусловно, большой ошибкой, так как мысли у парня скатывались только к одному — блудницам, местам их обитания и местам их приёма. Но и дельные советы молодой светский лев умудрялся давать.

— Тут возвести перегородку, — обозначил он место во внутреннем пространстве. — Можно из стеклоблоков, матовых. Будет и разделение от спального места и воздух не украдет. Ну представь, Илья, просыпаешься ты и первое, что видишь — грязную посуду.

Так он мне подкинул гениальную идею обзавестись посудомойкой. Не в смысле женщины, хотя и такие варианты предлагались. От неё сразу же вспомнилась стиральная машина и прочая сильно упрощающая жизнь и облегчающая кошелек техника. В итоге за несколько дней я потратил сумму, кажущуюся мне до этого внушительной.

Осталось, выражаясь словами моего деда, «на бусики». С таким комментарием он давал приличные суммы моей сестре, пока был жив. А Таня их тратила на учебники и репетиторов. К счастью, её жизнь была давно устроена и она была счастлива, выйдя замуж по большой и чистой любви, уехав жить в одно из самых безопасных мест на земле. Той земле. Ну а мне предстояло заново пройти этот путь.

С косой, ржавой баржей и демонами под землей, на земле и в небесах. Не самый плохой расклад.

Но, как оказалось, награды или проклятия богов, как посмотреть, не закончились на этой приятной суете. На следующий же вечер ко мне пришел Мишута. Пацан шустро осмотрелся, поцокал на скудную обстановку, но выдал искреннюю улыбку:

— Не обидел дядька, вот и хорошо!

Спорить я не стал, лишь немного насторожился. От пацана можно было ожидать чего угодно. От очередного подгона оплачиваемого заказа до больших проблем. Поэтому я просто смотрел, как он залезает в пузатый красный холодильник, по-хозяйски проверяет запасы и, обнаружив там стратегический запас сосисок, надкусывает одну.

— Я в общем-то просто зашел, не надо меня так срисовывать, брат, — хорохорился мальчишка. — Ну и тоже с подарком, на новоселье и за бабушку поблагодарить.

За его спиной действительно болталась сумка, в которой явно находилось что-то увесистое. Миха бережно извлек оттуда какой-то предмет, завернутый в тряпку и протянул его мне.

— От бати досталось. Бабушка прятала от меня, да ругалась, но мне это все равно без надобности, без искры я. А вот вам может пригодиться.

Важность, с которой он вручал мне батино наследие, говорило о его серьезности. Промелькнула мысль о том, что и баржа эта вроде как тому же человеку принадлежала. Но

что там за сложные родственные и наследственные связи, не моё дело.

Я принял подарок, как подобается, учтиво и с благодарностью. И осторожно развернул. Книга? Вот уж чего я не ожидал от пацана, так это старинный фолиант. Потертая множеством прикосновений толстая кожа навскидку хранила настоящее сокровище.

Я даже сначала не поверил своим глазам. Гримуар! Незакрытый от посторонних глаз, ну либо с наложенной разрешающей печатью на наследников. Схемы, рукописные комментарии мелким почерком, причем явно разных времен и людей. До хрена непонятно, но вашу ж!

Сдерживать радость я не стал. Даже Настасья Павловна, богиня библиотеки, уже кажется готовая меня усыновить, не давала мне доступ к гримуарам с печатями, сильно выходящими за программу обучения. Только чуть-чуть, на пол шишечки.

А тут просто клад. Пацан зарделся, заметив, что его дар пришелся мне по душе, но пояснил:

— Вашу науку я не знаю, но книжка эта опасная. Так бабушка говорила, да и батя. Так что вы, брат, осторожнее.

Конечно, я не стану сразу на практике проверять. Но какое поле для исследований! Когда упорно бьешься о глухую стену тайн, по причинам безопасности и прочего, такому радуешься как оазису в пустыне.

Когда у меня на руках оказался рукотворный и, считай народный, гримуар, всё остальное померкло. Даже Глеб недовольно отметил, что я думаю о чём-то отвлекающем. Погрешил наставник на девиц, но истинную причину я открывать не стал.

Потому что мой подарок для начала бы сожгли. Потом уже вопросы задавать стали бы. Ну или сожгли бы и меня, для гарантии. Ничего там запретного я не нашел, насколько разобрался. Но уже знал, что всё, что не от всеблагих — ересь и ведьмы. Примерно.

В гримуаре Мишутиного бати были попытки объединить церковные печати и какие-то забытые ритуалы и символы. Адское сплетение магии различных источников, в которые верилось с трудом.

Стихийная магия, местная духовная, магия забытых богов, магия покровителей мест и времени. Безумно интересное чтиво попало мне.

Ничего из прочитанного я, конечно, не пытался воспроизвести. Во-первых не понимал большую часть, а что и понимал — опасался. После кота, который не кот, пришло осознание, что есть и что-то иное. И поговорить, как назло, об этом не с кем было.

Я вспоминал цыганку, короля Артура и даже злобную бабку с кладбища, но никому из них доверять не мог. Мишута, естественно, тоже никак не мог мне помочь. Парнишка зачастил в гости, уменьшая съестные запасы, но я и не возражал.

Вместе с ним приходили всякие слухи. Он рассказывал, съедая очередную пачку сосисок, про происходящее в порту, прибрежных районах и даже на окраинах Ганзы. Вроде ничего особо важного, но постепенно складывалась картина.

А я понял, что у меня таким вот естественным образом, появился свой информатор. Парнишка притирался ко мне так же, как я к нему. Следил за моей реакцией на каждое его слово.

Только когда в обители чуть ослабили нагрузку, появились у меня и другие гости. Вся команда вечерами прохлаждалась на палубе. Натуральные пляжные шезлонги они сами откуда-то притащили. Мы обсуждали монахов, демонов и аристократов — обычные будничные разговоры.

Пришел в гости и наставник. Лишь один раз, но Глеб явился с дорогой и старой бутылкой, которую мы и прикончили под мясо на открытом огне. Монах удовлетворенно кивал на подлатанную баржу, плевался в небоскребы и совсем немного приоткрылся.

— Не лезь ты во всё это, Илья, — доверительно говорил он, размахивая стаканом в сторону небоскребов. — Бароны там, ладно ещё, мелкие сошки. Графы... Ну некоторые нормальные, но лучше не ввязывайся. И там, — стакан рухнул вниз, расплескав фонтаном половину содержимого, — не лучше. Честнее может, но опаснее. Никуда, короче, лучше не лезь.

Я был с ним полностью согласен и лишь кивал. Тем более что закат удался, багрово-розовое небо падало в воды залива, рисуя дорожку прямо к нам. Ветра, редкий случай, не было и вся водная гладь сверкала словно зеркало. Отблески заката дрожали в отражении стеклянных гигантов, а с другой стороны реки, от ганзейцев, раздавалась веселая ругань. Там ловили рыбу, перекириваясь и поддразнивая друг друга.

— Ну ты зачем в это влез? Ты же, этот, — мне тоже в такой расслабляющей обстановке было нелегко собраться с мыслями. — Ваше сиятельство. Граф! — я отсалютовал своим стаканом, в знак солидарности тоже окропив палубу.

— Есть такое слово, — мудро сообщил наставник, — надо. Кому-то через год всё равно становится, а меня и через двадцать не отпустило. Не надо так. Да и какой я граф? От наследной очереди отказался, родня меня сторонится, остальные... А хрен с ними, — угрожающе замахнулся он в небоскребы, но затем передумал и сделал плоток, довольно жмурясь. — Вот ты правильно всё делаешь. Поэтому и говорю тебе — не ввязывайся.

Я, собственно, и не собирался. И такого плана я и придерживался, избегая вообще любых конфликтов и даже намеков на них. Пока Глеб не пропал.

Наставник не явился на тренировку, но это было не то, чтобы очень необычно. Бывало, его вызывали, ну или он сам куда-то вызывался. С монахом получалось всегда так, что начальство слезало, даже не успев забраться и свесить ножки.

Но тут явно пошло что-то не так. Его не было весь день и ночь. Наутро со мной связалась Аннушка, изображая полное спокойствие и невзначай интересуясь самочувствием Глеба. Но голос её предательски дрожал и скатывался в высокие ноты. Чтобы он ушел и не подстраховался у Берёзки, такого я представить не мог.

Поэтому вместо очередного красивенного заката, я пошел под землю. Был только один человек, способный помочь найти монаха. Как над землей, так и под ней. Единственный достоверно известный мне вход был в Ганзе, туда я и направился.

С моей уверенной мордой меня не останавливали. Я без вопросов прошел через кухню ресторанчика, спустился в погреб, нашел кладовку с дверью в тоннель. У карты пришлось задержаться, вспоминая лаконичные объяснения Глеба и нужные повороты.

Пятидесятиметровку постановочного ужаса я прошел, держа на вытянутой руке сигму, ту монету, дающую мне право прохода. С такой проходкой меня не останавливали, хотя тщательно обыскали на входе перед замком подземного короля.

Артур принял меня всё в том же внутреннем дворике, словно только тут и обретался. Я догадывался, что о прибытии гостей в Авалон он узнавал сильно заранее. Но впечатляло, ничего не скажешь.

— Защитник, — с такой радостью поприветствовал меня правитель, то сразу стало не по себе. — Я, пожалуй, знаю зачем ты здесь. Но! У меня есть просто потрясающая идея!

С этим человеком надо было быть крайне осторожным. Прямо категорически. Король был мне должен, что сам признал на нашей прошлой встрече. Но он легко мог это повернуть против меня и вписать во что-то, выгодное исключительно ему. Я знал это, потому что сам так делал.

— Ваше величество, — я соблюдал все правила приличия. — Раз вы знаете зачем я здесь, то сэкономлю наше время. Перейдем сразу к делу. Где брат Глеб?

Артур деланно закатил глаза, затем рассмеялся и, увидев, что это представление никак меня не впечатлило, поморщился:

— Юноша, право, с вами скучно. Жив ваш наставник, и скоро будет здоров, да хранят всеблагие нашу целительницу.

— А что с ним? — я уже понял, что прямого ответа я не получу и принял равнодушно-скучающий вид.

— А давайте сначала отужинаем? — извернулся король и быстро махнул кому-то. — Ваш наставник под присмотром, почему бы нам не побеседовать, совместив приятное с полезным?

Предложением это не было, но я сделал вид, что великодушно соглашаюсь. Тут же выпорхнули слуги из теней колонн и засуетились, накрывая царский стол. Не сомневаюсь, что всё было сделано идентично императорскому столу наверху.

Уйма столовых приборов, четко выверенных и разложенных по невидимой линейке. Изящный фарфор с искусным тиснением, хрустальные бокалы, стаканы, салфетки... Ну что же, по-крайней мере тут меня собирались накормить, а не подсовывать канапешки.

Артур тешился нарочитым великолепием под сводами бывшего депо, а я наслаждался едой и пытался просчитать наш разговор. Поменять долг на информацию о Глебе? Вроде мне её дали. Узнать, что с ним произошло? Надо ли мне это вообще? Стоит в принципе продолжать торги, когда я узнал, что наставник жив?

Мне и нравился Артур, и не нравился одновременно. Договориться с ним можно, но вот кто кого переиграет, спрогнозировать было непросто. Как выйти отсюда даже не победителем, а не проигравшим? Отличная задача.

Нам подали что-то совершенно невероятное. Нежнейшее мясо, приготовленное с дымком. Овощи, плов, кус-кус и булгур на гарнир. Король решил меня удивить, или смутить, и на столе появились улитки. Одно из классических французских блюд с замысловатыми щипцами.

Хотел я ему рассказать, чего я только не ел и где, но молча ухватил щипцами раковину, умело извлекая миниатюрной вилкой содержимое. Знал бы он, как я любил эскарго. Грамотно маринованные и приготовленные, они были вкуснее копченого угря, второй моей гастрономической страсти.

Улитки были приготовлены превосходно, о чём я вежливо сообщил слегка удивленному королю. Ну не только махать косою умею, месье знает толк в извращениях. Рисовался я перед ним не меньше, чем он передо мной. И этот раунд закончился ничьей.

Нам подали кофе по-восточному, одну из его разновидностей. Крепкий, ароматный и густой. Со стаканом холодной воды и чашкой, наполненной сладостями, от рафинада до тающего в руках рахат-лукума.

— Мне очень интересно, что же за прекрасная идея посетила ваше величество, — мягко намекнул я на то, что пора и поговорить.

Короля мой выверт ничуть не обманул, но он оценил, довольно улыбнувшись.

— Не подумайте, Илья, что я позабыл о нашей договоренности. Вы можете просить почти всё, что угодно! — для убедительности он раскинул руки, фигурально вверая мне чуть ли не всё подземное царство. — Но стоит ли такую ценность расходовать впустую? Если её можно выгодно вложить...

Ну прямо классический развод. Я еле удержался от смеха. Обозначить ценность того, что вроде есть, но ещё не получил, и тут же пообещать, что из этого можно получить ещё больше. Причем, я по его схеме ничего и не терял. Так как ничего ещё не поимел.

Вот знал, что с этим хитрожопым по-любому получится самого себя обыграть. Ну да посмотрим ещё.

— И что же за выгодное вложение вы предлагаете? — я сделал вид, что очень заинтересовался, но не настолько сильно, чтобы не показаться полным лошком.

— Арена, юноша! — глаза Артура загорелись алчностью такой силы, что впору было сундук подставлять. — Один бой и вы несметно богаты! Всего один.

Самое забавное, что я уже обдумывал такой вариант. Моя «элитная» недвижимость съела такой кусок запасов, что помог бы разве что очередной императорский орден. А вот несколько боев в подполье, по моим скромным оценкам, могут сильно улучшить финансовое положение.

— И насколько же несметно? — неверяще распахнул я глаза.

Можно было переиграть, но король купился, слишком хотел заполучить защитника на арену.

— Ну, только для вас, юноша, ставки сто к одному, — скромно сообщил Артур, отводя взгляд и делая вид, что делает мне большое одолжение.

Это и правда было немало. Мягко говоря. Значит реальные на порядок или несколько, больше. Против кого он меня выставит, раз такие коэффициенты?

— И кто мой противник?

— Если я скажу, то тогда пять к одному, — расплылся в сальной ухмылке хитрец.

Понятно, лютая тварь. Шансы выжить примерно такие же, как ставки, сто к одному. Охреневшее выражение лица я не прятал. Это не деловое предложение, а издевательство. Накормили, напоили, но без вазелина в самое святое лезть? Примерно такие чувства и промелькнули у меня на лице.

— Без ножа режешь, — страдальчески выдавил Артур. — Двадцать к одному.

— Где Глеб? — я сделал вид, что предыдущего обсуждения вообще не было.

— Сорок к одному! — нервно крикнул тот и вытер вспотевший лоб. — Больше не уступлю! Себе в убыток предлагаю!

Мне даже интересно стало, с кем же он решил меня запереть в клетке. Выигрыш был немалым, но узнать я мог, лишь согласившись на бой. Зараза, всё таки сбил меня с цели.

— Где Глеб, ваше величество? — упрямо повторил я.

— Это просто невозможно! — завопил монарх и треснул по столу с такой силой, что вся изящная посуда дружно и очень красиво подпрыгнула. — Пятьдесят к одному, отродье бездны! И не единицей больше! Клянусь могилой матери.

Наверняка жива ещё, старушка. А то, гляди, и управляет всем этим демоническим тотализатором.

— Ваше величествооо, — осторожно протянул я, пытаюсь утихомирить разбушевавшегося короля.

— Пятьдесят пять, — процедил он, заметно бледнея и сжимая кулаки.

Я дождался, когда тот немного успокоится и примет нормальный цвет лица. Задумчиво рассмотрел свои ногти и вздохнул:

— Сто к одному и вы сразу скажете, с кем мне придется иметь дело. А я подумаю, надо мне это или нет.

— Наглец... — король начал очень натурально задыхаться, ловя воздух открытым ртом.

Да так правдоподобно, что охрана в тених забеспокоилась и выдвинулась к нам. Нехорошо получится, если я угроблю правителя в самом сердце его владений. Но Артур раздраженно от них отмахнулся, потребовал принести крепкого и залпом осушил полстакана.

— Ладно, юноша, вижу что с вами можно вести дела, — совершенно спокойно сказал он, закончив представление. — Вы торгуетесь так, словно мой внебрачный сын.

— Я не торгуюсь, — усмехнулся я в ответ. — Не буду скрывать, для меня тоже есть выгода, но для вас она больше и, что самое главное, желаннее. И мы можем договориться, но не прямо сейчас, прошу меня простить. Для начала можно начать с того, что меня отведут к брату Глебу, в знак вашей доброй воли, конечно же, в которой я ничуть не сомневаюсь.

Артур смотрел на меня с редкой смесью подозрения и восхищения. Я немного давил, но времени торчать тут, упражняясь в словесности, не было. Может когда-нибудь я и стану захаживать на чашечку кофе, тогда мы оба и оторвёмся в спокойной обстановке.

Король жестом подозвал одного из своих людей и кивнул тому, указав на меня. Во взгляде промелькнула сталь и напоследок он меня предупредил:

— Будьте осторожны, юноша. Не хотелось бы вас потерять, так и не начав нашего сотрудничества. Ваш наставник влезает в очень опасные дела, если вы будете рядом, то и вам не поздоровится.

С кем опаснее вести дела, это ещё вопрос. Но я благодарно кивнул и отправился следом за провожатым. Глеб нашелся в одной из комнат замка. Смертельно бледный, с перебинтованной головой, рукой и ногой. Он лежал, теряясь в огромной кровати, и похрапывал. Но на звук шагов отреагировал, тут же приподнявшись и открыв глаза.

— Ты? — монах сильно удивился моему присутствию. — Как ты... А, ну конечно, куда ты ещё мог отправиться. Что он попросил?

Такая буря эмоций пролетела по измученному лицу — радость, изумление, понимание и злость. Похоже, для него прошедшие сутки были не самые легкие.

— Ничего, — я подтащил стул и сел рядом. — Его величество великодушно помог мне, просто так. Что случилось?

Конечно мне пришлось вытягивать информацию из скрытного мужика. Только когда я пригрозил рассказать Аннушке в каком состоянии я его нашел, Глеб начал сознаваться.

Король доставил ему человека из клана Змееловов. Их «беседа» была долгой, но результативной. Монаху указали место, где хранят ценный и очень секретный груз. Куда он и отправился, по его словам, только проверить.

Глеб хотел увидеть своими глазами подтверждение и вызвать подмогу. Хороший план, только вот на месте его поджидала ловушка. Змеелов его обманул, а клановцы чуть не убили. Каким-то чудом ему удалось уйти под землю и кое как добраться до Артура.

На моё закономерное удивление, как защитника с двадцатилетним опытом угораздило попасться, монах сообщил главную, по его мнению, проблему:

— Не видел и не слышал я ничего, хотя сидел в засаде часа два. Соккрытие, но совсем

другого уровня. Какая-то темная дрянь, а не печать, одни боги знают, откуда у Змееловов такое. Я же знаю, как сокрытие снять, но с тем не сработало. А я даже не понял толком, что это. Это очень большая проблема, Илья. Потому что тогда от нас могут скрыть вообще что угодно и у нас нет никакого оружия против этого.

Тут я согласился, проблемища. Ведь, как нас учили, чем ты дольше изучаешь печати, тем хуже они против тебя действуют. То же сокрытие можно заметить, не четко, но смазанные движения, едва видимые. То есть условно магистр против магистра примерно на равных.

А Глеб хоть и был официально уровня мастера, но судя по опыту и той печати против демонов, которые напали на обитель, давно уже был магистром. Похоже просто не хотел преподавать, что все магистры должны были делать, так или иначе. Ну или по каким-то другим причинам утаивал ото всех.

Здесь, так глубоко под землей, связь с командным центром не работала. Как и мобильная связь, которую похоже глушили. Поэтому мы договорились, что я сообщу Ане как только выберусь на поверхность. Просто и коротко, что монах в порядке и занят.

— А Змеелов?

— Ну когда я уходил, тот был жив, — кровожадно оскалился наставник. — Думаю до сих пор жив, людям короля было велено к нему не приближаться. Но мне как-то не до того было. С ним я ещё поговорю... А ты вот лучше забудь про всё это. Спасибо, что беспокоился и пришёл за мной, но не лезь ты, Илья.

Я не лез, но и меня пытались убить, а я до сих пор не знал кто, да и меня ли вообще. Пока я жил на барже, утыканной артефактами, на которые ушло целое состояние, никто попытку не повторял. Если бы за мной следили, то давно уже попытались бы.

Поболтать бы с этим змеиным бойцом, но что у него спрашивать? Просто уж больно та перестрелка была похожа на способы решения проблем вот такими кланами. А они у меня, считай, соседи.

— Не переживай за меня, — не стал ничего обещать я ему. — И выздоравливай скорее, а то Герман без твоего надзора снова к Ане ползет.

Судя по решимости на лице монаха, на ноги встанет он в самое ближайшее время. Умею я мотивировать людей. На том мы и попрощались.

Артур отпустил меня неохотно и даже намекал, что мои условия слишком мягкие, можно обсудить и сделать их лучше. Это я и собирался сделать, но позже. Сначала нужно было изучить чуть ли не всю демонологию за очень короткое время.

Я должен был понимать, с кем я буду драться, прежде чем влезать в клетку. Ведь и от этого, в том числе, условия нашего договора могли сильно меняться. Подождет публика нового сезона представлений на арене.

До «Спасителя» я добрался без приключений, хотя выбравшись затемно в Ганзе, продвигался по острову с опаской. Изучить бы его подробнее, но неподготовленным я ничего и не увижу. Что-то я такое видел в моем гримуаре, про сокрытие и его снятие. С целью изучить этот вопрос я и торопился домой.

Но на палубе меня застало сообщение. Оно было от княжны Меньшиковой.

«Ты где?»

Ни здравствуйте, ни как дела. Ну что за невоспитанная барышня. Прямо в буквах чувствовался командный тон. Я усмехнулся и помедлил, встав у борта и наслаждаясь видом ночного города. Когда мне показалось, что я достаточно её взбесил ожиданием, то ответил:

«Опять какие-то проблемы?»

Не очень красиво намекать на свою помощь, но будь она вежливее, не стал бы. Да и вдруг действительно что-то случилось. Пусть меня это вообще не должно касаться. От их семьи стоило держаться подальше.

«Нет» — пришло мне тут же и через несколько секунд следующее, от которого чуть телефон не выронил — «Хотела извиниться и поблагодарить тебя. Могу подъехать?».

Что же такое крупное в лесу сдохло? Но отказывать девушке в таком благородном желании я не мог. Да интересно стало посмотреть, как у неё это получится. Хоть и возникло подозрение, что и просьба после этого какая-нибудь сама собой, невзначай, всплывет.

Я скинул адрес и рванул в душ. Интересна мне эта девица или нет, но на всякий случай. Ещё и экстренно порядок пришлось наводить, самым лучшим способом — запихивая всё в ящики и под кровать.

Светлейшая княжна Яна, она же Ульяна, Меньшикова явилась быстро и громогласно. Рокотом разбудила всю улицу, с визгом притормозила и спустилась по мосткам. В руках бумажный пакет, а на лице удивление.

Девушку явно подмывало высказать своё мнение по поводу моей резиденции, но она держалась. Я встретил её на палубе, галантно подал руку, помог забраться и получил подарок — бутылку вина, вроде неплохого. Намек я понял и тут же предложил угоститься, на что Яна ответила немного рассеянным кивком.

Как меня ни забавляли её метания между вежливостью в гостях и легким недоумением от баржи, виду я не показывал. Обидится, как пить дать. Но бокал вина помог ей смириться с обстановкой.

Мы сидели на открытом воздухе, я разжег огонь и вытащил нормальные кресла, вместо шезлонгов. Королевские условия, можно сказать, создал.

— А тут красиво, — девушка залюбовалась на вид, оттаивая.

Мы сидели и созерцали молча минут десять, а то и дольше. А потом её прорвало и княжна вывалила на меня чуть ли не всю историю своей жизни. Словно оправдывалась за что-то, но я её не останавливал. Девушке явно нужно было выговориться, и я слушал.

И как они хорошо и счастливо жили. И как погиб отец, в жуткой авиакатастрофе — частный самолет упал на жилой квартал какого-то городка. Как после этого всё покатило к демонам. Её к делам не подпускали, а брат был не способен разобраться. Да и не хотел. Всем сейчас пытался управлять их дядя, родной брат отца. Выступал в роли опекуна, но тоже не особо улучшал ситуацию.

Ещё и страсть князя к азартным играм. Что не только портило и без того упавшую репутацию, но и ввязывало весь род в сомнительные долги. И суть была уже не столько в деньгах, которых у Меньшиковых хватало с лихвой.

В общем, я понял, что Яна страдала, не в силах что-то изменить и помочь брату, пыталась сама всё вытащить, но не получалось. Оттого и характер сильно испортился, да и все эти выпендрёжи в виде ночных гонок.

Она то вспыхивала и злилась, то сникала и чуть ли не плакала. Мотало её из стороны в сторону так, что я только больше убеждался, что с такой связываться не стоило. Огонь погас и мы переместились внутрь, замерзая.

Яна ежилась от холода, я стянул с кровати плед и укутал её, растирая плечи. Она прижалась ко мне и стояла так какое-то время, а затем тихо пробормотала мне в грудь:

— Ну, мне пожалуй пора.

— Пора, — подтвердил я. — Доброй ночи, ваша светлость.

— Ну перестань! — тут же завелась она, отталкивая меня. — Мы же перешли на ты, а ты в меня тычешь титулом.

— Ну а чем мне в тебя тыкать? — искренне поинтересовался я, слегка улыбаясь.

Яна покраснела, возмущенно засопела, яростно сверкая глазами. Ну-ну, пришла среди ночи в мужскую берлогу с вином и теперь хлопает ресницами.

— Да ладно тебе, — сказал я и притянул её к себе, целуя.

Больше княжна не возмущалась. Ну разве немного, когда я останавливался перевести дыхание...

Глава 28

Светлейшая княжна всё порывалась сбежать посреди ночи, после очередного захода, но так и уснула на моей руке, уткнувшись носом в грудь. Я лишь аккуратно подоткнул одеяло, чмокнул в макушку и вырубился.

Пташка моя оказалась ранней, чуть взошло солнце и она встрепенулась, разбудив меня. Рука затекла, всё тело приятно ныло и я шурился спросонья, наблюдая как девушка судорожно ищет одежду.

— Доброго утра, — потянулся я, расплываясь в улыбке.

Яна вздрогнула и даже подпрыгнула от неожиданности. Её милое личико начало заливаться румянцем, но княжна тут же взъерепенилась:

— Даже не смей подумать, что это что-то значит! — звонко объявила она, путаясь в пуговицах своей рубашки.

— Что — это? — усмехнулся я, забавляясь её смущению.

— Всё это... — она махнула рукой и попыталась уточнить: — Ты... Я... Мы, в общем. То, что произошло сегодня ночью — никогда не повторится! Забудем!

— Ааа, — понимающе протянул я и откинул одеяло, поднимаясь. — Ну ладно.

Так как одежды на мне не было, а организм работал исправно, то княжна возражать и возмущаться резко перестала. Снова покраснела, сообразив что нагло разглядывает меня. Ну а я ещё разок с удовольствием потянулся.

— Это... это..., — никак не могла закончить она.

— Это ты забыть собиралась? — я кивнул вниз.

— Хам! — Яна опять подпрыгнула и, схватив куртку, ломанулась к двери. — Никогда больше! Открой дверь сейчас же!

Она дергала за ручку так яростно, что был уверен — вырвет напроочь. Подходить к бешеной девице я не стал и, еле сдерживая смех, мягко сообщил:

— От себя...

Казалось, что ещё больше покраснеть княжна не сможет, но ей удалось меня удивить, не только этой ночью. Дверь распахнулась, чуть не слетев с петель и девушка, шипя себе под нос проклятья, вылетела на палубу.

— Ну и что это было? — задумчиво произнес я, звучно почесался и пошел варить кофе, дальше ложиться спать уже не было смысла.

Через минуту заревел двигатель и мотоцикл умчался, вновь разбудив всех не только на этом берегу, но похоже и на том. Ну и громкая игрушка у неё.

Меньшикова конечно долбанутая, но надеюсь не настолько, чтобы всерьез валить всё на меня. Велела она мне ночью такое, от чего сама потом в ужасе будет, как вспомнит. И на

опьянение не свалить, её подарок оказался скорее виноградным компотом, чем вином. Да и выпили мы полбутылки.

Ладно, хочется девчонке повозмущаться, делая вид, что она сама этого не хотела, пускай. Со мной такой номер не пройдёт, а дуется она забавно. Станет после этого избегать, дело её. А не станет, тогда и увидим... Зараза, зарекался же с ней связываться.

На запах кофе, не иначе, явился Герман. Юный граф и сам выглядел помятым, даже больше обычного. Судя по красным глазам и блаженной улыбке, он эту ночь тоже провел увлекательно и не в обители.

— Чую, веет развратом, — безошибочно оценил он состояние берлоги, но на самом деле заметил два недопитых бокала на столике.

Этот вывод стоил ему последних сил и пришлось заправлять его двумя чашками крепкого кофе. Это вернуло оракула в мир живых.

— Вечером с нами? — тут же оживился он.

Отгул и свободное время в городе позволялось проводить как угодно. Но неугомонного графа тянуло теперь только в салон Павловой, где я лично больше не появлялся. Увлёкся гримуаром, да и встречать кредитора Меньшикова мне не особо хотелось. Как угрозу я его не воспринимал, но тратить время на пустые конфликты было некогда.

Совета ни во что не лезть я всё таки старался придерживаться.

Пришлось отказываться от приглашения и внутренне облегченно вздыхать. Будет время найти ту печать, что может снять любое сокрытие. Ну, я так надеялся.

Объявился и постоянный утренний гость, то есть Миха. Пацан немного настороженно посмотрел на Германа, но в итоге пожал плечами и залез в холодильник, выудив свой обычный завтрак — пачку сосисок. Накормить мальчишку чем-либо другим у меня пока не получалось.

Подумав, что как-то людновато у меня становится, я отправился в душ, смывать то, от чего веяло развратом. К моменту, когда я вышел, парочка уже вовсю обсуждала текущую экономическую ситуацию в империи.

— Да я тебе говорю, у Зарьянских только на днях корабль с грузом пришел! Их рудники пол империи обеспечивают сырьем! — убеждал в чем-то пацана граф.

— А вы, брат, тот корабль то видели? — хитро усмехался тот в ответ. — Просадка у него такая, что там разве что пуховых одеял на пол империи. И разгружать его они своих вызвали, портовым вообще не дают туда соваться.

— Да брешешь! — восхищенно отвечал Герман.

— Завтракать изволите, господа предприниматели? — прервал я их сплетни.

Спросил я из вежливости, но кормить пришлось всех. Даже Миха скромно умял порцию омлета, запеченного в духовке. Как и положено, в нём мяса было больше, чем яиц.

Глеб в обители так и не объявился, но теперь я был за него спокоен, как и Аня, которой я ещё вчера сообщил, что нашел монаха. Полезет снова допрашивать и проверять, его дело. Надеюсь, в этот раз всё же возьмет подкрепление.

Но нас после обеда и вместо боевой практики вызвали в дежурку. Там оказалось, что на нашу команду, уже успевшую получить известность, поступил «наряд». К моему огромному удивлению, от барона Маркушкина. Того самого, который нас с Глебом и Карлом послал куда подальше, когда я княжича немного сломал.

Жильяс Стефанович великодушно решил дать нам шанс исправиться, благо в этот раз

его не нужно было никуда сопровождать, а всего лишь засветиться перед гостями. В общем, не то чтобы мы не могли отказаться, могли. Но пока выбирать особо не приходилось, а начни мы сейчас нос воротить, перестали бы звать.

Значит, нужно восстановить хорошие, насколько это возможно, отношения с бароном. Во имя будущих, более выгодных, вызовов. Этот, впрочем, тоже неплохо оплачивался.

Я вспомнил плотоядный взгляд баронской дочери, Стефании, и содрогнулся. Ладно, если там будут гости, возможно и дочери себя прилично вести будут. Надеюсь. А то натуральными мальчиками по вызову окажемся. Но, если что, прикроемся Германом. Есть шанс, что любвеобильного графа хватит на обеих.

Встретили нас так же пафосно и важно. Барон, разодетый ещё богаче, не стал нам читать лекцию о поведении в высшем обществе, сдержался. Только уточнил, где нам нужно находиться и что встреча планируется закончиться не позже семи вечера. А если задержится, то нас ждут сверхурочные.

Это всех устроило, остальные обрадовались, что успеют и в город слинять, а я тому, что вечер проведу всё же как и запланировал, с гримуаром.

Внимания баронских дочерей избежать не удалось. Но отец быстро их отправил с глаз долой, не успели они толком нас полапать. Стефания подарила мне взгляд, полный укоризны и обиды. Ну да, так я и поверил, что я единственный, кто способен ублажить эту «госпожу». Зато Герман нашел отклик в девичьих сердцах, или в каких-то других местах, нагло усмехнувшись на их откровенные заигрывания.

Гостями барона оказались неопознаваемые аристократы. В том смысле, что выглядели они точно не купцами, но вот никаких гербов или каких-либо других отличительных знаков, у них не было. Ой, мутит что-то барон.

Мы по-очереди торчали у входа в кабинет, где Маркушкин устраивал эти подозрительные встречи, патрулировали пустынные коридоры и, в основном, скучали.

Время шло к вечеру, нас даже немного покормили, отправив на кухню, где и нашлась единственная прислуга в виде повара и официанта. Остальных отправили на этот вечер по домам. Что добавляло мне уверенности в туманных намерениях барона.

Но наша задача была бдеть и помалкивать, как обычно. О том, кто и на какие вызовы ездит, в обители было не принято болтать. Защитников звали в трех случаях, кроме реально нужных, против демонов.

Действительно для охраны, но такое новичкам не доверяли, да и клиенты были в основном гостями города. У местных своя охрана была. Второй, самый распространенный, просто для выпендрежа. И этим занимались те, кому приходилось усиленно выставлять напоказ своё благосостояние, но при этом держать постоянную охрану не хватало средств.

Третий, тоже довольно частый, случай был как раз, как сейчас. Проводились какие-то не самые законные сделки или встречи и нами не только красовались, но и держали в качестве гаранта. Мало бы кто рискнул устраивать силовые разборки у защитников под носом.

Так что мы не расслаблялись, хотя проблем и не предвиделось. После постоянных экстремальных тренировок у всех выработались рефлексы всегда быть начеку.

Гости приходили и уходили и вот, когда нам сообщили, что последний гость покинул особняк, я обнаружил пропажу Германа. Я начал догадываться, где мог застрять граф, как откуда-то снизу раздался женский визг.

Протяжный и истошный, от которого зазвенели стекла, затем что-то с грохотом упало и

разбилось. Я находился как раз рядом с бароном и по его посеревавшему лицу сообразил, что это необычно. Ну а вдруг тут принято по вечерам бить посуду и истерики закатывать?

— Погреб... — прошептал он и я сорвался с места.

— Внизу! Погреб, — сообщил я по связи и все откликнулись, кроме оракула.

Всеблагие боги, лишь бы он охранял покои одной из блондинок! Я несся по коридору на кухню, из которой и был спуск в погреб. Повар, пока нас кормил, успел посетовать, что не может предложить хряпнуть из нескромных запасов барона.

Карл и Семён меня нагнали по пути. Тихий особняк наполнился топотом ног, а на кухне нас встретили перепуганные слуги. Их мы бодро отправили куда подальше, лучше сразу на улицу и домой. Выдохнули, призвали оружие и вооружились фонариками.

Десяток широких ступенек вниз и нас ждала картина, от которой мы дружно матернулись. Посреди довольно объемного погреба лежала вторая дочка, имя которой вылетело из головы. Светлое платье пропиталось кроваво-алым, чего под ней была лужа, по размерам несовместимая с жизнью.

Да ну как так, мать их? По прибытию мы обыскали весь дом, к неудовольствию хозяина. Единственное место, куда нас не пустили, это винный погреб, запертый самим бароном лично. Жильяс Стефанович клятвенно заверил, что доступа туда никому нет.

Ну конечно, подвал! Долбанные подвалы — всегда главная проблема. Недалеко за телом виднелся и лаз, сдвинутая в сторону решетка на полу. Небольшой, но достаточный для тех, кто сейчас лез оттуда сплошной темной массой.

Проклятые демонические крысы, иначе их было не назвать. Мерзкие создания бездны, жрущие почти всё подряд, от мусора до людей. Вечно голодные и озлобленные. Учув добычу они не отступали, наваливаясь толпой и раздирая заживо на части.

Сначала я понял, что твари обходят стороной тело. По идее, от баронской дочки мало что должно было остаться. Но потом мне в нос ударил запах алкоголя и я увидел, что она ещё дышит.

Это была не кровь, а вино, много вина. Похоже дочурка решила втихаря от папеньки прибухнуть семейным запасом. Это её и спасло. Единственное, чего не переносили эти твари, это алкоголь.

Демонов всё прибывало и прибывало, стрелять из пистолетов мы не могли, пока девушка валялась на линии огня. А втроем призывным оружием отбиться от такого количества было почти нереально. Поэтому я принял единственно верное решение для спасения девушки.

— Бутылки! — рявкнул я и схватил ближайшую.

Урожай года рождения моего деда полетел на пол и растекся, благоухая. Парни быстро сообразили и присоединились. Нужно было залить немало, чтобы не дать им прорваться наружу, а нам подойти к жертве алкоголизма.

— Хватай её, — бросил я Карлу, отбиваясь от копошащейся массы и окропляя их бухлом.

Твари недовольно верещали и пытались нас достать. Ещё немного и они додумаются пойти по головам своих же. Надо успеть до этого момента. Здоровяк подхватил невнятно стонущую девицу и двинулся на выход, пока мы его прикрывали с Семёном.

— Валите! — заорало сверху ступеней голосом Германа.

Оракул спустился на половину, на бегу заправляя рубашку в брюки. Вот похотливая скотина, всё же у Стефании прохладился.

— У них есть вожак! — пояснил он свой вопль и драпанул наверх.

Это значило, что нас сейчас сожрут. Вожаки были слишком разумными и, как нам преподавали, могли управлять всей этой кровожадной толпой, причем очень стратегически умело.

Карл успел скрыться наверху, а вот мы с Семёном чуть-чуть опоздали. Твари отхлынули назад и прыгнули. И мы открыли огонь, уже не раздумывая куда. Тут не промахнешься. Мы отмахивались, стреляли и отступали. Разлетались на осколки бутылки и демоны, но масса перла на нас неумолимо.

Вдруг яркой линией загорелся трассер, магазин подходил к концу. Ещё и ещё, у Семёна тоже заканчивались патроны. Не успел я подумать, как это хреново. Вспыхнуло, огонь побежал по полу и стенам. Да мы всё тут залили элитным и очень крепким бухлом. Загорелась облитая каким-то самогоном тварь и завизжала. На нас полыхнуло, у меня загорелись ботинки.

— Ухооодим! — закричал я, толкая ошарашенного от пламени напарника и мы рванули наверх, закрывая дверь.

Пришлось скакать и тушить подгорающие пятки. Ну хоть не задницу. И бежать дальше. Барон, Карл с бездыханной девицей на руках, Герман и Стефания ждали у входной двери.

— Ещё люди в доме есть? — прикрикнул я на хозяина, всё ещё дымясь.

— Нет, всех отпустили, — барон был испуган, но начал заводиться от такого обращения.

— На улицу! — не дал я ему открыть рот и замахал на всю компанию руками.

Видимо моё лицо и дымок возымели действие, эвакуировались мы моментально. Бахнуло через несколько секунд. Мы успели перебежать на другую сторону улочки, как внутри дома что-то взорвалось. Ой, не только вино в том погребе хранили...

Окна треснули, из них повалил густой черный дым и полезли языки пламени. Занялось хорошо и красиво. Баронский особняк сиял ярким факелом, потрескивая. Хорошо хоть расстояние между домами было достаточное, чтобы огонь сразу же не перекинулся на соседние здания.

— Аня, у нас пожар, — я оценивающе прищурился, жарило уже прилично. — Большой. Вызывай пожарных.

— Что? — удивилась координатор и через секунду добавила. — Вижу со спутника. Илья, вы там совсем с ума сошли?

— Крысиное гнездо, с вожаком, — коротко объяснил я.

— Что... Что... — лепетал барон, неверяще глядя на свой горящий дом. — Что вы наделали?

— Спасли вас, ваше благородие, — пожал я плечами. — Крысы у вас там завелись.

— Что? Крысы? Какие... — ему стало совсем нехорошо и дар речи окончательно покинул барона.

— Нда, — оглядел я масштаб бедствий, — Нехорошо получилось.

Конечно, никакого вечернего выхода в город у команды не получилось. Барон очухался довольно быстро. Так же, как приехали пожарные и принялись тушить родовое гнездо. Скандал был страшный и громкий. Если бы не прибывший на место целитель, Маркушкина хватил бы удар.

Полыхало долго, всполохи огня окрашивали вечернюю улицу, дым стелился по земле,

придавая зрелищу своеобразную красоту. Барона, конечно, такая картина не радовала. Пока все бегали туда-сюда, тушили, успокаивали барона, расспрашивали, мы уселись прямо на землю. Ну а что, хорошо поработали, можно и отдохнуть.

Инквизиция, которую тоже пришлось вызвать, чтобы барон нас не казнил прямо на месте, допрашивала нас спокойно, словно и не горело за их спинами. Обитель нас прикрыла. Я честно рассказал, как было. И что мы, по сути, сожгли к ебням особняк по неосторожности.

Но главный в команде дознавателей, сказал что мы сделали всё не то чтобы правильно, но по-другому нас сожрали бы. Так что барону пригрозили разобраться, почему он не обеспечил защиту подземного хода и не допустил нас к осмотру подвала.

Но, похоже, рекомендацию от барона просить не стоило...

На баржу я явился поздно. Пока всё сдавали и писали отчёт, который пришлось исправлять несколько раз, мне вымотали нервы окончательно. Я ещё и фонарик там потерял, за что бился с завхозом, уж больно лютую он сумму хотел вычесть.

Но от бурлящего адреналина и взбудораженной бюрократией головы мне не спалось. Поэтому я всё же решил посидеть над гримуаром и найти ту самую печать. Не самая простая, пять фигур и её нужно было напитать кровью. Я вообще там часто встречал про силу крови, а вспоминая о клятве императору, не особо страшился, понимая что это как раз не самое незаконное. Просто нас такому не учили.

Я даже не надеялся, что у меня получится с первого раза. Перечитал несколько раз внимательно скудный комментарий. «Снятие сокрытого, кровное» — всё, что написал батя Мишуты. Никаких предупреждений, как на большинстве остальных листов.

Я вышел на палубу и обратился лицом к ганзейскому острову. Резанул ладони ножом и принялся за печати. Первая и вторая заставили воздух задрожать. Это воодушевило. От третьей бросило в холод, а от четвертой в жар. На пятой меня уже колбасило, пальцы слушались с трудом и скользили от крови.

Я ожидал чего угодно. Например, что с горящего редкими огнями острова слетит какой-то покров и передо мной предстанет филиал ада. С котлами, чертями и прочей ерундой. Но не произошло ровным счетом ничего.

Спецэффекты прекратились, я ждал и ждал, но остров остался в прежнем виде, а я начал замерзать, на этой раз от банальной ночной прохлады. Плюнув от души, я отправился спать. Ну конечно, прямо с первого раза и получилось, как же...

Даже свет не стал включать. Хотелось просто добраться до кровати и уснуть, денек выдался жаркий, да и спал я, благодаря княжне, не так уж и много. На ощупь достал бинты, наскоро перевязал ладони и тут то услышал тихий шорох.

Баржа, в принципе, постоянно издавала какие-то звуки. В основном что-то скрипело, иногда стучало. Но этот звук шел из темного угла, где ничего не было. Хотел туда музыкальный аппарат поставить, но его пришлось заказывать откуда-то издалека и долго ждать.

Шуршало ближе вечно стонущих по своей нелегкой судьбе стен. Кажется, скреблось или цокало по полу... Косу я призвал, морщась от боли. Надо всё таки руки беречь, поранился и что, остался без магии? Но выяснение этого момента я отложил.

Потому что в тених было что-то постороннее. Размером с приличную собаку, явно на четырех лапах и с хвостом. По-крайней мере что-то похожее мелькало, нервно ударяясь об пол.

Вежливо спрашивать, кто там, я не стал. Прыгнул навстречу, едва услышав угрожающее рычание.

Глава 29

Тварь тоже метнулась мне навстречу, но ловко увернулась из под лезвия. Я пропахал косою пол, выбив искры и резанул бок дивана. У, шустрая демонюга! Что передо мной не случайно забредшее животное, я уже понял. Но как-то рассчитывал на охранные артефакты.

Демон рыкнул и шарахнулся в сторону, пытаясь зайти мне за спину. И началась гонка. Отрыжка бездны скакала по полу, стенам и даже потолку. Мне не удавалось задеть и кончик хвоста. Зато задевал я всё остальное. Последней атакой окончательно добил диван и тот развалился надвое.

Разбивалась посуда, от мебели летели щепки, я орал дурниной, демон рычал и лязгал на меня зубами, но я никак не мог изловить тварь.

— Да стой ты, отрыжка бездны! — начал я уставать и его уговаривать.

И налетел на внезапно замершего демона. Так можно было? Мы покатались кубарем, коса древком впиалась мне в ногу и я запутался, чувствуя шерсть под пальцами. Дернул, получил лапой по роже и отлетел.

Тварь не нападала. Уселась задницей на пол и начала вылизывать лапу, судя по движениям и звуку. Так, либо я свихнулся, либо... А какие ещё варианты?

— Эй, ты, хм, что? Ты демон? — пытался я наладить контакт.

— А ты человек или пень неразумный? — вдруг прозвучал из темноты недовольный женский голос. — Набегался?

В голове стремительно пролистывались все книги по демонологии. Но такой хрени я там точно не встречал. В виде животного, разумного и говорящего. Кажется, я надышался дымом. Да, точно.

— Ну? — демон перестал вылизываться и уставился, сверкнув глазами.

— Что ну?

Экзорцист, вот кто мне нужен. Но они же вроде демонов изгоняют из людей...

— Ну, ты меня сам позвал. Это раз. Затем попытался убить. Это два. Ещё и отрыжкой бездны обозвал. Это три, — голос совершенно не соответствовал созданию, которое только что рычало и скакало по стенам, был спокойным, но с легкой обидой.

Сам позвал, понятно. Я поднялся и наконец-то включил свет. Зрелище предстало страшное. Всё было разгромлено бесповоротно и окончательно. Намахался я косою от души. Посреди этого бедлама, выискав единственное чистое место, сидела кошка. Очень большая кошка. Скорее рысь, с кисточками на больших ушах. Черная короткая шерсть блестела, как и желтые глаза. Толстый хвост обвивал лапы и чуть подрагивал.

Опять промелькнула мысль, что у барона горело что-то забористое.

— Ты кто? — собрался я с мыслями и начала задавать нормальные вопросы.

— Дух-хранитель рода, чувырло, — глаза её прищурились, а голос звучал словно в моей голове, открывающейся пасти я не заметил.

Ещё и хамит, отлично. Хамящая рысь, хранительница рода. Ну спасибо, безмянный мужик, за такой корректный комментарий. Ни с чем иным, как с использованием печатей, я связать это явление не мог.

— А какого рода? — осторожно уточнил я, делая аккуратный шаг назад, на всякий случай.

— Твоего! — рывкнуло мне в ответ и саркастически передразнило. — Ты чьей кровью-то вызывал, отпрыск бездны?

Нет, так у нас конструктивного разговора не получится. Шок отпустил, жрать меня эта кисуля точно не собирается, но так разговор не пойдет. Я прикинул возможные варианты, насколько вообще мог адаптировать их под отсутствие знаний в области говорящих зверушек.

— Так, дух-хранитель, — погрозил я пальцем. — Моей кровью призванный, так что давай без хамства обойдемся. Извини, не признал в темноте сразу, а работа у меня нервная.

— Ой, простите, хозяин, — заржала эта кися, как конь. — Тоже в темноте не признала, вижу — скачет, ну чисто черт! А у меня инстинкты, охотничьи.

Нда, с рысью спорить мне ещё не приходилось. Хотя, если присмотреться, похожа она на откормленного мейн-куна. Коротко стриженного разве что. Что вообще семейство кошачьих любят? Молока ей что ли налить в блюдце... Но, посмотрев в хитрющие желтые глаза, такое предлагать передумал.

— Слушай... Имя то у тебя есть?

— Кара, — ласково сообщила кошка, промурчав долгое «ррр».

Кара божья, вот точно. Как-то было немного стыдно гуглить прямо при ней про духов-хранителей.

— Илья, — я на автомате протянул руку и тут же убрал. — Давай начистоту. Не буду из себя изображать всезнающего и могучего, а ты перестанешь ёрничать. Поговорим нормально. Кажется мне, наше знакомство не очень задалось, за что приношу извинения. Я безобидных... хранителей не обижаю.

— Ну тогда косу то убери, — сказала хранительница, но уже вполне нормально.

Добродушный хозяин, ничего не скажешь. Так и подскочил с косою, оперевшись на неё. Лишаться оружия мне не хотелось, но судя по тому, что изловить её мне так и не удалось, цапнуть она меня могла в любой момент.

— Служитель значит? — рысь поднялась и с любопытством обошла меня вокруг, обнюхивая. — Жег кого-то что ли? Пахнет от тебя дистиллятом и костром. Ты вообще чем занимаешься на своей нервной работе?

Нервничаю, лять, и гори оно всё огнём. Меня от абсурдности ситуации немного пробило на смех, но насмеяться над этой большой кошкой я не стал. Хотя погладить по блестящей шерстке захотелось.

— Защитник я. А горел барон... Тьфу, дом баронский, случайно получилось. Объяснишь, кто ты такая и откуда?

Кошка остановилась, удивленно уселась и часто заморгала.

— Ну так хранительница рода, я же сказала. Ты совсем ничего про нас не знаешь? Не слышал даже? Сколько же лет прошло уже... Так, мне нужно на улицу.

Сразу же в башке дурная мысль появилась, какого же размера ей лоток надо искать. В любой непонятной ситуации — иронизируй. Но лучше про себя. Я жестом указал на дверь и кошка подошла, мяукнув и скребя лапой. Опять издевается, вот уверен.

Пришлось подыгрывать и открывать скрипучую дверь, пропуская её вперед. Всё таки дама. Ох, сколько много у меня вопросов.

Увидев город, хранительница растерянно опустила на свою пушистую пятую точку и наклонила голову, разглядывая сверкающие небоскребы. Что-то проурчала невнятно и почеловечески вздохнула.

— Долго же не призывали хранителей. Как же вы, — она обернулась ко мне, — без хранителей живете? Кто вас о бедах, болезнях и смертях предупреждает?

— Тааак, — я развернул кресло, которое так и осталось на палубе после нашего уютного вечера с княжной, и устроился поудобнее. — А вот теперь нам совершенно точно нужно поговорить.

Кара рассказала мне немного. Ну или я вопросы неправильные задавал. Но хранительница совершенно искренне расстроилась, увидев мегаполис. Потому что те духи, что были рядом, помнили иное время. Не было у них там, в своём эфире, родственников и подобного. Уходили одни и приходили другие. Просто знания успевали передавать. Но не сейчас.

Дух этот, с кисточками на ушах, был юным и болтался там у себя, вне времени и пространства, одни боги знают сколько времени. Ожидая, что придет на замену и получит знания другого хранителя. Оба мы с ней оказались без знаний и памяти, короче говоря.

Кровью дух получал воплощение, а уж почему такое, Кара не знала. Ну или предпочитала молчать. Вообще я поверил, что она по мере духов, подросток, вела себя натурально словно в центре бушующего пубертата.

Я не знал правильных вопросов, а она не знала, что ей рассказать. Я понимал, что для неё само её существование и детали этого кажутся очевидными. Поэтому решил осторожно выяснить в библиотеке.

Хотя, если хранителей рода давно не было, возможно от них избавились. Как вообще это возможно, я тоже не представлял. Кара лишь сказала, что такое невозможно.

А вот когда я спросил, что же за род у меня и чья кровь, то кошка очень натуралистично пожала плечами:

— Великий и древний конечно, у других не бывает хранителей. И тем более они не могут нас призывать. Не знаю кто ты, Илья, но знаю, например, что тебя яды не берут, да всякие зелья дурманящие. Это я могу через кровь почуять.

Кара говорила всё неохотнее, зависая на огнях ночного города. И я решил оставить её в покое, хотя бы на время. Для меня было шоком очутиться в новом мире, для неё этот мир, считай, такой же. Пусть освоится.

Я оставил дверь открытой и ушел спать. В голове бурлили мысли, не давая погрузиться в сон. Её короткое замечание о дурманах и ядах объясняло сразу несколько вещей. Почему я помнил ритуал пробуждения, например. Явно же что-то подсыпали, что на меня не подействовало.

Как и яд мары, который должен был меня свалить, но обошлось головокружением и слабостью. Это открывало море возможностей и море проблем. Хранители, в смысле те, которые храмовники, знали многое о разных наследственных особенностях. Но обращаться к ним означало сдать себя. Вдруг это качество настолько редкое, а моя генетическая родня не захочет оставить наследника в живых?

Мне же, как защитнику, изучать родовые хитросплетения было подозрительно. Это вообще не та область, которая хоть как-то мне должна быть близка. Даже из чистого любопытства.

Засыпал, а скорее отрубался, я с головой, больше похожей на рой потревоженных пчел. Они гудели на все лады и доставали вопросами. Поэтому я категорически пригрозил им подпалить пасеку и твердо решил устроить завтра вечером качественный мужской отдых. То есть послать всех нахер и провести вечер в одиночестве.

Не знаю, что бы подумала на это моя хранительница, но засыпал я именно с такой мыслью. Не забыть...

Утром, явились, мать их, все, кто только мог. Кроме прекрасного пола, слава яйцам. Поднял меня наставник. Глеб воспользовался распахнутой для Кары дверью, зашуршал на кухне и разбудил ревом кофемашины.

Пришлось удивленно открыть один глаз. Я думал, что разнес вчера абсолютно всё. Глеб не обращал совершенно никакого внимания на фонтанчик, бодро пуляющий из разрубленного косой водопровода, и готовил нам кофе.

— Смотрю, ты знаешь толк в душевном отдыхе, — единственный одобрительный комментарий, который он выдал, обведя взглядом разгром.

После чего ушел на палубу, а я был вынужден ругаться, но подниматься. Ну почему мой хранитель не огнедышащий дракон, отгоняющий всех нахрен? Кстати, а где Кара? Котьяра обнаружилась спящей в кресле. Её туша туда еле влезла, морду она положила на подлокотник и посапывала, прикрыв глаза лапой. Светало.

— Знаешь, Илья, — лениво начал монах, с удовольствием делая маленькие глотки. — Знал я, что животные мебель дерут, но чтобы так...

Ой, да идите вы все к демонам. Но после первого глотка божественного напитка я подобрел, передумал спихивать хранительницу и притащил себе ещё одно кресло. Спинка его треснула, но не развалилась, а вместо одной из отсеченных ножек пришлось подложить какую-то канистру.

И что-то мне подсказывало, что лучше пока ремонт не затевать, бесполезно.

Только я устроился и начал наслаждаться рассветом, прибежал Мишута. Он хмыкнул на нашу разношерстную компанию, Кара приоткрыла на него глаз и продолжила дрыхнуть. Посчитав это общим одобрением, пацан сгонял за сосисками и тоже вышел на свежий воздух.

Миха вообще ни слова не сказал о том, что увидел внутри. Точнее он сказал, что у меня там что-то течет и уселся у борта, завтракать.

Не успел этот мелкий проглот умять пол пачки, как заявила команда. Я даже не спрашивал, какого вообще хрена всем резко не спится в такой час. Все обрадовались наставнику и радостно гудели, мешая мне дремать на первых лучах солнца.

Когда я услышал рокот мотоцикла, то реально чуть не... проснулся. Но пронесло, кто-то проехал по параллельной улочке и укатил вдаль.

Кара не обращала никакого внимания на публику, а та на неё. Удивительное единодушие. Ну спасибо, хоть не говорила. Даже когда граф попытался погладить моего нового питомца. Только выпустила внушающие страх за естество когти и лениво клацнула зубами. Больше к ней никто не подходил.

— Илья, — заявил Герман с почтением, когда вернулся из туалета. — Преклоняюсь. Такое даже мне не под силу. А ведь я один раз с двумя парами близняшек...

— Стоп! — я поднял руку. — Закажите завтрак, раз уж вы все тут собрались.

— Слушай, — осторожно спросил монах, видя что я какой-то раздраженный. — А зачем ты барона сжег?

— Ой, всё...

В обители нас ожидали большие проблемы. Глеба, неизвестно начальству где

шпявшегося столько времени, тут же вызвали на ковер. Увы, причина была и в нас, ведь именно без его присмотра мы тут же устроили городской пожар.

Несмотря на то, что инквизиция нас прикрыла, скандал был. Ну хоть позавтракать успели на барже. Курьер очень сильно удивился, когда на рассвете притащил огромный короб с едой пятерым здоровым лбам, одному мелкому, но сожравшему больше всех, и гигантскому котяре.

Но, увидев наши нашивки храмовников, проникся уважением и даже от чаевых принял отказываться. Но тут быстро убедил Карл, просто призвав топор. Собственно он держал в одной руке внушительное оружие, а в другой деньги. И вежливым басом предлагал выбрать. Кажется, убегая с чаевыми, курьер возносил молитву богам, отправляя нас в объятья Вечной.

Не все были к нам так добры. В обители за наш очистительный поход не хвалили. Настоятель, к которому пришлось явиться в полном составе, был при смерти. По-крайней мере очень убедительно это изображал.

Мы делали вид, что вообще не понимаем в чём проблема, а Глеб нам искусно подыгрывал.

— Я поговорил с нашими, — цокал осуждающе монах и качал головой. — Рассадник там был, уважаемый Эдуард. Вы чуть не посрамили себя, уж не говоря об обители, замарав связью с таким человеком. Ай, ай, ай.

Пухляша трясло и принимало, но тот тоже был не пальцем деланный и так просто не сдавался. Вспоминал какие-то махровые правила и грозился карцером.

— Согласно пункту двадцать пятому, подпункту два, владелец подотчетного помещения обязан предоставить полный доступ. Это указано в стандартном договоре с нанимателем, пункт десять, подпункт.... — добивал я умирающего.

Номера пунктов я на ходу придумывал, но правила такие действительно были. Об этом знал настоятель, наставник и я, как заучка. Поэтому пришлось звать целителя и отправлять его за какой-то настойкой. Судя по аромату, от целебных трав там был только цвет.

Выпив лекарство, настоятель немного отошел. Но когда мы заикнулись об оплате, начался новый апокалипсис. Пришлось звать инквизиторов, бывших на месте происшествия. Я уже думал, что мы сейчас начнем бухать тут со всей честной компанией, но мы договорились.

— Замечания в личное дело, каждому, — сдался колобок после второго часа битвы. — О том, что на обыденные дела вас вызывать не рекомендуется, — и добавил после гадкой улыбочки Глеба: — По причине узкой специализации в решений более сложных, хм, проблем.

— А...

— А оплату получают. В том числе и за опасность задания, неверную оценку заказчиком и его неполному сотрудничеству, — затихал с каждым словом настоятель. — Но если ещё раз!

Последняя отчаянно гневная реплика почему-то была обращена лично ко мне. Видят боги, я больше всех переживал за такое количество переведенного ценного продукта. Но я не стал усугублять, поэтому просто понимающе закивал.

Мы опоздали на занятия, за что на нас ещё и преподаватель по демонологии наехал. А ведь я хотел с ним поговорить о духах. Но он нас мало того, что отчитал, так ещё и тщательно что-то пометил у каждого имени.

В краткий миг перед обедом мне опять не повезло, в библиотеке вместо милейшей

Настасьи Павловны дежурил злобный хрыщ, который шикнул на мою печать доступа и отправил «самому искать, раз такой умный».

И, когда на обеде к нашему столу подошел княжич Ростовский и с грохотом поставил свой поднос на наш стол, я ему искренне обрадовался. Вот правда как родному. Парень был настроен так решительно, такая прямая осанка и горящий взгляд у него были, что я искренне заулыбался, отчего он немного отпрянул.

— Вот тебя то мне и не хватало! — радостно заявил я княжичу, на глазах теряющему всю уверенность.

Глава 30

— Хм, — сильно призадумался княжич, с опаской глядя на мой радостный оскал. — Илья, я хотел бы с вами поговорить. Если вы не возражаете, я присяду?

Такого поворота не ожидал никто. Даже Герман уронил свой неизменный стаканчик с кофе. А Карл есть перестал, что говорило о крайней степени изумления.

— Прошу, — немного расстроился я и жестом указал на место рядом.

— Благодарю, — Ростовский продолжал поражать нас и неторопливо сел, оправляя форму. — Простите, что прерываю трапезу, но иное время для разговора сложно улучить.

Граф Ермолай молча поднялся и ушел, за новой порцией кофе. Я же изобразил максимальную заинтересованность. Так любезно меня на драку ещё не звали, признаюсь, впечатлил. Но и тут княжич меня разочаровал.

Ладно, порадовал, но не оставил мне ни единого шанса устроить легкую разминку его костями.

— Я много слышал о вашей команде, господа, — тут Карл поперхнулся, а Семён икнул, но благородный учтиво сделал вид, что не заметил. — Вся обитель, собственно, только о вас и говорит. И я хотел попросить вас об услуге.

Я уже подумал о том, насколько больше княжеский дом баронского, и как быстро мы тот сможем спалить. Но и тут всё оказалось иначе.

— Прошу о помощи в тренировках и боевой подготовке, — выдал княжич и даже дыхание задержал.

Со дня, когда я последний раз его, хм, убеждал, прошло не так много времени. Может я по башке его слишком сильно ударил? Но Ростовский был на вид совершенно здоров и в своем уме.

— Мой отец, — заговорил он, когда наше молчание затянулось. — Крайне щепетильно относится к моим успехам. Признаюсь, он недоволен, что не я в числе первых. Я тоже недоволен, но по иной причине. Тем не менее, для меня это важно. Я отблагодарю вас, господа. В любом приемлемом для вас виде, будь то деньги или услуга.

Карл, кажется, скоро похудеет. У здоровяка от шока явно отбило аппетит и надолго. Я недоумевал поменьше, без жертв в виде голодания или потери сознания. Но недоумевал. Было похоже, что парень искренен, да и какая подстава в такой просьбе могла быть? Наоборот, это для него в первую очередь будет опасно, тренироваться с нами.

— Согласен, — я протянул руку, ещё и закивал, потому что княжич не поверил. — Но предупреждаю, что наши тренировки могут быть, хм, опасны.

Ростовский даже вскочил от радости. Нет, такое точно сыграть так профессионально практически невозможно. Уж точно не такому вспыльчивому и практически прямолинейному, как он.

— Ты чего? — продолжал удивляться Карл, когда княжич откланялся и, забрав поднос, ушел, пожелав нам самого приятного аппетита из возможных.

— Ну а что? — ответил за меня Герман, вернувшийся с новым бумажным стаканчиком. — Всё правильно Илья делает. Ростовские светлейшие князья, их влияние в столице колоссальное. Заполучить в должники наследника — это откроет многие возможности.

— Совершенно верно, ваше сиятельство, — не удержался я от подколки, зная как его это бесит. — Но Ростовский заслуживает шанса, это во-первых. Во-вторых, он инквизитор и, как говорят, очень перспективный. Ну а в третьих уже, он Ростовский. В общем, если не облагается, сработаемся.

А ещё у будущего великого инквизитора точно должны были быть на примете представители и других направленностей. Например, хранители. Чего бы не помочь парню, при этом ещё и получить выгоду.

Насчет сиюминутного благородства его извинений я не обманывался. Это всё было правдоподобно, но могло измениться в любой момент. Таков высший свет. Либо ты, либо тебя. Поэтому чем больше должников у меня будет, тем ловчее получится жонглировать этими услугами, сплетая во что-то действительно полезное.

Единственное, что я вынес из своей прошлой жизни — ничего не бывает просто так. Любой поступок в жизни имеет последствия и связывает тебя с таким количеством событий, что голова расколется их сводить. Но я везучий сукин сын, так что будем придерживаться такого поведения, которое эту мифическую удачу мне всегда и приносило.

Ну а нет, так просто помогу парню. Это будет приятнее, чем опять сломать ему нос.

Как ни удивительно, но княжич явился на тренировку. Оказалось, что зовут его Александр, «для нас Алекс». Саня храбрился изо всех сил и огреб по полной. Не совсем специально, скорее в качестве проверки, но его пару раз уронили, три раза наступили и один попали по голове.

— Ну и с х... — объявился Глеб и, заметив его светлость, видимо вспомнил о пошатнувшемся здоровье наставника, — хорошей жизни ли вы тут скачете? А ты, Ростовский, что тут забыл? Потерялся?

Княжич взбледнул, но сдержался, получив пару баллов в плюс.

— Господа были так любезны, что согласились мне помочь с тренировками, — сдержанно объяснил он.

Монаха так просто из равновесия было не выбить, но и он призадумался об удивительности жизни. В итоге махнул рукой, обвел нас мрачным взглядом и сообщил:

— На задание, особо специальное, как и обещал настоятель, да хранят его... всеблагие.

— А можно мне с вами? — Саня даже руку поднял, как школьник.

Инквизиторы, в общем-то не обязаны были участвовать в боевых выездах. Хоть такая практика и была в общей подготовительной программе всех адептов, даже тихих книжных червей, хранителей.

— Ваша, хм, светлость, — Глеб заскрипел зубами, но увидев моё равнодушное лицо, чуть расслабился: — Мы не на минеральные воды русалок гонять едем. Под землю пойдём. Испачкаетесь. Возможно, и изнутри.

— Я готов! — не отступал княжич.

Его доблестное стремление нашло отклик в суровом сердце наставника. Он плюнул на песок полигона, буркнул «ну и хрен с тобой» и добавил уже мне «под твою

ответственность». С фи́га ли мне такое счастье привалило, уточнять я не стал. Как говорится — мы сами в ответе за тех, кого приручаем.

На выдаче снаряжения я уже не был так уверен. У Ростовского конечно же был допуск по оружию, предполагаю ещё до обучения получил. Так что я задумался о том, бывают ли несчастные случаи на заданиях. И попросил у Володи, краснеющего каждый раз, как я открываю рот и обращаюсь к нему, бронежилеты.

Завхоз не решался орать в присутствии светлейшего, но выдал броник только ему. Я тут же забрал его себе, он выдал ещё один... В общем, таким образом через руки растерянного такими манипуляциями Ростовского прошли бронежилеты для всей команды.

— Считайте сами! — оторвался Володя на магазинах. — С трассирующими вам больше велели не давать.

Я глянул на Алекса, и тот сообразил, что полезность можно уже сейчас доказывать.

— Хм... — только и сказал княжич и мы тут же получили нормальный комплект.

Ладно, парень действительно может пригодиться. Если переживет первый выезд с нами. Если всё пройдёт спокойно...

Спокойно и наша команда — понятия несовместимые. Сначала мы рухнули через насквозь проржавевший пол в отстойнике. Что-то, уже превратившееся в жидкую грязь, проглотило нас по самые уши. Княжич с таким испытанием справился, хоть для начала пришлось избавиться от обеда.

Но от нашего аромата все демоны разбежались, вместо того, чтобы нападать. И нам пришлось носиться за ними по канализации, чуть ли не упрасывая их быть людьми, то есть тварями бездны, и покуситься хоть на кого-нибудь из нас.

Гоняли мы чертей. Тех самых, с рогами, бородой и длинным хвостом, которым они лупили по роже так, что искры из глаз летели. За этот орган мы их и отлавливали, приноровившись. Черти возмущались нашим запахом, рычали и разбежались.

В итоге мы разделились, бегая как долбанутые и размахивая фонариками, устроив в тоннелях светопредставление. За мной увязались Ростовский и оракул, куда побежали остальные, я даже не видел. Мы гнали самого живучего из чертей уже долго. Тварь уворачивалась, отбрыкивалась копытами и, кажется, усмехалась.

Нагнали мы демона у самого выхода на поверхность. Мы и сами уже отчаянно хотели на свежий воздух, узкие подземные пространства вот совсем не помогали с нашим амбре. Козлоногий ловко шибанул нас хвостом и взлетел по лестнице, выбивая дверь какой-то технички.

Демона мы гоняли долго, поэтому он тоже устал и запнулся, Герман вырвался вперед и успел ухватить того за хвост, вылетев с ним за дверь. Выбравшись наружу, я застал великолепную картину.

Мы умудрились забраться в район небоскребов и вышли на лужайке по соседству с одним из них, где явно начинался то ли очередной светский прием, то ли награждение. Вход украшала красная ковровая дорожка, по которой степенно шли гости. Прекрасный пол в изумительных вечерних нарядах и мужской во фраках.

В момент нашего появления от подъездной дорожки отъезжал лимузин, высадивший двух милейших созданий. Близняшек, как я успел заметить навскидку.

Граф тут же среагировал на триггер, отпустил черта и приосанился. И пока девушки соревновались, кто шире распахнет глаза, поклонился:

— Доброго вечера, сударыни.

Демон, похоже, и сам не ожидал такого торжественного приема и даже не драпанул. Ну или был воспитан и решил не мешать личной жизни графа. Пришлось перехватывать его за хвост и со всей дури приложить о стену. Тварь пискнула и отрубилась.

Не выдержала и одна из девушек, красиво и медленно осев на ковровую дорожку. Вторая повела себя более смело — открыла рот и заверещала на такой высокой ноте, что черт чуть не очнулся.

Последним выбрался Ростовский, вытер перепачканное в грязи лицо, тоже отвесил поклон и неожиданно остановил истерику:

— Княжна Румянцева, очень прошу вас заткнуться, — и почесал затылок пистолетом. — На ваш крик сейчас нечисть со всей округи сбежится.

Княжна резко замолчала, полагаю что от удивления. Может впечатлилась явлением светлейшего из ада, а может и Глоком, кто их, женщин, знает.

Тут уже опомнилась и охрана с журналистами. Первые оперативно утащили девушек внутрь и оцепили нашу «поляну». Ну а папарацци так перевозбудились, что чуть нас не ослепили фотовспышками и не оглушили вопросами.

Кажется даже демон окончательно пришел в себя, но предпочел продолжать притворяться мертвым, чтобы избежать такого внимания. В общем, тихой работы снова не получилось. Когда приехала команда поддержки и зачистки, Герман позировал с чертом, Ростовский давал интервью, а я отбивался от просьб призвать оружие. И уже почти согласился, разогнать бы их всех тут косою...

— Да ну ёёё... — лишь тяжело вздохнул Глеб, увидев, что мы опять устроили.

Но хуже всего было то, что вместе с подмогой из обители приехал манерный монах, который занимался связями с общественностью. В рясе от Армани, он профессионально превратил успокаивающихся было людей в зрителей шоу. Пиар, суровый и беспощадный, прошелся по всем нам, вынудив фотографироваться с гостями испорченного мероприятия.

В какой-то момент я тихонько пнул чёрта, так и притворяющегося мертвым, метко под зад. Демон подскочил и заревел белугой, тут же разогнав этот цирк. Ловили его вяло, всех достало это дефиле, так что на этом нас и отпустили.

Чёрта, кстати, взяли живым и отправили в лабораторию. Мне даже хотелось попросить покормить тварюгу и вознаградить за спасение, возместить моральный ущерб. Но свою толерантность к нечисти я предусмотрительно оставил при себе.

В обитель мы вернулись уже знаменитыми, но пока не очень богатыми. Ростовский светился от счастья, ещё бы. Такая удача, первый же выезд и сразу публичное освещение. Я бы даже подумал, что княжич владеет какими-нибудь секретными родовыми техниками и сам этого чёрта заставил гонять себя и пригнать в центр высшего света. Но это уже точно был бы перебор.

Впрочем, вел себя Саня адекватно, хоть и раздулся от гордости. Не сдул его и настоятель, который прочитал нам долгую нудную лекцию о поведении в общественных местах. И заикнулся про штраф за моральный ущерб. Но и сейчас присутствие светлейшего отпрыска пошло нам на пользу, колобок не лютовал. Намекнул, но не настаивал, когда не заметил одобрения на наших лицах. Пожалуй, парня стоит оставить.

— А как вы относитесь к командировкам? — заискивающе вздыхал начальник обители.

— Если по тройному тарифу, то положительно, — не растерялся я.

— И медаль, — зачем-то добавил Карл, чем и закончил этот разговор.

Такое удачное дело решили отметить, как и боевое крещение нового пока не товарища, но члена. Команда дружно решила провести это мероприятие на «Спасителе». Когда замученная годами баржа успела стать нашим местом сбора, я не очень понял. Но вот важность попойки понимал.

У меня на каждого из этих пока молодых, но нормальных, парней были планы. Кто знает, как пойдет дальше, но люди — наше всё. Тем более когда кадры можно сковать и указать верный светлый путь.

Ростовского мы снова испытали на прочность. Первую проверку, внешним видом места сбора лучшей команды обители, он прошел. Не без нюансов в виде сморщенного носа, охреневшего взгляда и скромного вопроса «а это что?» на кисулю.

Мне вообще было очень интересно, какого ляда все так обыденно реагируют на огромную рысь, шляющуюся по палубе. Возникли вопросы и к хранильнице, но начини я спрашивать что-то у животных, вопросы уже появились ко мне бы. Как и спроси я, что они видят...

Второй проверкой княжича стало заявление, что всех новоприбывших окунают в воду по старому морскому обычаю. Ну хоть его голову о борт не предложили разбить, и то молодцы. У меня возникло теплое отеческое чувство, которое я не смог озвучить, но оно приятно провалилось внутрь, согревая лучше, чем принесенная коллекция. Барон Маркушкин гордился бы нами, не оплакивай он свою винотеку.

К моему немалому удивлению, княжич позволил швырнуть себя за борт. Даже я бы не рискнул прыгать в мутные воды, пусть и так красиво подсвеченные иллюминацией ночного города. Ему бросили спасательный круг, который тут же утонул, но был на привязи, поэтому мы вытащили всех.

Глубоко за полночь мы разошлись, а я с чувством выполненного долга и спасенных демонов и княжичей, отправился на разговор с питомцем, ночь взорвал знакомый звук. Инженеры Дукати точно имели что-то против спокойствия населения. Рокот мотоцикла звучал хуже рева сотни демонов.

Светлейшая княжна взошла на борт с видом абсолютно невозмутимым. Осмотрела ущерб, фыркнула и гневно потребовала ответа:

— Ну и почему ты мне не написал?

У меня было много вариантов ответа, и каждый из них взбесил бы храбрящуюся из последних сил девицу. Поэтому я просто проигнорировал выпад и захлопнул дверь. Не лучший вариант выбрал. Хранильница, успевшая зайти внутрь и улечься на остатках дивана тоже фыркнула и отвернула морду.

— Скотина! — тут же закричала Яна, колотя в уставший металл.

Металл скрипнул, жалобно уговаривая меня сжалиться. Я открыл и вопросительно посмотрел, ожидая интересного предложения.

— Ну извини, — надула губки княжна. — Но невежливо вообще-то.

— Невежливо вообще-то заявляться без предупреждения. А особенно, — для пущей убедительности я поднял палец вверх, — после того, как ты сама велела нам всем и всё забыть.

Меньшикова немного обдумала логичность моих слов, не согласилась с ними и в подтверждение этого впила в меня поцелуем. Это было весьма убедительно. Поэтому я, в очередной раз дав себе обещание не связываться с ненормальной девицей, выгнал кошку на

улицу и связался.

Казалось, княжна тоже готовится к апокалипсису, так неистово она занималась сексом. Меня такие локальные бедствия устроили, поэтому я не посрамил честь защитников, храмовников и мужчин в принципе.

А утром меня разбудил сладостный звук — шкворчание яичницы. Зрелище тоже было великолепным. Княжна, одетая в мою просторную рубашку, милейше прикусывая губу, орудовала у походной плитки, купленной взамен разгромленной.

Бодро пыхла кофеварка, доливая последние капли главного утреннего напитка. В иллюминаторы пробивались первые солнечные лучи, желудок урчал в предвкушении, а яйца особо приятно звенели пустотой.

Яна мне ласково улыбнулась и подала завтрак на улице. Я искренне пытался воспитанно отделять вилкой по скромному кусочку и вкушать первую пищу дня.

— Ммм, — не выдержал я на третий раз. — Хрустящая, прямо как я люблю.

Я вежливо старался намекнуть светлейшей, что скорлупка, пусть и содержит кальций, столь полезный для организма, но не является обязательной частью яичницы. Но она предсказуемо взорвалась.

— Я не обязана уметь готовить! — вспыхнула Яна и в качестве доказательства вышвырнула сначала свою, а потом и мою, тарелку за борт. — И вообще, если нужно, у меня есть повара!

Я не спорил, только грустно проводил взглядом еду. Не так и много там было лишних продуктов...

— Ты — хам! — в обычной утренней манере завелась девушка. — Нет, чтобы сказать спасибо!

И рванула внутрь, проклиная вообще всех, кого могла вспомнить. То есть меня. Не прошло и минуты, как она уже полностью одетая вылетела на палубу, гордо вскинула голову и убежала. А говорят, что женщины не способны быстро собираться...

— Да я вообще-то не сказал, что было невкусно... — сказал я уже в пустоту.

Я так и сидел с остатками яичницы на вилке, единственным уцелевшим куском моего завтрака. Но княжна вернулась. Не договорила.

— И вообще! — мне было страшно за её шею, так она крутила головой, хотя ночью она и показывала исключительные акробатические навыки. — Пожелай я тебя отравить, ты бы уже корчился в муках! Даже императорская кровь, защищенная от ядов, вряд ли устояла перед моим желанием убить!

После этого взревел мотор, тоже традиционно будя округу. А я охренеть как призадумался над её словами...

Глава 31

Благоухающая безумными ароматами этой ночи княжна исчезла. И оставила невероятное сочетание — кайфа и охреневания. Вывод напрашивался сам собой. Очевидный, что с императором мы не просто кровники, а ещё и родственники. Кто же меня нагулял из их семьи?

Внешне на правителя я был похож только если очень издалека. Значит, какая-то дальняя родня. В памяти всплыл погибший племянник, но тот был взрослым уже. Да и если брат ближе, сестер например, семейное сходство должно быть явное. Меня бы узнали.

Я залез в сеть и начал искать фотографии членов императорской семьи, высматривая их черты. Двоюродных сестер оказалось трое. Одна давно жила за границей, при английском дворе. Двое других на публике появлялись нечасто, пару раз в год на обязательных мероприятиях. Посмотрел я и почивших братьев императора, и вообще всех дальних родственников, подходящих по возрасту. Ни на кого из них похож я не был. Разве что цветом глаз.

Либо всё это фигня и не только у императорского рода есть устойчивость к дурманам.

— Кара!

— Что? — мурчащий голос хранительницы прозвучал прямо за спиной, вынудив меня вздрогнуть.

Перемещалась большая кошка совершенно бесшумно. Она посмотрела на кусок яичницы, с которым я так и сидел, задумывая кем я прихожусь императору и прихожусь ли. Я предложил угоститься, на что Кара фыркнула, подумала и ещё и чихнула, однозначно обозначив своё отношение к такой еде.

— А тебе вообще питаться нужно? Ты же дух.

Дух шумно плюхнулся на задницу, смотря на меня своими желтыми глазищами, и зевнул, показав немаленькие такие клыки.

— Вообще нужно. Ты меня призвал и дал физическое воплощение, так что уж теперь будь добр и корми. Ну либо дай возможность менять форму и возвращаться в эфир.

— А как? — удивился я такой возможности.

— Ну ты же у нас великий и могучий, вот и выясняй как, — не удержалась от подколки рысь. — Я хранительница рода, а не хвостатая энциклопедия.

Пока эта хвостатая только стебалась, дрыхла да ещё и требовала неслабого питания. Я не против домашних животных, но поменьше и не способных издеваться над своим хозяином.

— Кстати... — я поморщился, но не стал обращать внимания на её тон. — Насчет рода. Ты моего родственника учуять можешь?

— Я тебе не поисковая шавка, — фыркнула Кара. — Ты мне что, предлагаешь вынюхивать? Как ты себе это представляешь? И сразу поясню — крыс я тоже ловить не стану.

Такая себе идея, согласен. Каким образом привести духа к императорской семье, я не представлял. Такую кису тайно не притащишь.

— А почему все так спокойно реагируют на тебя? — вспомнил я ещё один волнующий меня вопрос.

— На воплощении духа-хранителя отвод глаз, меня все видят, но не находят в моем виде ничего странного, — поучительно объяснила она. — Для них я просто большая кошка.

Ментальное воздействие, встроенное в воплощение? Неплохо. Что же, это объясняет всеобщее спокойствие. Только Герман решил погладить хранительницу, видимо сильно кошек любил, но тоже сразу отстал.

— Ты сказала, что почувствовала в моей крови способности, так через кровь это возможно? — выдал я ещё одну неудачную идею.

Даже будь она ходячей генетической лабораторией, сцеживать императорскую кровь мне позволят ещё с меньшей долей вероятности, чем привести с собой питомца. Посмотрела на меня Кара соответственно, в хищных глазах промелькнуло сочувствие к моему скудоумию.

— Ещё что интересного придумаешь? Хранители поисками пропавших родственников не занимаются, — съязвила хранительница, но снизошла до пояснений: — Мы являемся предупредить о смертельной опасности. Чувствуем беду. Но, так как связь с родом давно была потеряна, я даже не уверена уже, что почувствую кого-то, кроме тебя. И уж тем более, пока я привязана к воплощению.

Надо изучать гримуар, хотя проводить новые эксперименты я не очень хочу. Что на следующий раз ко мне явится? Гигантская моль, которая сожрет всю одежду? Пополнять домашний зоопарк я не планировал. Эту тушу прокормить бы.

Стоит сходить к бабке Мишуты и вытрясти из неё подробности того, чем сынок её занимался. Старая хотя бы в обитель не наступит, слишком святош не любит. С другой стороны, разбирайся она в магии, забрала бы книгу себе. Заглянем вечерком на кладбище...

Чей я бастард тоже выяснить придется и при этом не вызвать подозрений. Раз меня отправили демоны знают куда, то явно пытались спрятать от одного из родителей. Что там настоятель говорил про меня? В годовалом возрасте подкинули к служителям. Либо мать не очень-то хотела ребенка, либо реально боялась за мою жизнь. Высока вероятность того, что мой батя не очень обрадуется внезапно появившемуся сыну.

Остаток утра я провел, дозваниваясь до своей «родной» обители. Название уезда, а именно Бугурусланский, а не как пытался прочесть настоятель, нашлось в паспорте, только он и был в моих личных вещах. Уехать на Урал пока было невозможно, а вот вопросы к брату Еврипию у меня были уже сейчас.

Монах оказался недоступен. Ушел в какой-то отдаленный монастырь в глухом лесу, где не было никаких благ цивилизации, включая и связь. Мне пообещали передать тому весточку с очередным продовольственным грузовиком, который будет через неделю.

Так как он уж больно подозрительно велел мне не высовываться и никому не верить, должен знать и про моих родителей. Неделю я могу подождать, но если вестей не будет, придется искать в уезде человека, который найдет мне монаха.

Миха в это утро не явился. Впрочем, я не переживал, пацан нашел какую-то подработку в порту, о чём гордо и сообщил мне в последний раз, когда я пытался дать ему денег. Просто так он их не брал, поэтому пришлось объявлять мальчишку информатором и платить за новости и слухи. Сумму он назвал сам, весьма скромную, но хоть что-то.

— Еду мне не забудь купить, — хранительница устроилась в кресле на палубе, свернувшись клубочком и явно собиралась спать весь день.

— И тебе хорошего дня, Кара, — я потрепал её по голове, увернулся от клыков и отправился на учебу.

Успех нашей команды принес и новые заботы. В основном не самые приятные. Во всех новостях светились наши рожи, адепты почти в полном составе вдруг резко стали вежливыми и дружелюбными. Только носатый с фламбергом не проникся и продолжал злобно посматривать. Заниматься перевоспитанием ещё одного нервного аристократа времени у меня не было.

Ростовский же теперь держался рядом, усевшись на соседнее место на первом же занятии, по общей демонологии. Княжич избавился от своей свиты, променяв её на нашу, более перспективную компанию. Не то чтобы мне нравились его прихлебатели, но и нас парень мог тоже послать куда подальше в нужный момент. Поэтому на его счёт я не обманывался, хотя он и правда оказался полезным и даже вполне нормальным.

Изучали мы сегодня тех самых чертей, что вчера гоняли по канализации. Преподаватель

явно нарочно выбрал этот вид нечисти, не забывая ядовито интересоваться у меня, всё ли правильно он говорит. Невзлюбил он нас, особенно после того, как баронский дом сожгли.

Мне этот индюк же мешал заказывать доставку. Мебель, техника, посуда, продукты... Стоит себе помощника завести, ну или подписку в мебельном оформить, чувствую не в последний раз интерьер менять буду.

После обеда нас оставили на полигоне. Глеб лишь усмехнулся на наши удивленные лица:

— Что, не успели отмыться и уже обратно тянет? Сегодня спасти высший свет от скуки не придется. Хотя на вас такой спрос, что в дежурке отдельный список ожидания для вас завели. Наверняка ещё и местами в этом списке приторговывать начнут. А вот им, — сложил он кукиш и показал его куда-то в сторону ворот. — Сам выбирать буду, но сегодня вам нужно отработать тактику с учетом нашего пополнения, — кивнул он на княжича и кривоулыбно улыбнулся.

Отрабатывали мы долго и болезненно. Ростовский выдержал все нагоняи, синяки и издевки наставника, не проронив ни слова. Ну разве что пару матерных позволил.

Вечером, уставший, но довольный, что сегодня удалось не влезть в новые приключения, я отправился на кладбище. Таксист, увидев в какое место меня привез, сочувственно пожелал мне удачи.

Темнело и холодало, надгробия светлыми пятнами выделялись среди кустов и деревьев. Целых после моей гонки за гулям, осталось не так и много. Я поежился и прислушался, но шуршало только в листьях. Какая-то пичуга готовилась ко сну.

Бабка ожидаемо на мой стук не открыла. Хотя в домике горел свет, а за занавеской мелькнула тень. Я призвал косу и начал дубасить древком, мысленно извиняясь перед оружием, что использую его не по назначению.

Дверь приоткрылась и высунулась голова в платке.

— Чего тебе, демонюга, надобно? А ну брысь отсюда! Тьфу! — хозяйка злобно прищурилась и прицельно плюнула в меня, собираясь закрыть дверь.

Я изящно увернулся, неизящно ругнулся и успел поставить ногу в дверной проем.

— А ну стоять! Разговор есть.

Бабка просто так не сдалась и мы переругивались ещё несколько минут, пока я не пригрозил сдать её святошам. Этот аргумент она приняла, хоть и послала всех храмовников к демонам.

Внутри оказалось тесно и душно. Комната, исполняющая роль прихожей, столовой, кухни и гостиной, была уставлена разнообразной мебелью из веков ещё более махровых, чем моя баржа.

— Уважаемая, — вежливо начал я разговор, стараясь не обращать внимание на её угрожающий вид. — Мой вопрос может вас смутить, но я клянусь, что всё останется между нами. Чем занимался ваш сын, который отец Мишуты?

— А тебе какое дело, изверг? — завелась старушка. — Был и сплыл! Нечего тебе про него знать!

Я вздохнул, призвав все терпение, на которое был способен. Характер у бабки был отвратительный, но не бить же пожилую женщину. Угрожать ей я тоже больше не хотел. Таким образом я информацию не получу, а мне нужно чтобы она сотрудничала, а не боялась меня.

— В моих руках оказался его гримуар и мне нужна помощь в его изучении, — честно

признался я.

Бабушка зависла, распахнув глаза от изумления. И немигающе уставилась на меня. Я молча ждал, она наконец-то моргнула и начала заливаться краской.

— Ничего я тебе не скажу, демон! — завопила она так громко, что звякнула посуда в серванте. — Ничего не знаю! Ни про какие хримуары ничего не знаю!

Из соседней комнаты, закрытой вместо двери занавеской, появился Миха с неизменной хитрой улыбочкой.

— Бабуль, — шмыгнул пацан носом. — Это я ему отдал, помоги, а? Он же нам помог с гуляями и дядьке...

— Ах ты ж, мелкий, я же говорила тебе — забудь и избавься от проклятушй книги! — перевела она свой гнев на внука. — Сжечь её надо было, а не святоше отдавать!

— Да ну он нормальный, бабуль, — канючил мальчишка. — И мне помогает.

Бабушка призадумалась, перестав орать. Я боялся спугнуть, поэтому не шевелился, только косу отозвал. Миха же прошмыгнул к плите и загремел чайником.

— Чайку желаете, брат Илья? — суетился пацан, доставая чашки.

— Благодарю, с удовольствием, — я тут же воспользовался приглашением и уселся за стол.

Бабка плюнула, растерла тапком и плюхнулась на стул напротив, буравя меня недобрым взглядом. Нежных чувств у неё вызывать я не собирался, поэтому ответил таким же. Достала, старая.

— Ишь зыркает! — неожиданно усмехнулась она. — Упертый, как баран. Не отстанешь?

Я уверенно помотал головой. Вообще с места не сойду, пока не расскажет мне про гримуар. Будет у них ещё один жилец не с самым мягким характером.

— Ну и ладно, — вдруг легко согласилась она и ласково улыбнулась внуку, подавшему чай. — Немного я рассказать могу, я же неодаренная. Вот папка его был таким, наградил его мой... его отец.

— А Афанасий?

— Фоня от другого отца, пустьшка он, как и я, — потеплевший было взгляд опять превратился в злобный. — Ничего не хочу я знать ни про него, не про его мегеру.

Ну кто тут ещё мегера, я бы поспорил. Но влезать в их долбанутые родственные отношения не собирался. Ясно, что причина их ссоры в невестке, а мне не стоит напоминать, что я и её спас.

— Да и демоны с ними. И сын ваш был служителем? — вернул я разговор к интересующей меня теме, кивая на её выпад.

— Пробудился, да, — бабушка немного успокоилась, но теперь слегка загрустила. — Хранителем стал мой Никитка, да что он там такого узнал, не сказал. Через три года ушел из обители и засел у себя дома, с книжками разными. Знакомства завел плохие. От одного такого и мальчика вон, заделал. Мамка его, тьфу на эту шлю... бабу, сына бросила и свинтила. Надеюсь её тварюга какая-нибудь сожрала!

Миха немного помрачнел, но ничего не сказал, только пододвинул поближе ко мне вазу с пряниками. Было их немного, да и свежести явно не первой, но я взял один из вежливости. Чуть не сломал зуб, отложил это каменное изделие в сторону и сделал отметку в памяти принести им свежих.

— А с кем он завел знакомства, вы случайно не знаете?

— С ведьмой какой-то, чтобы её демоны сожрали. Надеюсь и сожрали! Пропала она, после того как Никита погиб. Вместе с домом и сгорел в одну ночь, только и успел что мальчика с книжкой проклятой ко мне отправить. Уверена я, за то, что с ведьмой связался, ваши же его и сожгли!

— А ведьму как ту звали, помните? — я уже начал привыкать к её постоянным ругательствам и оскорблениям всех на свете.

— Тоже хочешь на костер? — ухмыльнулась бабка. — Дело твоё, святоша. Ненашенское у неё имя было, если это вообще имя. Аделина. Из ганзейских, на проклятом острове и жила отродье бездны! И они там все — отродья!

Больше ничего толкового добрая женщина мне рассказать не могла. Только ещё прошла руганью по всем обидчикам, напомнила мне про костер и дала примерный адрес. Только улицу она и знала, где эта Аделина жила пять лет назад.

Идти туда с расспросами я, понятное дело, не мог. Как и искать информацию при помощи шпионской сети наставника. По его реакции на обнаруженную на заводе Демидова ведьму, ясно что мне поблажек не будет. Надо было либо обзаводиться своими людьми, либо обращаться за услугой к подземному правителю.

Старушка, оказавшаяся Олесей Федотовной, грызла окаменевшие пряники, прихлебывала чай и окончательно ушла в ностальгию, вспоминая как раньше было лучше. Я откланялся, но вернулся через полчаса, привезя пряники, плюшки и прочие сладости, как и хотел.

За это бабушка наградила меня человеческой улыбкой, потрепала за щеку и назвала демонюгой, но уже нежно. Но сказала, чтобы я больше не приходил, не пустит на порог.

Княжна объявилась сразу после полуночи, как ни в чем ни бывало. Словно и не орала на меня на рассвете, раскидываясь едой. Обсуждать свои кулинарные способности девушка не стала, только утром смущенно попросила научить её готовить. Это дело я любил и день начался не со скандала, а совместным приготовлением завтрака.

Благо яиц я загрузил в холодильник много, на всякий случай. Задачку перед княжной я поставил непростую, она тренировалась делать яйца пашот и уже на пятом получился приличный результат, а Яна засияла от радости и наградила меня поцелуем.

В общем, когда мы вернулись к еде, вода выкипела, а кастрюлька пригорела, добавив в список покупок ещё один пункт.

Я сидел на палубе, нежась в ласковых лучах солнца. Рядом дрыхла и урчала как трактор Кара, стихал рокот мотоцикла княжны, а птички на той стороне реки щебетали, порхая между деревьями. Красота.

Итак, что же мы имеем? Ржавая баржа «Спаситель», требующая постоянного вложения денег, но уже родная и хранящая столько приятных воспоминаний. Говорящая, в основном колкости, рысь, она же хранительница неизвестного древнего рода. Взбалмошная княжна, которая ворвалась в мою жизнь безумным цунами. Вспыльчивая, обидчивая и неутомимая. Боевая команда из добряка, любвеобильного кофемана, второгодника и перевоспитанного светлейшего отпрыска. Наставник, влезающий в темные и рискованные дела. И загадочный гримуар, хранящий немало интересных и наверняка опасных тайн.

Ну а вновь похудевший счет можно заметно пополнить, сходяв таки на аудиенцию к королю подземелий и подпольных боев. После того, как появился в светских хрониках, свою персону можно продать гораздо дороже.

Для начала не так уж и плохо, есть с чем работать.

Глаза сами тянулись к императорской башне, выискивая её среди сверкающих небоскребов. Я прищурился на эту «шишку», раздумывая о том, как бы мне безопасно выяснить подробности про монаршее семейство.

По набережной протарахтела черная «буханка», остановилась на пустыре напротив и оттуда вылез Глеб. Наставник бодро забрался на борт, окинул наше утреннее расслабление и громко хлопнул в ладоши:

— Илья, приводи себя в порядок, тебя вызывает к себе его императорское высочество, цесаревич Георгий.

Больше книг на сайте - Knigoed.net